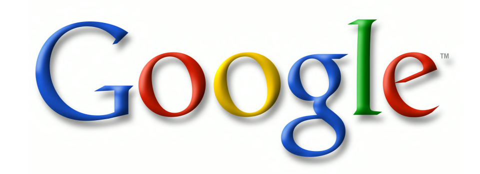
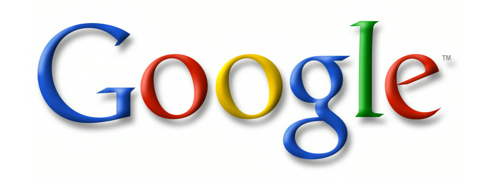

ИЗВѢСТІЯ

О ЗАНЯТІЯХЪ

СЕДЬМАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА

ВЪ ЯРОСЛАВЛѢ

6—20 АВГУСТА 1887 ГОДА.

№ 1—15

Изданы подъ редакціею
секретаря съѣзда
Ѳ. Аѳ. БЫЧКОВА.

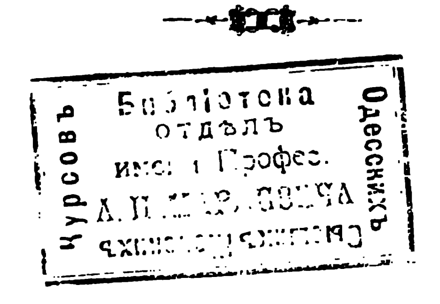
Ярославль.
Типографія Губернскаго Правленія.
1887.

ИЗВѢСТІЯ

О ЗАНЯТІЯХЪ

СЕДЬМАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА

ВЪ ЯРОСЛАВЛѢ

ЯРОСЛАВЛЬ.
Въ типографіи Губернскаго Правленія.
1887.

ИЗВѢСТІЯ

о занятіяхъ

СЕДЬМАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА

ВЪ ЯРОСЛАВЛѢ.

№ 1. 31 іюля 1887 г.

Засѣданіе происходило подъ предсѣдательствомъ С. М. Шпилевскаго, въ присутствіи: Предсѣдателя Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества графини П. С. Уваровой, Предсѣдателя Московскаго Предварительнаго Комитета Съѣзда Ив. Е. Забѣлина, депутатовъ: отъ С.-Петербургской Духовной Академіи Н. В. Покровскаго, отъ Императорской Академіи Художествъ В. В. Суслова, отъ Археологическаго Института А. Ѳ. Селиванова, отъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества А. М. Павлинова и М. В. Никольскаго, отъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ В. К. Трутовскаго и С. А. Бѣлокурова, отъ Рязанской ученой Архивной Коммиссіи А. В. Селиванова, членовъ Ярославскаго Предварительнаго Комитета: В. Ив. Лѣствицына, Ив. Н Соболева, А. В. Скульскаго, Л. Н. Трефолева, Е. Ив. Якушкина и секретаря Комитета Ѳ. А. Бычкова.

---

1) На основаніи п. 2 утвержденныхъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія 23 мая 1886 года Правилъ Съѣзда дѣйствія Совѣта Съѣзда были объявлены открытыми.

2) Въ виду 3 пункта этихъ-же правилъ секретарь прочиталъ нижепомѣщаемый списокъ депутатовъ, назначенныхъ высшими учеными учрежденіями и археологическими обществами для присутствованія на VII Археологическомъ Съѣздѣ въ Ярославлѣ. (См. приложеніе II).

3) Доложена полученная Директоромъ Демидовскаго Юридическаго Лицея С. М. Шпилевскимъ телеграмма отъ Министра Народнаго Просвѣщенія слѣдующаго содержанія: «Поручаю вамъ, согласно представленію Попечителя, открыть предстоящій Археологическій Съѣздъ и участвовать въ засѣданіяхъ представителемъ Министерства (подп.) Деляновъ».

4) Вслѣдъ затѣмъ Совѣтомъ было приступлено къ избранію (посредствомъ записокъ) Предсѣдателя Совѣта и Съѣзда и

6 членовъ въ Распорядительный Комитетъ Съѣзда Предсѣдателемъ Съѣзда оказался избраннымъ большинствомъ голосовъ Ив. Е. Забѣлинъ, въ составъ же Распорядительнаго Комитета Съѣзда вошли: графиня П. С. Уварова, С. М. Шпилевскій, А. В. Скульскій, Ив. Н. Соболевъ, В. К. Трутовскій, Ѳ. А. Бычковъ и избранный Казначеемъ Съѣзда Ив. Ал. Вахромѣевъ.

5) Въ Секретари Съѣзда избраны Ѳ. А. Бычковъ и В. К. Трутовскій.

6) На основаніи п. 11 правилъ Съѣзда, присутствовавшіе на засѣданіи члены Совѣта, раздѣлившись на 8 Коммиссій (по числу отдѣленій Съѣзда), приступили къ избранію предсѣдателей и секретарей отдѣленій, каковыми и оказались избранными: по отдѣленію I Древности первобытныя: предсѣдателемъ гр. П. С. Уварова, секретаремъ А. В. Селивановъ; по отдѣленію II--Древности историческія, географическія и этнографическія: предсѣдателемъ Л. Н. Майковъ, секретаремъ В. Ѳ. Миллеръ; по отдѣленію III—Русскіе памятники художествъ—предсѣдателемъ Н. В. Покровскій, секретаремъ В. В. Сусловъ; по отдѣлерію IV—Русскій бытъ домашній и общественный предсѣдателемъ Ив. Е. Забѣлинъ, секретаремъ А. Ѳ. Селивановъ; по отдѣленію V—Памятники церковные-предсѣдателемъ Е. Е. Голубинскій, секретаремъ А. С. Бѣлокуровъ; по отдѣленію VI Памятники славяно-русскаго языка и письма—предсѣдателемъ А. Ѳ. Бычковъ, секретаремъ А И. Соболевскій; по отдѣленію VII--Древности классическія, славяно византійскія и западноевропейскія--предсѣдателемъ Ив. Вл. Цвѣтаевъ, секретаремъ гр. Ив. Ив. Толстой и, наконецъ, по отдѣленію VIII—Древности восточныя языческія—предсѣдателемъ Н. Ив. Веселовскій, секретаремъ М. В. Никольскій.

7) На основаніи п. 16 правилъ Съѣзда, произведенъ былъ выборъ Предсѣдателей Ученаго и Распорядительнаго Комитета, при чемъ Предсѣдателемъ Ученаго Комитета былъ избранъ С. М. Шпилевскій, предсѣдателемъ же Распорядительнаго Комитета графиня П. С. Уварова.

8) Доложено: 1) отношеніе Директора Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, барона Ѳ. А. Бюлера о невозможности для него принять личное участіе въ Съѣздѣ и 2) письмо депутата Императорской Археологической Коммиссіи профессора Н. П. Кондакова, изъ Лондона, съ выраженіемъ сожалѣнія, что онъ не можетъ, въ виду продолжающейся научной его поѣздки, присутствовать на Съѣздѣ и съ просьбою доложить Съѣзду, въ день открытія послѣдняго, его привѣтствіе и выраженіе глубокаго сочувствія къ научнымъ трудамъ Съѣзда.

9) Касательно назначенія времени для засѣданій какъ общихъ собраній Съѣзда, такъ и засѣданій отдѣленій послѣдняго, Совѣтомъ постановлено: назначить утреннія засѣданія, отъ 11 до 2 ч. по-полудни, и вечернія, отъ 7 до 9 часовъ вечера.

10) Археологическую выставку при Съѣздѣ постановлено, во избѣжаніе какихъ-либо помѣхъ для занятій во время засѣданій Съѣзда, открывать для обозрѣнія въ свободное отъ засѣданій время, т. е. отъ 2 ч. по-полудни до 6 ч. вечера, о чемъ и объявить своевременно во всеобщее свѣдѣніе.

Приложенія къ протоколу № 1.

I) *Личный составъ VII Археологическаго Съѣзда въ Ярославлѣ.*

Предсѣдатель Съѣзда: Иванъ Егоровичъ *Забѣлинъ*.

Ученый Комитетъ:

Предсѣдатель: Сергѣй Михайловичъ *Шпилевскій*.

По отдѣленіямъ: I Древностей первобытныхъ—предсѣдатель графиня Прасковья Сергѣевна *Уварова*, секретарь Алексѣй Васильевичъ *Селивановъ*; II Древностей историческихъ, географическихъ и этнографическихъ—предсѣдатель Леонидъ Николаевичъ *Майковъ*, секретарь Всеволодъ Ѳеодоровичъ *Миллеръ*; III Русскихъ памятнковъ художествъ—предсѣдатель Николай Васильевичъ *Покровскій*, секретарь Владиміръ Васильевичъ *Сусловъ*; IV Русскаго быта—домашняго и общественнаго—предсѣдатель Иванъ Егоровичъ *Забѣлинъ*, секретарь Александръ Ѳеодоровичъ *Селивановъ*; V Памятниковъ церковныхъ—предсѣдатель Евгеній Евстигнѣевичъ *Голубинскій*, секретарь Сергѣй Алексѣевичъ *Бѣлокуровъ*; VI Памятниковъ славяно-русскаго языка и письма—предсѣдатель Аѳанасій Ѳеодоровичъ *Бычковъ*, секретарь Александръ Ивановичъ *Соболевскій*; VII Древностей классическихъ, славяно-византійскихъ и западноевропейскихъ—предсѣдатель Иванъ Владиміровичъ *Цвѣтаевъ*, секретарь графъ Иванъ Ивановичъ *Толстой* и VIII Древностей восточныхъ—предсѣдатель Николай Ивановичъ *Веселовскій*, секретарь Михаилъ Васильевичъ *Никольскій*.

Распорядительный Комитетъ.

Предсѣдатель: графиня Прасковья Сергѣевна *Уварова*.

Члены: гр. П. С. *Уварова*, Сергѣй Михайловичъ *Шпилевскій*, Аркадій Васильевичъ *Скульскій*, Иванъ Николаевичъ

Соболевъ, Иванъ Александровичъ *Вахромѣевъ* (по званію Казначея Съѣзда), Владиміръ Константиновичъ *Трутовскій* и Ѳеодоръ Аѳанасьевичъ *Бычковъ*.

Секретари Съѣзда.

Ѳеодоръ Аѳанасьевичъ *Бычковъ* и Владиміръ Константиновичъ *Трутовскій*. Казначей Съѣзда Иванъ Александровичъ *Вахромѣевъ*.

II) *Списокъ и. Депутатовъ отъ ученыхъ обществъ и учрежденій на VII Археологическомъ Съѣздѣ *).*

1) Отъ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета: Иванъ Васильевичъ Помяловскій, Владиміръ Ивановичъ Ламанскій, Орестъ Ѳеодоровичъ Миллеръ, Василій Григорьевичъ Васильевскій и Николай Ивановичъ Веселовскій.

2) Отъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества: графъ Алексѣй Александровичъ Бобринскій, Юлій Богдановичъ Иверсенъ, Владиміръ Павловичъ Мордвиновъ, Павелъ Ивановичъ Савваитовъ и графъ Иванъ Ивановичъ Толстой.

3) Отъ Императорской Археологической Коммиссіи: графъ Алексѣй Александровичъ Бобринскій, Никодимъ Павловичъ Кондаковъ и графъ Иванъ Ивановичъ Толстой.

4) Отъ Археографической Коммиссіи: Леонидъ Николаевичъ Майковъ и Геннадій Ѳеодоровичъ Карповъ.

5) Отъ Археологическаго Института: Аскалонъ Николаевичъ Труворовъ, Иванъ Ивановичъ Василевъ, Алексѣй Аѳанасьевичъ Благовѣщенскій, Александръ Логгиновичъ Смирновъ, графъ Николай Степановичъ Ланской, Александръ Ѳеодоровичъ Селивановъ.

6) Отъ С.-Петербургской Духовной Академіи: Николай Васильевичъ Покровскій.

7) Отъ Императорской Академіи Художествъ: Владиміръ Васильевичъ Сусловъ.

8) Отъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества: Нилъ Александровичъ Поповъ и Николай Ивановичъ Веселовскій.

9) Отъ Главнаго Артиллерійскаго Управленія: Николай Евфимовичъ Бранденбургъ.

---

*) Списокъ составленъ на основаніи заявленій, полученныхъ отъ ученыхъ учрежденій и обществъ какъ Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ, такъ и мѣстнымъ предварительнымъ Комитетомъ Съѣзда.

10) Отъ Православнаго Пелестинскаго Общества: Иванъ Георгіевичъ Троицкій.

11) Отъ С.-Петербургскаго Общества Архитекторовъ: Николай Владиміровичъ Султановъ.

12) Отъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества: графиня Прасковья Сергѣевна Уварова, Дмитрій Николаевичъ Анучинъ, Иванъ Егоровичъ Забѣлинъ, Дмитрій Ивановичъ Иловайскій, Николай Васильевичъ Никитинъ, Михаилъ Васильевичъ Никольскій, Андрей Михайловичъ Павлиновъ, Василій Егоровичъ Румянцовъ и Владиміръ Константиновичъ Трутовскій.

13) Отъ Императорскаго Московскаго Университета: Николай Саввичъ Тихонравовъ, Алексѣй Степановичъ Павловъ, Василій Осиповичъ Ключевскій, Иванъ Владиміровичъ Цвѣтаевъ, Всеволодъ Ѳеодоровичъ Миллеръ, Александръ Николаевичъ Шварцъ и Дмитрій Николаевичъ Анучинъ.

14) Отъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ: Иванъ Егоровичъ Забѣлинъ, Елпидифоръ Васильевичъ Барсовъ, Николай Саввичъ Тихонравовъ и Георгій Дмитріевичъ Филимоновъ.

15) Отъ Историческаго Музея въ Москвѣ: Иванъ Егоровичъ Забѣлинъ.

16) Отъ Московской Духовной Академіи: Евгеній Евстигнеевичъ Голубинскій.

17) Отъ Московсскаго Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ: Георгій Дмитріевичъ Филимоновъ, Всеволодъ Ѳеодоровичъ Миллеръ, Дмитрій Петровичъ Лебедевъ и Семенъ Осиповичъ Долговъ.

18) Отъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: Владиміръ Константиновичъ Трутовскій и Сергѣй Алексѣевичъ Бѣлокуровъ.

19) Отъ Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія въ Москвѣ: архимандритъ Амфилохій.

20) Отъ Императорскаго Московскаго Общества Испытателей Природы: Владиміръ Дмитріевичъ Соколовъ.

21) Отъ Демидовскаго Юридическаго Лицея: Сергѣй Михайловичъ Шпилевскій, Леонидъ Сергѣевичъ Бѣлогрицъ-Котляревскій, Иванъ Григорьевичъ Табашниковъ, Владиміръ Георгіевичъ Щегловъ, Маріанъ Александровичъ Липинскій, Александръ Евграфовичъ Минервинъ

22) Отъ Императорскаго Казанскаго Университета: Дмитрій Александровичъ Корсаковъ и Иванъ Николаевичъ Смирровъ.

23) Отъ Общестга Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ: Иліодоръ Александровичъ Износковъ и Дмитрій Александровичъ Корсаковъ.

24) Отъ Казанской Духовной Академіи: Николай Ѳомичъ Красносельцевъ.

25) Отъ Императорскаго Университета св. Владиміра: Владиміръ Степановичъ Иконниковъ, Ѳеодоръ Яковлевичъ Фортинскій, Александръ Ивановичъ Соболевскій, Иванъ Васильевичъ Лучицкій и Юліанъ Андреевичъ Кулаковскій.

26) Отъ Историко-филологическаго Института князя Безбородко въ Нѣжинѣ: Михаилъ Николаевичъ Бережковъ и М. И. Соколовъ.

27) Отъ Церковно Археологическаго Общества при Кіевской Духовной Академіи: графъ Михаилъ Владиміровичъ Толстой и Владиміръ Зиноновичъ Завитневичъ.

28) Отъ Императорскаго Харьковскаго Университета: Дмитрій Ивановичъ Багалѣй.

29) Отъ Императорскаго Варшавскаго Университета: Дмитрій Яковлевичъ Самоквасовъ и Григорій Эдуардовичъ Зингеръ.

30) Отъ Императорскаго: Дерптскаго Университета Павелъ Александровичъ Висковатовъ.

31) Отъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей: Александръ Александровичъ Кочубинскій.

32) Отъ Ростовскаго Музея Церковныхъ Древностей: Иванъ Александровичъ Вахромѣевъ и Иванъ Александровичъ Шляковъ.

33) Отъ Вятскаго Губернскаго Статистическаго Комитета: Александръ Степановичъ Верещагинъ и Александръ Андреевичъ Спицынъ.

34) Отъ Тверской ученой Архивной Коммиссіи: Августъ Казиміровичъ Жизневскій.

35) Отъ Рязанской ученой Архивной Коммиссіи: Алексѣй Васильевичъ Селивановъ и священникъ Иванъ Васильевичъ Добролюбовъ.

36) Отъ Тамбовской ученой Архивной Коммиссіи: Иванъ Ивановичъ Дубасовъ и Петръ Александровичъ Верещагинъ.

ИЗВѢСТІЯ

о занятіяхъ

СЕДЬМАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА

ВЪ ЯРОСЛАВЛѢ.

Протоколъ втораго засѣданія Совѣта VII Археологическаго Съѣзда въ г. Ярославлѣ 1-го августа 1887 года.

(№ 2).

Засѣданіе происходило подъ предсѣдательствомъ И. Е. Забѣлина, присутствовали члены: С. А. Бѣлокуровъ, Гр. Н. С. Ланской, А. Е. Минервинъ, М. Н. Никольскій, Н. В. Покровскій, И. Н. Соболевъ, А. В. Селивановъ, А. Ѳ. Селивановъ, В. В. Сусловъ, Гр. П. С. Уварова, С. М. Шпилевскій и секретарь Съѣзда В. К. Трутовскій.

1) Предсѣдатель, обративъ вниманіе Совѣта Съѣзда на постоянно оказываемое Его Высокопреосвященствомъ Высокопреосвященнѣйшимъ Іонаѳаномъ Архіепископомъ Ярославскимъ и Ростовскимъ, просвѣщенное содѣйствіе успѣхамъ русской археологіи и выдающіяся заслуги въ дѣлѣ сохраненія памятниковъ древности въ предѣлахъ Ярославской епархіи, а также въ виду общеизвѣстныхъ заслугъ г. Ярославскаго губернатора генералъ-маіоръ Фриде въ дѣлѣ открытія и изслѣдованія древнихъ христіанскихъ памятниковъ въ предѣлахъ Семирѣченской области, предложилъ просить Его Высокопреосвященство и Его Превосходительство принять званіе Почетныхъ Членовъ Съѣзда.

Совѣтъ единогласно опредѣлилъ: просить Его Высокопреосвященство и Его Превосходительство принять званіе Почетныхъ Членовъ Съѣзда.

2) Доложенъ протоколъ засѣданія Коммиссіи V Отдѣленія Съѣзда по древностямъ церковнымъ объ избраніи, вслѣдствіе невозможности прибыть на Съѣздъ предсѣдателя Отдѣленія профессора Московской Духовной Академіи Е. Е. Голубинскаго, предсѣдателемъ Отдѣленія профессора С.-Петербургской Духовной Академіи И. Е. Троицкаго.

Приложеніе къ извѣстіямъ № 2.

Списокъ и. членовъ и депутатовъ, прибывшихъ на VII Архео. логическій Съѣздъ.

1) Иванъ Егоровичъ Забѣлинъ у Е. И. Якушкина на Дворянской ул. домъ Высоцкаго.

Въ зданіи Лицея.

2) Графиня Прасковья Сергѣевна Уварова.
3) Сергѣй Алексѣевичъ Бѣлокуровъ.
4) Александръ Алексѣевичъ Дмитріевъ.
5) Иліодоръ Александровичъ Износковъ.
6) Дмитрій Александровичъ Корсаковъ.
7) Графъ Николай Степановичъ Ланской.
8) Михаилъ Васильевичъ Никольскій.
9) Николай Васильевичъ Покровскій.
10) Алексѣй Васильевичъ Селивановъ.
11) Александръ Ѳедоровичъ Селивановъ.
12) Владиміръ Константиновичъ Трутовскій.
13) Михаилъ Николаевичъ Бережковъ.
14) Протоіерей Никольскій.

Въ Гимназіи.

15) Николай Константиновичъ Никольскій.
16) Николай Ѳомичъ Красносельцевъ.
17) Валерій Павловичъ Овсянниковъ.
18) Андрей Михайловичъ Павлиновъ.
19) Владиміръ Васильевичъ Сусловъ.
20) Николай Ивановичъ Троицкій.

21) Павелъ Александровичъ Висковатовъ.
22) Марія Павловна Висковатова.
23) Григорій Эдуардовичъ Зенгеръ.
24) Геннадій Ѳеодоровичъ Карповъ.

25) Леонидъ Николаевичъ Майковъ въ домѣ Ив. Ал. Вахромѣева.

ИЗВѢСТІЯ

о занятіяхъ

СЕДЬМАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА

ВЪ ЯРОСЛАВЛѢ.

№ 3. 10 августа 1887 г.

Наканунѣ открытія VII Археологическаго Съѣзда, 5-го сего августа, въ церкви Демидовскаго Юридическаго Лицея была совершена заупокойная литургія, а послѣ нея панихида по учредителѣ Археологическихъ Съѣздовъ въ Россіи, предсѣдателѣ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества графѣ А. С. Уваровѣ и по почетномъ предсѣдателѣ Ярославскаго Предварительнаго Комитета VII Археологическаго Съѣзда, покойномъ Ярославскомъ Губернаторѣ В. Д. Левшинѣ. Панихиду совершалъ Высокопреосвященный Іонаѳанъ въ сослуженіи архимандрита Владиміра и представителей мѣстнаго духовенства. По окончаніи панихиды, всѣ присутствовавшіе въ церкви депутаты отъ высшихъ ученыхъ учрежденій и обществъ, члены Съѣзда и находившаяся въ церкви публика перешли въ актовый залъ Лицея, гдѣ были произнесены рѣчи, посвященныя памяти двухъ названныхъ лицъ Предсѣдателемъ Ученаго Комитета Съѣзда Директоромъ Демидовскаго Юридическаго Лицея С. М. Шпилевскимъ и депутатомъ отъ Императорскаго Казанскаго Университета профессоромъ этого Университета Д. А. Корсаковымъ.

Рѣчь С. М. Шпилевскаго была слѣдующая: «Наканунѣ открытія VII Археологическаго Съѣзда—началъ свою рѣчь Сергѣй Михайловичъ—мы вознесли молитву объ упокоеніи души покойнаго гр. А. С. Уварова. Нѣтъ среди насъ нашего руководителя и перваго, самаго усерднаго работника всѣхъ бывшихъ Съѣздовъ, нѣтъ нашего учителя, который обогащалъ насъ не только знаніемъ, но и воодушевлялъ насъ къ труду, потому что училъ отъ всей полноты своей души.... Но люди, подобные графу А. С. Уварову, не умираютъ.... Покойный графъ живъ среди насъ своимъ духомъ. Открывающійся завтра Съѣздъ развѣ не устроенъ по памятнымъ для всѣхъ насъ указаніямъ покойнаго; не остылъ въ насъ огонь, зажженный покойнымъ; не забыты его завѣты. Носительницею послѣднихъ является во-первыхъ та, которая, по собственному признанію покойнаго, постоянно содѣйствовала ему въ его изслѣдованіяхъ;

среди насъ и члены его ученой дружины; всѣ мы вооружены знаніемъ, которое далъ намъ покойный. Предстоящій Съѣздъ, по завѣту графа, долженъ преимущественно вращаться въ кругу вопросовъ, относящихся къ изученію древностей мѣстнаго края. А важнѣйшимъ изслѣдователемъ древнѣйшихъ мѣстныхъ памятниковъ нашего края былъ самъ графъ Алексѣй Сергѣевичъ: онъ по курганнымъ находкамъ возстановилъ черты домашняго и общественнаго быта древнѣйшихъ насельниковъ нашего края Мери; онъ представилъ образцовое описаніе предметовъ, найденныхъ около Уткинской станціи, принадлежащихъ къ эпохѣ, находящейся на рубежѣ каменнаго и бронзоваго періодовъ; въ славномъ дѣлѣ Ростовскихъ гражданъ—возстановленія древнихъ святынь Ростова—покойный былъ главнымъ руководителемъ. Глубокое впечатлѣніе произвело на меня признаніе одного изъ почтенныхъ дѣятелей по возстановленію Ростовскаго кремля: съ особеннымъ увлеченіемъ, отъ всей полноты души, онъ говорилъ, что покойный графъ открылъ ему цѣлый новый духовный міръ, сдѣлалъ его другимъ человѣкомъ.... Я съ наслажденіемъ слушалъ это признаніе, радуясь за учителя и ученика. Вскорѣ по смерти покойнаго, я еще въ Казани, въ засѣданіи Казанскаго Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи, посвященномъ памяти графа, произнесъ рѣчь, представляющую очеркъ ученой дѣятельности графа Алексѣя Сергѣевича. Эту рѣчь я закончилъ словами: «покойный такъ много оставилъ по себѣ духовнаго наслѣдства, участникомъ котораго и мы можемъ быть, что оно обогатитъ каждаго изъ насъ!» Наступающій Съѣздъ докажетъ правду мною сказаннаго....

Молитву о покойномъ графѣ я соединилъ—продолжалъ ораторъ—съ молитвою о Владимірѣ Дмитріевичѣ Левшинѣ. Предстоящій Съѣздъ и ему также много обязанъ. Императорское Московское Археологическое Общество, отъ котораго исходитъ иниціатива устройства Съѣзда, основаніемъ къ избранію Ярославля мѣстомъ Съѣзда указало на сосѣдство Ярославля съ Ростовомъ, въ которомъ въ послѣднее время возстановлено столько памятниковъ древности, благодаря сочувствію и трудамъ Ярославскаго Губернатора В. Д. Левшина и Ростовскихъ археологовъ. Намъ, людямъ, близко знавшимъ Владиміра Дмитріевича, хорошо извѣстно то сердечное, искреннее увлеченіе его, съ которымъ онъ относился къ дѣлу возстановленія Ростовскихъ древностей; съ такимъ же непритворнымъ увлеченіемъ онъ относился и къ будущему Съѣзду; я былъ частымъ свидѣтелемъ его заботъ о послѣднемъ и весело было работать съ такимъ сотрудникомъ. Какъ свѣтлаго, высокоторжественнаго, великаго праздника ждалъ онъ дня открытія Съѣзда, но по волѣ Божіей не дано ему дождаться этого дня, а намъ суждено потерять самаго полезнаго дѣятеля по устрой-

ству Съѣзда. Эта потеря вызываетъ въ насъ глубокую скорбь; особенно прискорбно, что не суждено было порадоваться счастливымъ исходомъ дѣла ему, такъ сердечно желавшему этого».

Вслѣдъ за С. М. Шпилевскимъ, на каѳедру взошелъ профессоръ Д. А. Корсаковъ, который въ пространной рѣчи представилъ обзоръ дѣятельности графа А. С. Уварова на поприщѣ русской археологіи, указавъ на его заслуги по научной ея разработкѣ. По мнѣнію г. Корсакова, графъ А. С. Уваровъ является основателемъ и пропагандистомъ науки русской археологіи, каковой до него, въ строгомъ смыслѣ слова, не было. Основныя черты ума и характера графа Уварова—обобщеніе и способность къ организаціи, благодаря которымъ онъ и могъ только создать науку русской археологіи, особенно полно выразились съ основанія гр. Уваровымъ въ 1864 году, въ Москвѣ, Археологическаго Общества. Съ этого времени научная дѣятельность графа проявилась главнымъ образомъ въ нижеслѣдующемъ: 1) въ стараніи о сохраненіи памятниковъ русской древности и старины; 2) въ изученіи разныхъ вопросовъ по русской археологіи; 3) въ распространеніи археологическихъ свѣдѣній въ публикѣ и возбужденіи въ ней любви къ археологіи путемъ выпуска въ свѣтъ періодическаго археологическаго изданія подъ названіемъ «Древности» и посредствомъ публичныхъ чтеній; 4) въ содѣйствіи ученымъ археологическимъ трудамъ частныхъ лицъ; 5) въ поднятіи изученія мѣстныхъ областныхъ русскихъ древностей; 6) въ обобщеніи фактовъ русской археологической науки и систематизаціи ихъ, и наконецъ, 7) въ учрежденіи Русскаго Историческаго Музея въ Москвѣ. Затѣмъ г. Корсаковъ остановился подробнѣе на оцѣнкѣ заслугъ графа Уварова по изученію мѣстныхъ русскихъ древностей и по научной обработкѣ фактовъ русской археологіи, что въ особенности рельефно выразилось въ организованныхъ графомъ Уваровымъ *шести* археологическихъ съѣздахъ (въ Москвѣ, С.-Петербургѣ, Кіевѣ, Казани, Тифлисѣ и Одессѣ). Д. А. Корсаковъ особенно подчеркнулъ широкое пониманіе графомъ Уваровымъ науки русской археологіи. Эта наука представлялась графу, по словамъ оратора, наукой о древнемъ бытѣ народовъ, когда либо жившихъ въ предѣлахъ теперешняго русскаго государства, на основаніи не только вещественныхъ памятниковъ, но и другихъ источниковъ—устныхъ и письменныхъ. «Противъ столь обширнаго пониманія археологіи можно спорить—говорилъ г. Корсаковъ,—но нельзя не воздать должной чести графу Уварову за такую ученую постановку задачъ археологической науки. Широта воззрѣнія и обширность пониманія не могутъ никогда служить укоромъ ученому, а напротивъ—всегда говорятъ въ его пользу: чѣмъ шире представляется ему научный горизонтъ, тѣмъ, значитъ, онъ стоитъ выше другихъ, находится ближе къ вершинѣ знанія,

желанному идеалу каждаго научнаго дѣятеля, но достижимому лишь для весьма немногихъ избранныхъ, богато надѣленныхъ отъ природы натуръ». Столь же обширно понималъ графъ Уваровъ и задачи Русскаго Историческаго Музея въ Москвѣ, который, по мнѣнію основателя, долженъ былъ явиться пантеономъ русскихъ археологическихъ памятниковъ и главнымъ охранителемъ ихъ отъ дальнѣйшаго разрушенія.

«Графъ Уваровъ—такъ закончилъ г. Корсаковъ свою рѣчь—связалъ неразрывно свое славное имя съ русской исторической наукой, которая всегда была, есть и будетъ самымъ полнымъ и самымъ лучшимъ выразителемъ русскаго національнаго самопознанія. Въ немъ, въ этомъ самопознаніи, запечатлѣна *вѣчная память графу Алексѣю Сергѣевичу Уварову*».

Списокъ вновь прибывшихъ гг. депутатовъ и членовъ VII Археологическаго Съѣзда.

Въ гостинницѣ Конуева:

79) Владиміръ Иван. Ламанскій.
80) Влад. Ник. Поливановъ.
81) Иванъ Куз. Смирновъ.
82) Вас. Вас. Грязновъ.
83) Игнатій Викент. Ягичъ.
84) Д-ъ Мурко.
85) Д-ъ Пастернекъ.

Въ гостинницѣ Расписной:

86) Дмитрій Иван Иловайскій.

Въ гостинницѣ Анкудинова:

87) Ив. Алекс. Голышевъ.

---

88) Мих. Вас. Овчинниковъ (Лѣсная площ., д. Мухина).
89) Ник. Вас. Никитинъ (въ Гимназіи).
90) Ник. Ив. Барсовъ (въ Гимназіи).
91) Протоіерей Никифоровъ (тамъ же).
92) Конст. Павс. Гуховскій (тамъ же).
93) Ник. Мих. Благовѣщенскій (въ гостинницѣ Ефимова).

1887 г. Тип. Губ. Правл.

Открытіе VII-го Археологическаго Съѣзда въ Ярославлѣ.

Торжество открытія VII Археологическаго Съѣзда, происходившее въ залѣ Ярославской Городской Думы и привлекшее массу публики, началось молебствіемъ съ водосвятіемъ, совершеннымъ Высокопреосвященнымъ Іонаѳаномъ.

По окончаніи молебствія, архипастырь обратился къ присутствовавшимъ членамъ съ слѣдующимъ привѣтственнымъ словомъ:

„Достопочтенные изслѣдователи русской старины!

Призвавъ молитвенно на открывающееся нынѣ собраніе ваше благословеніе Божіе, душевно желаю вамъ добраго успѣха въ достиженіи благой цѣли вашей,—и тѣмъ болѣе сего желаю, что предстоящія вамъ занятія не мало будутъ касаться предметовъ церковныхъ и должны послужить къ поддержанію истиннаго благочестія въ дорогомъ отечествѣ нашемъ.

Стремленіе къ познанію древней жизни человѣческой и всего достопримѣчательнаго въ области прошедшаго—однородное изысканію умомъ человѣческимъ начала всѣхъ вещей и всего существующаго и совершающагося въ мірѣ семъ, конечно, для насъ не новость. Пытливый умъ человѣческій издревле искалъ причины явленій современной жизни въ событіяхъ давно минувшихъ, по сознанію того закона, что земная жизнь человѣческая и вообще вся міровая жизнь есть непрерывно послѣдовательное восхожденіе отъ одного явленія въ нравственной или физической области къ другому, для котораго оно и служитъ объясненіемъ и причиною. Уже очень давно премудрый Соломонъ высказалъ, и притомъ какъ установившееся уже правило, что желающій себѣ *многаго искусства* (т. е. опытнаго знанія) долженъ познать древняя (Премудр. 8, 8). И точно,—кто узнаетъ

[illegible] и безпристрастно изучить свое знаніе, тот необходимо дойдет и до первопричины всего—Бога, от которого, как Единаго Первоисточника света, истины, жизни, [illegible] и исходит вечное бытіе и жизнь и [illegible] только причастны всѣ твари. Кто [illegible] глубоко и безпристрастно изучит свое знаніе, тот [illegible], что Единый Бог всегда *[illegible]* пребывает *[illegible]* (Іоан. [illegible]), между тем [illegible] в окружающем нас мірѣ и в нашей [illegible] жизни, [illegible] произведеній нашего [illegible] [illegible] законы [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] лишь по [illegible] Божію. [illegible] произведеній [illegible]

Итак, [illegible]

[illegible]

и во славу Своего Святаго Имени. Буди благословеніе Божіе на васъ и на труды ваши!".

По окончаніи духовнаго торжества, при всемъ личномъ составѣ Совѣта Съѣзда: Предсѣдателѣ Съѣзда И. Е. Забѣлинѣ, Предсѣдателяхъ Ученаго и Распорядительнаго Комитетовъ: С. М. Шпилевскомъ и гр. П. С. Уваровой, Предсѣдателяхъ Отдѣленій Съѣзда—академикѣ А. Ѳ. Бычковѣ, Л. Н. Майковѣ, Н. В. Покровскомъ и Ив. Е. Троицкомъ и Секретаряхъ Съѣзда гг. Трутовскомъ и Бычковѣ, Директоръ Демидовскаго Юридическаго Лицея г. Шпилевскій, назначенный, по порученію г. Министра Народнаго Просвѣщенія, быть представителемъ этого М-ва на Съѣздѣ, объявилъ VII Археологическій Съѣздъ открытымъ, и вслѣдъ затѣмъ обратился къ членамъ Съѣзда и къ публикѣ съ нижеломѣщаемою рѣчью: „Рядомъ съ столицами, тремя университетскими городами и Тифлисомъ становится Ярославль: ему достались высокая честь и счастливая доля быть мѣстомъ VII Археологическаго Съѣзда! Что же выдвинуло и поставило такъ высоко нашъ городъ? При открытіи IV Археологическаго Съѣзда въ Казани было заявлено, что „послѣ Москвы, С.-Петербурга и Кіева, взоры всѣхъ ученыхъ естественно должны были обратиться на Казань, какъ на преддверіе Востока, коего судьбы издавна связаны съ нашею отечественною исторіею". Основаніемъ къ избранію Одессы мѣстомъ VI Съѣзда были указаны: „интересъ и любовь къ историко-археологической наукѣ, которые живутъ въ Одессѣ не только между людьми, посвятившими себя наукѣ, но и между самимъ обществомъ, самой публикой". Императорское Московское Археологическое Общество, избирая мѣстомъ VII Съѣзда Ярославль, указало на то, что нашъ городъ „имѣетъ достаточное количество ученыхъ, сочувствующихъ археологіи, и на сосѣдство Ярославля съ Ростовомъ, въ которомъ въ послѣднее время возстановлено столько памятниковъ древности, благодаря сочувствію и трудамъ Ярославскаго губернатора Владиміра Дмитріевича Левшина и Ростовскихъ археологовъ". Въ отвѣтъ на это избраніе, изъ Ярославля послѣдовало заявленіе, подписанное нашимъ Архипастыремъ, Губернаторомъ, Губернскимъ Предводителемъ Дворянства, Директоромъ Демидовскаго Юридическаго Лицея, Городскимъ Головою и Предсѣдателемъ Губернской Земской

Управы; въ этомъ заявленіи было сказано, что „возбужденные въ нашемъ краѣ интересы къ сохраненію и изученію мѣстныхъ древностей ищутъ дальнѣйшаго себѣ удовлетворенія съ помощью Археологическаго Съѣзда, въ которомъ мѣстные дѣятели соединятся для одного дѣла съ лучшими представителями русской науки и съ ученою дружиною знаменитаго основателя и руководителя Русскихъ Археологическихъ Съѣздовъ, покойнаго графа Алексѣя Сергѣевича Уварова“.

Не намъ самимъ судить насколько дѣйствительно мы достойны той высокой чести и счастливой доли, которыя намъ достаются; но я не Ярославецъ, я здѣсь человѣкъ новый и не причастенъ ни къ какимъ заслугамъ Ярославля и Ростова, поэтому мнѣ можетъ быть позволено сказать, что не только особенные научные интересы, но именно извѣстныя личныя условія оправдываютъ выборъ Ярославля для Съѣзда; остановиться на нашемъ городѣ заставляло не только славное прошедшее нашего края, но и дѣла живыхъ людей настоящаго. Важнѣйшіе вопросы отечественной исторіи связаны съ нашимъ краемъ. На самыхъ первыхъ порахъ русской исторіи наша область съ своимъ древнѣйшимъ городомъ Ростовомъ является уже выдающеюся въ военномъ и торговомъ отношеніяхъ, иначе и не могло быть, такъ какъ она прилегаетъ къ великому водному пути, по которому шла торговля съ Востокомъ, изъ Булгара, къ верховьямъ Волги; эта область была сосѣднею съ западными предѣлами Булгарскаго союза, въ составъ котораго входили разные инородцы финскаго и тюркскаго племенъ. Когда-то и наша область была населена инородцами финскаго происхожденія, что доказывается названіемъ рѣкъ и озеръ, но названія городовъ славянскія, этимъ наша область противополагается сосѣдней восточной, гдѣ и города носятъ не русскія названія; это указываетъ, что въ нашей области инородцы не достигали высшаго развитія, которое приводитъ къ появленію городовъ, какъ центровъ военной и торговой силы. Въ нашей области русская культура не смѣняла культуры инородческой, достигшей высокой степени развитія, какъ было далѣе къ Востоку; здѣсь не было той долгой и упорной борьбы двухъ культуръ, что происходило, напримѣръ, на почвѣ Булгарскаго и потомъ—Казанскаго царства. Въ нашей области нѣтъ

и тѣхъ слѣдовъ большихъ инородческихъ городовъ, существованіе которыхъ въ сѣверо-восточной Россіи доказывается городищами весьма значительныхъ размѣровъ: указываемые древнѣйшимъ лѣтописцемъ аборигены нашего края, инородческая Меря, не представляютъ почти ни какихъ признаковъ исторической жизни, на первыхъ же своихъ страницахъ лѣтописецъ о нихъ забываетъ. Мы можемъ сказать, что наша область искони русская, т. е. славянская, и вмѣстѣ съ тѣмъ менѣе другихъ чисто русскихъ областей, напр., Новгородской, Кіевской, подвергавшаяся иноземному вліянію запада. Наша область русская по преимуществу! Почти одновременно съ другими исконными русскими областями здѣсь засіялъ свѣтъ христіанства—важнѣйшій факторъ культуры православной Руси. Наша область освящена кровью первыхъ мучениковъ за христіанство: важнѣйшую святыню Ростова составляютъ мощи св. Леонтія, котораго въ XIII вѣкѣ называли третьимъ гражданиномъ русскаго міра, вѣнчавшимся отъ Христа вмѣстѣ съ первыми двумя мучениками, Кіевскими варягами. Уже въ половинѣ XII вѣка одинъ южный русскій князь называетъ Ростовъ великимъ городомъ, хотя дошедшіе до насъ историческіе источники почти ничего не говорятъ о первоначальной судьбѣ Ростова. Это приводитъ къ необходимости признать положеніе, что недостатокъ источниковъ для исторіи даннаго мѣста и времени не можетъ быть доказательствомъ дѣйствительнаго ничтожества гражданскаго развитія даннаго мѣста въ извѣстное время. Къ этому положенію я прибавлю еще, что лѣтописныя данныя представляютъ не исторію развитія Ростовской области, а исторію постепеннаго ея паденія, отъ чего-то высокаго все ниже и ниже. Область великаго города распадается на части съ своими особыми центрами, изъ которыхъ многіе скоро становятся сильнѣе Ростова. Побѣда другихъ городовъ надъ Великимъ соединяется съ образованіемъ княжескаго самодержавія въ младшихъ городахъ, подчинявшихся прежде водѣ вѣча старшаго города. Такимъ образомъ, наша область представляется мѣстомъ первоначальнаго развитія самодержавія. Настоящая моя рѣчь не можетъ имѣть задачею представить важнѣйшіе моменты мѣстной исторіи; я хотѣлъ только сказать, что исторія нашего края есть исторія области преимущественно

русской. По отношенію къ археологіи, въ смыслѣ изученія вещественныхъ памятниковъ, нашъ край представляется особенно богатымъ памятниками церковной древности, которые должны быть важнѣйшимъ предметомъ занятій Съѣзда.

Истинно русскіе люди нашего края отличаются особенною любовью къ своей старинѣ, къ исторіи роднаго края, къ окружающимъ ихъ памятникамъ древности; особенно этою любовью отличается Ростовъ: тамъ среди народа живутъ пріурочиваемыя къ разнымъ мѣстностямъ преданія изъ славной исторіи Ростовскаго княжества, этими преданіями дорожатъ и гордятся. Послѣдніе годы доказали, что тамъ находятся и безкорыстные, неутомимые труженики на пользу возстановленія и сохраненія древнихъ памятниковъ; тамъ находятся и значительныя денежныя средства для этого дѣла. Благодаря такимъ условіямъ, т. е. такимъ людямъ, послѣдовало возстановленіе Ростовскаго Кремля. Исторія этого возстановленія крайне поучительна и, можно сказать, чудесна; невольно при этомъ вспоминаются пророческія слова псалмопѣвца о приближеніи времени возстановленія разрушеннаго Іерусалимскаго храма въ награду Іудеямъ за то, что они возлюбили камни Сіона и перстъ его. Какъ-бы въ награду за высокое нравственное настроеніе Ростовцевъ по отношенію къ своимъ священнымъ памятникамъ, было суждено изъ мерзости запустѣнія возстать Ростовскимъ развалинамъ въ красотѣ и величіи, оправдывающихъ слова тропаря службы Владимірской иконѣ Ростовскаго собора: «Днесь свѣтло красуется преславный градъ Ростовъ!».

Дожили Ростовцы и Ярославцы и до Археологическаго у нихъ Съѣзда. Преимущественное назначеніе каждаго Съѣзда—изученіе мѣстныхъ древнихъ памятниковъ и областной исторіи; для этого лучшія ученыя силы со всей Россіи соединяются съ мѣстными учеными и знатоками древности. Но благодѣянія Съѣзда для мѣстной исторіи не оканчиваются вмѣстѣ со Съѣздомъ; какъ показываетъ исторія бывшихъ Съѣздовъ, обыкновеннымъ послѣдствіемъ Съѣзда бываютъ оживленіе и новое, болѣе дѣятельное и полезное, направленіе въ изученіи мѣстной исторіи. Можетъ быть, это послѣдуетъ и по отношенію къ нашей мѣстной исторіи и археологіи.

Императорское Московское Археологическое Обще-

ство, которому мы обязаны настоящимъ Съѣздомъ, для устройства его открыло два Предварительныхъ Комитета: одинъ изъ своихъ членовъ въ Москвѣ, другой въ Ярославлѣ. Оба Комитета дружно и согласно шли къ одной цѣли, исполняя одинаковыя функціи, помогая другъ другу и пополняя одинъ другаго. Московскій Комитетъ, какъ болѣе богатый учеными силами, давалъ Ярославскому направленіе въ его дѣятельности. Общею задачею Комитетовъ было привлеченіе на Съѣздъ ученыхъ силъ и на выставку предметовъ; для этого Комитеты сносились съ губернаторами, епархіальными архіереями, разными учеными учрежденіями и отдѣльными частными лицами Для добыванія вещей путемъ раскопокъ устраивались экспедиціи. Въ Тургайскую область и Оренбургскую губернію былъ посланъ г. Нефедовъ; въ Пермскую губернію и на Уралъ—гг. Анучинъ и Гондатти; на верховья рѣки Сити—г. Гацискій; на Шексну—г. Барсовъ; въ Вологодскую губернію и въ Даниловскій уѣздъ Ярославской губерніи—г. Селивановъ; на дняхъ окончилъ раскопки въ Мышкинскомъ уѣздѣ г. Ушаковъ. Для изслѣдованія христіанскихъ памятниковъ на Кавказѣ были посылаемы: на сѣверный склонъ Кавказа—гг. Миллеръ и Фелицынъ, на восточное побережье Чернаго моря—гг. Никитинъ и Сизовъ.

Разныя учрежденія и лица не всѣ одинаково отнеслись къ Съѣзду. Во первыхъ мы должны принести сердечную благодарность Высокопреосвященному Архіепископу Ярославскому и Ростовскому Іонаѳану, который постоянно оказывалъ Подготовительному Комитету полное содѣйствіе и помощь. Совѣтъ Съѣзда, благодарный Высокопреосвященному Іонаѳану, постановилъ просить его принять званіе почетнаго члена Съѣзда. Съ такою же просьбою Совѣтъ обратился и къ г. Ярославскому губернатору Алексѣю Яковлевичу Фриде, который обогатилъ нашу выставку присылкою вещей изъ Семирѣченской области, бывшей въ его управленіи. Особенно помогалъ Съѣзду доставленіемъ предметовъ древности Вятскій Статистическій Комитетъ, Антропологическое Отдѣленіе Московскаго Общества любителей естествознанія, Казанское Общество Археологіи, Исторіи и Этнографіи и Рязанская Архивная Коммиссія. Императорская Публичная Библіотека украсила нашу выставку древнѣйшими руко-

среди насъ и члены его ученой дружины; всѣ мы вооружены знаніемъ, которое далъ намъ покойный. Предстоящій Съѣздъ, по завѣту графа, долженъ преимущественно вращаться въ кругу вопросовъ, относящихся къ изученію древностей мѣстнаго края. А важнѣйшимъ изслѣдователемъ древнѣйшихъ мѣстныхъ памятниковъ нашего края былъ самъ графъ Алексѣй Сергѣевичъ: онъ по курганнымъ находкамъ возстановилъ черты домашняго и общественнаго быта древнѣйшихъ насельниковъ нашего края Мери; онъ представилъ образцовое описаніе предметовъ, найденныхъ около Уткинской станціи, принадлежащихъ къ эпохѣ, находящейся на рубежѣ каменнаго и бронзоваго періодовъ; въ славномъ дѣлѣ Ростовскихъ гражданъ—возстановленія древнихъ святынь Ростова—покойный былъ главнымъ руководителемъ. Глубокое впечатлѣніе произвело на меня признаніе одного изъ почтенныхъ дѣятелей по возстановленію Ростовскаго кремля: съ особеннымъ увлеченіемъ, отъ всей полноты души, онъ говорилъ, что покойный графъ открылъ ему цѣлый новый духовный міръ, сдѣлалъ его другимъ человѣкомъ.... Я съ наслажденіемъ слушалъ это признаніе, радуясь за учителя и ученика. Вскорѣ по смерти покойнаго, я еще въ Казани, въ засѣданіи Казанскаго Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи, посвященномъ памяти графа, произнесъ рѣчь, представляющую очеркъ ученой дѣятельности графа Алексѣя Сергѣевича. Эту рѣчь я закончилъ словами: «покойный такъ много оставилъ по себѣ духовнаго наслѣдства, участникомъ котораго и мы можемъ быть, что оно обогатитъ каждаго изъ насъ!» Наступающій Съѣздъ докажетъ правду мною сказаннаго....

Молитву о покойномъ графѣ я соединилъ—продолжалъ ораторъ—съ молитвою о Владимірѣ Дмитріевичѣ Левшинѣ. Предстоящій Съѣздъ и ему также много обязанъ. Императорское Московское Археологическое Общество, отъ котораго исходитъ инициатива устройства Съѣзда, основаніемъ къ избранію Ярославля мѣстомъ Съѣзда указало на сосѣдство Ярославля съ Ростовомъ, въ которомъ въ послѣднее время возстановлено столько памятниковъ древности, благодаря сочувствію и трудамъ Ярославскаго Губернатора В. Д. Левшина и Ростовскихъ археологовъ. Намъ, людямъ, близко знавшимъ Владиміра Дмитріевича, хорошо извѣстно то сердечное, искреннее увлеченіе его, съ которымъ онъ относился къ дѣлу возстановленія Ростовскихъ древностей; съ такимъ же непритворнымъ увлеченіемъ онъ относился и къ будущему Съѣзду; я былъ частымъ свидѣтелемъ его заботъ о послѣднемъ и весело было работать съ такимъ сотрудникомъ. Какъ свѣтлаго, высокоторжественнаго, великаго праздника ждалъ онъ дня открытія Съѣзда, но по волѣ Божіей не дано ему дождаться этого дня, а намъ суждено потерять самаго полезнаго дѣятеля по устрой-

ству Съѣзда. Эта потеря вызываетъ въ насъ глубокую скорбь; особенно прискорбно, что не суждено было порадоваться счастливымъ исходомъ дѣла ему, такъ сердечно желавшему этого».

Вслѣдъ за С. М. Шпилевскимъ, на каѳедру взошелъ профессоръ Д. А. Корсаковъ, который въ пространной рѣчи представилъ обзоръ дѣятельности графа А. С. Уварова на поприщѣ русской археологіи, указавъ на его заслуги по научной ея разработкѣ. По мнѣнію г. Корсакова, графъ А. С. Уваровъ является основателемъ и пропагандистомъ науки русской археологіи, каковой до него, въ строгомъ смыслѣ слова, не было. Основныя черты ума и характера графа Уварова— обобщеніе и способность къ организаціи, благодаря которымъ онъ и могъ только создать науку русской археологіи, особенно полно выразились съ основанія гр. Уваровымъ въ 1864 году, въ Москвѣ, Археологическаго Общества. Съ этого времени научная дѣятельность графа проявилась главнымъ образомъ въ нижеслѣдующемъ: 1) въ стараніи о сохраненіи памятниковъ русской древности и старины; 2) въ изученіи разныхъ вопросовъ по русской археологіи; 3) въ распространеніи археологическихъ свѣдѣній въ публикѣ и возбужденіи въ ней любви къ археологіи путемъ выпуска въ свѣтъ періодическаго археологическаго изданія подъ названіемъ «Древности» и посредствомъ публичныхъ чтеній; 4) въ содѣйствіи ученымъ археологическимъ трудамъ частныхъ лицъ; 5) въ поднятіи изученія мѣстныхъ областныхъ русскихъ древностей; 6) въ обобщеніи фактовъ русской археологической науки и систематизаціи ихъ, и наконецъ, 7) въ учрежденіи Русскаго Историческаго Музея въ Москвѣ. Затѣмъ г. Корсаковъ остановился подробнѣе на оцѣнкѣ заслугъ графа Уварова по изученію мѣстныхъ русскихъ древностей и по научной обработкѣ фактовъ русской археологіи, что въ особенности рельефно выразилось въ организованныхъ графомъ Уваровымъ *шести* археологическихъ съѣздахъ (въ Москвѣ, С.-Петербургѣ, Кіевѣ, Казани, Тифлисѣ и Одессѣ). Д. А. Корсаковъ особенно подчеркнулъ широкое пониманіе графомъ Уваровымъ науки русской археологіи. Эта наука представлялась графу, по словамъ оратора, наукой о древнемъ бытѣ народовъ, когда либо жившихъ въ предѣлахъ теперешняго русскаго государства, на основаніи не только вещественныхъ памятниковъ, но и другихъ источниковъ—устныхъ и письменныхъ. «Противъ столь обширнаго пониманія археологіи можно спорить—говорилъ г. Корсаковъ,—но нельзя не воздать должной чести графу Уварову за такую ученую постановку задачъ археологической науки. Широта воззрѣнія и обширность пониманія не могутъ никогда служить укоромъ ученому, а напротивъ—всегда говорятъ въ его пользу: чѣмъ шире представляется ему научный горизонтъ, тѣмъ, значитъ, онъ стоитъ выше другихъ, находится ближе къ вершинѣ знанія,

желанному идеалу каждаго научнаго дѣятеля, но достижимому лишь для весьма немногихъ избранныхъ, богато надѣленныхъ отъ природы натуръ». Столь же обширно понималъ графъ Уваровъ и задачи Русскаго Историческаго Музея въ Москвѣ, который, по мнѣнію основателя, долженъ былъ явиться пантеономъ русскихъ археологическихъ памятниковъ и главнымъ охранителемъ ихъ отъ дальнѣйшаго разрушенія.

«Графъ Уваровъ—такъ закончилъ г. Корсаковъ свою рѣчь—связалъ неразрывно свое славное имя съ русской исторической наукой, которая всегда была, есть и будетъ самымъ полнымъ и самымъ лучшимъ выразителемъ русскаго національнаго самопознанія. Въ немъ, въ этомъ самопознаніи, запечатлѣна *вѣчная память графу Алексѣю Сергѣевичу Уварову*».

Списокъ вновь прибывшихъ гг. депутатовъ и членовъ VII Археологическаго Съѣзда.

Въ гостинницѣ Конуева:

79) Владиміръ Иван. Ламанскій.
80) Влад. Ник. Поливановъ.
81) Иванъ Куз. Смирновъ.
82) Вас. Вас. Грязновъ.
83) Игнатій Викент. Ягичъ.
84) Д-ъ Мурко.
85) Д-ъ Пастернекъ.

Въ гостинницѣ Расписной:

86) Дмитрій Иван Иловайскій.

Въ гостинницѣ Анкудинова:

87) Ив. Алекс. Голышевъ.

---

88) Мих. Вас. Овчинниковъ (Лѣсная площ., д. Мухина).
89) Ник. Вас. Никитинъ (въ Гимназіи).
90) Ник. Ив. Барсовъ (въ Гимназіи).
91) Протоіерей Никифоровъ (тамъ же).
92) Конст. Павс. Гуховскій (тамъ же).
93) Ник. Мих. Благовѣщенскій (въ гостинницѣ Ефимова).

1887 г. Тип. Губ. Правл.

Открытіе VII-го Археологическаго Съѣзда въ Ярославлѣ.

Торжество открытія VII Археологическаго Съѣзда, происходившее въ залѣ Ярославской Городской Думы и привлекшее массу публики, началось молебствіемъ съ водосвятіемъ, совершеннымъ Высокопреосвященнымъ Іонаѳаномъ.

По окончаніи молебствія, архипастырь обратился къ присутствовавшимъ членамъ съ слѣдующимъ привѣтственнымъ словомъ:

„Достопочтенные изслѣдователи русской старины!

Призвавъ молитвенно на открывающееся нынѣ собраніе ваше благословеніе Божіе, душевно желаю вамъ добраго успѣха въ достиженіи благой цѣли вашей,—и тѣмъ болѣе сего желаю, что предстоящія вамъ занятія не мало будутъ касаться предметовъ церковныхъ и должны послужить къ поддержанію истиннаго благочестія въ дорогомъ отечествѣ нашемъ.

Стремленіе къ познанію древней жизни человѣческой и всего достопримѣчательнаго въ области прошедшаго—однородное изысканію умомъ человѣческимъ начала всѣхъ вещей и всего существующаго и совершающагося въ мірѣ семъ, конечно, для насъ не новость. Пытливый умъ человѣческій издревле искалъ причины явленій современной жизни въ событіяхъ давно минувшихъ, по сознанію того закона, что земная жизнь человѣческая и вообще вся міровая жизнь есть непрерывно послѣдовательное восхожденіе отъ одного явленія въ нравственной или физической области къ другому, для котораго оно и служитъ объясненіемъ и причиною. Уже очень давно премудрый Соломонъ высказалъ, и притомъ какъ установившееся уже правило, что желающій себѣ *многаго искусства* (т. е. опытнаго знанія) долженъ познать древняя (Премудр. 8, 8). И точно,—кто узнаетъ

древнее и безпристрастно оцѣнитъ свое знаніе, тотъ необходимо дойдетъ и до первопричины всего—Бога, отъ Котораго, какъ Единаго Первоисточника свѣта, истины, жизни, изошло и исходитъ всякое бытіе и жизнь и вѣдѣніе, какимъ только причастны всѣ твари. Кто узнаетъ древнее и безпристрастно оцѣнитъ свое знаніе, тотъ уразумѣетъ, что Единъ Богъ всегда *тойжде* пребываетъ *и лѣта Его не оскудѣютъ* (Псал. 101, 28), между тѣмъ какъ все въ окружающемъ насъ мірѣ и все въ нашей земной жизни, не исключая самыхъ прочныхъ монументальныхъ сооруженій и произведеній нашего искусства, все непремѣнно подлежитъ закону лишь временнаго существованія, все должно въ свое время неизбѣжно разрушиться и миновать, смѣнившись иными проявленіями бытія, и человѣкъ можетъ лишь, по изволенію Божію, задержать нѣсколько уничтоженіе таковыхъ произведеній, дабы, дольше всматриваясь въ нихъ, удобнѣе получилъ чрезъ это нужное ему наученіе; предѣла же, Богомъ положеннаго для нихъ, ему не перемѣнить. Кто познаетъ древнее и безпристрастно оцѣнитъ свое знаніе, тотъ лучше усмотритъ пути Божественнаго Провидѣнія, обозрѣвая не только область современнаго бытія, но по возможности и область минувшаго; тотъ, слѣдовательно, болѣе научится благоговѣйно предаваться во всемъ волѣ Божіей.

Итакъ, да благопоспѣшитъ Господь усиліямъ вашимъ въ этомъ благотворномъ направленіи, и да оградитъ васъ подобающими при такомъ дѣланіи спокойствіемъ и мирнымъ, терпѣливо-благодарнымъ отношеніемъ къ тѣмъ лицамъ, отъ коихъ зависѣло сохраненіе до насъ памятниковъ старины. Съ другой стороны да сохранитъ васъ Господь отъ самонадѣяннаго и взыскательнаго сужденія о дѣйствіяхъ тѣхъ изъ предковъ, кои, по нашему невѣдѣнію всѣхъ условій, среди которыхъ они были поставлены, могутъ казаться намъ не довольно ревностными и мудрыми въ сохраненіи памятниковъ старины, *аще не Господь сохранитъ градъ, всуе бдитъ стрегій.* Чему Господь судилъ сохраниться до насъ изъ древности, тѣмъ благодарно и удовольствуемся, къ тому приложимъ собственную ревность и разумность дѣланія.—Да управитъ же Господь предстоящіе труды ваши во благо людей Своихъ

и во славу Своего Святаго Имени. Буди благословеніе Божіе на васъ и на труды ваши!“.

По окончаніи духовнаго торжества, при всемъ личномъ составѣ Совѣта Съѣзда: Предсѣдателѣ Съѣзда И. Е. Забѣлинѣ, Предсѣдателяхъ Ученаго и Распорядительнаго Комитетовъ: С. М. Шпилевскомъ и гр. П. С. Уваровой, Предсѣдателяхъ Отдѣленій Съѣзда—академикѣ А. Ѳ. Бычковѣ, Л. Н. Майковѣ, Н. В. Покровскомъ и Ив. Е. Троицкомъ и Секретаряхъ Съѣзда гг. Трутовскомъ и Бычковѣ, Директоръ Демидовскаго Юридическаго Лицея г. Шпилевскій, назначенный, по порученію г. Министра Народнаго Просвѣщенія, быть представителемъ этого М-ва на Съѣздѣ, объявилъ VII Археологическій Съѣздъ открытымъ, и вслѣдъ затѣмъ обратился къ членамъ Съѣзда и къ публикѣ съ нижепомѣщаемою рѣчью: „Рядомъ съ столицами, тремя университетскими городами и Тифлисомъ становится Ярославль: ему достались высокая честь и счастливая доля быть мѣстомъ VII Археологическаго Съѣзда! Что же выдвинуло и поставило такъ высоко нашъ городъ? При открытіи IV Археологическаго Съѣзда въ Казани было заявлено, что „послѣ Москвы, С.-Петербурга и Кіева, взоры всѣхъ ученыхъ естественно должны были обратиться на Казань, какъ на преддверіе Востока, коего судьбы издавна связаны съ нашею отечественною исторіею“. Основаніемъ къ избранію Одессы мѣстомъ VI Съѣзда были указаны: „интересъ и любовь къ историко-археологической наукѣ, которые живутъ въ Одессѣ не только между людьми, посвятившими себя наукѣ, но и между самимъ обществомъ, самой публикой“. Императорское Московское Археологическое Общество, избирая мѣстомъ VII Съѣзда Ярославль, указало на то, что нашъ городъ „имѣетъ достаточное количество ученыхъ, сочувствующихъ археологіи, и на сосѣдство Ярославля съ Ростовомъ, въ которомъ въ послѣднее время возстановлено столько памятниковъ древности, благодаря сочувствію и трудамъ Ярославскаго губернатора Владиміра Дмитріевича Левшина и Ростовскихъ археологовъ“. Въ отвѣтъ на это избраніе, изъ Ярославля послѣдовало заявленіе, подписанное нашимъ Архипастыремъ, Губернаторомъ, Губернскимъ Предводителемъ Дворянства, Директоромъ Демидовскаго Юридическаго Лицея, Городскимъ Головою и Предсѣдателемъ Губернской Земской

Управы; въ этомъ заявленіи было сказано, что „возбужденные въ нашемъ краѣ интересы къ сохраненію и изученію мѣстныхъ древностей ищутъ дальнѣйшаго себѣ удовлетворенія съ помощью Археологическаго Съѣзда, въ которомъ мѣстные дѣятели соединятся для одного дѣла съ лучшими представителями русской науки и съ ученою дружиною знаменитаго основателя и руководителя Русскихъ Археологическихъ Съѣздовъ, покойнаго графа Алексѣя Сергѣевича Уварова".

Не намъ самимъ судить насколько дѣйствительно мы достойны той высокой чести и счастливой доли, которыя намъ достаются; но я не Ярославецъ, я здѣсь человѣкъ новый и не причастенъ ни къ какимъ заслугамъ Ярославля и Ростова, поэтому мнѣ можетъ быть позволено сказать, что не только особенные научные интересы, но именно извѣстныя личныя условія оправдываютъ выборъ Ярославля для Съѣзда; остановиться на нашемъ городѣ заставляло не только славное прошедшее нашего края, но и дѣла живыхъ людей настоящаго. Важнѣйшіе вопросы отечественной исторіи связаны съ нашимъ краемъ. На самыхъ первыхъ порахъ русской исторіи наша область съ своимъ древнѣйшимъ городомъ Ростовомъ является уже выдающеюся въ военномъ и торговомъ отношеніяхъ, иначе и не могло быть, такъ какъ она прилегаетъ къ великому водному пути, по которому шла торговля съ Востокомъ, изъ Булгара, къ верховьямъ Волги; эта область была сосѣднею съ западными предѣлами Булгарскаго союза, въ составъ котораго входили разные инородцы финскаго и тюркскаго племенъ. Когда-то и наша область была населена инородцами финскаго происхожденія, что доказывается названіемъ рѣкъ и озеръ, но названія городовъ славянскія, этимъ наша область противополагается сосѣдней восточной, гдѣ и города носятъ не русскія названія; это указываетъ, что въ нашей области инородцы не достигали высшаго развитія, которое приводитъ къ появленію городовъ, какъ центровъ военной и торговой силы. Въ нашей области русская культура не смѣняла культуры инородческой, достигшей высокой степени развитія, какъ было далѣе къ Востоку; здѣсь не было той долгой и упорной борьбы двухъ культуръ, что происходило, напримѣръ, на почвѣ Булгарскаго и потомъ—Казанскаго царства. Въ нашей области нѣтъ

и тѣхъ слѣдовъ большихъ инородческихъ городовъ, существованіе которыхъ въ сѣверо-восточной Россіи доказывается городищами весьма значительныхъ размѣровъ: указываемые древнѣйшимъ лѣтописцемъ аборигены нашего края, инородческая Меря, не представляютъ почти ни какихъ признаковъ исторической жизни, на первыхъ же своихъ страницахъ лѣтописецъ о нихъ забываетъ. Мы можемъ сказать, что наша область искони русская, т. е. славянская, и вмѣстѣ съ тѣмъ менѣе другихъ чисто русскихъ областей, напр., Новгородской, Кіевской, подвергавшаяся иноземному вліянію запада. Наша область русская по преимуществу! Почти одновременно съ другими исконными русскими областями здѣсь засіялъ свѣтъ христіанства—важнѣйшій факторъ культуры православной Руси. Наша область освящена кровью первыхъ мучениковъ за христіанство: важнѣйшую святыню Ростова составляютъ мощи св. Леонтія, котораго въ XIII вѣкѣ называли третьимъ гражданиномъ русскаго міра, вѣнчавшимся отъ Христа вмѣстѣ съ первыми двумя мучениками, Кіевскими варягами. Уже въ половинѣ XII вѣка одинъ южный русскій князь называетъ Ростовъ великимъ городомъ, хотя дошедшіе до насъ историческіе источники почти ничего не говорятъ о первоначальной судьбѣ Ростова. Это приводитъ къ необходимости признать положеніе, что недостатокъ источниковъ для исторіи даннаго мѣста и времени не можетъ быть доказательствомъ дѣйствительнаго ничтожества гражданскаго развитія даннаго мѣста въ извѣстное время. Къ этому положенію я прибавлю еще, что лѣтописныя данныя представляютъ не исторію развитія Ростовской области, а исторію постепеннаго ея паденія, отъ чего-то высокаго все ниже и ниже. Область великаго города распадается на части съ своими особыми центрами, изъ которыхъ многіе скоро становятся сильнѣе Ростова. Побѣда другихъ городовъ надъ Великимъ соединяется съ образованіемъ княжескаго самодержавія въ младшихъ городахъ, подчинявшихся прежде водѣ вѣча старшаго города. Такимъ образомъ, наша область представляется мѣстомъ первоначальнаго развитія самодержавія. Настоящая моя рѣчь не можетъ имѣть задачею представить важнѣйшіе моменты мѣстной исторіи; я хотѣлъ только сказать, что исторія нашего края есть исторія области преимущественно

русской. По отношенію къ археологіи, въ смыслѣ изученія вещественныхъ памятниковъ, нашъ край представляется особенно богатымъ памятниками церковной древности, которые должны быть важнѣйшимъ предметомъ занятій Съѣзда.

Истинно русскіе люди нашего края отличаются особенною любовью къ своей старинѣ, къ исторіи роднаго края, къ окружающимъ ихъ памятникамъ древности; особенно этою любовью отличается Ростовъ: тамъ среди народа живутъ пріурочиваемыя къ разнымъ мѣстностямъ преданія изъ славной исторіи Ростовскаго княжества, этими преданіями дорожатъ и гордятся. Послѣдніе годы доказали, что тамъ находятся и безкорыстные, неутомимые труженики на пользу возстановленія и сохраненія древнихъ памятниковъ; тамъ находятся и значительныя денежныя средства для этого дѣла. Благодаря такимъ условіямъ, т. е. такимъ людямъ, послѣдовало возстановленіе Ростовскаго Кремля. Исторія этого возстановленія крайне поучительна и, можно сказать, чудесна; невольно при этомъ вспоминаются пророческія слова псалмопѣвца о приближеніи времени возстановленія разрушеннаго Іерусалимскаго храма въ награду Іудеямъ за то, что они возлюбили камни Сіона и персть его. Какъ-бы въ награду за высокое нравственное настроеніе Ростовцевъ по отношенію къ своимъ священнымъ памятникамъ, было суждено изъ мерзости запустѣнія возстать Ростовскимъ развалинамъ въ красотѣ и величіи, оправдывающихъ слова тропаря службы Владимірской иконѣ Ростовскаго собора: «Днесь свѣтло красуется преславный градъ Ростовъ!».

Дожили Ростовцы и Ярославцы и до Археологическаго у нихъ Съѣзда. Преимущественное назначеніе каждаго Съѣзда—изученіе мѣстныхъ древнихъ памятниковъ и областной исторіи; для этого лучшія ученыя силы со всей Россіи соединяются съ мѣстными учеными и знатоками древности. Но благодѣянія Съѣзда для мѣстной исторіи не оканчиваются вмѣстѣ со Съѣздомъ; какъ показываетъ исторія бывшихъ Съѣздовъ, обыкновеннымъ послѣдствіемъ Съѣзда бываютъ оживленіе и новое, болѣе дѣятельное и полезное, направленіе въ изученіи мѣстной исторіи. Можетъ быть, это послѣдуетъ и по отношенію къ нашей мѣстной исторіи и археологіи.

Императорское Московское Археологическое Обще-

ство, которому мы обязаны настоящимъ Съѣздомъ, для устройства его открыло два Предварительныхъ Комитета: одинъ изъ своихъ членовъ въ Москвѣ, другой въ Ярославлѣ. Оба Комитета дружно и согласно шли къ одной цѣли, исполняя одинаковыя функціи, помогая другъ другу и пополняя одинъ другаго. Московскій Комитетъ, какъ болѣе богатый учеными силами, давалъ Ярославскому направленіе въ его дѣятельности. Общею задачею Комитетовъ было привлеченіе на Съѣздъ ученыхъ силъ и на выставку предметовъ; для этого Комитеты сносились съ губернаторами, епархіальными архіереями, разными учеными учрежденіями и отдѣльными частными лицами Для добыванія вещей путемъ раскопокъ устраивались экспедиціи. Въ Тургайскую область и Оренбургскую губернію былъ посланъ г. Нефедовъ; въ Пермскую губернію и на Уралъ—гг. Анучинъ и Гондатти; на верховья рѣки Сити—г. Гацискій; на Шексну—г. Барсовъ; въ Вологодскую губернію и въ Даниловскій уѣздъ Ярославской губерніи—г. Селивановъ; на дняхъ окончилъ раскопки въ Мышкинскомъ уѣздѣ г. Ушаковъ. Для изслѣдованія христіанскихъ памятниковъ на Кавказѣ были посылаемы: на сѣверный склонъ Кавказа—гг. Миллеръ и Фелицынъ, на восточное побережье Чернаго моря—гг. Никитинъ и Сизовъ.

Разныя учрежденія и лица не всѣ одинаково отнеслись къ Съѣзду. Во первыхъ мы должны принести сердечную благодарность Высокопреосвященному Архіепископу Ярославскому и Ростовскому Іонаѳану, который постоянно оказывалъ Подготовительному Комитету полное содѣйствіе и помощь. Совѣтъ Съѣзда, благодарный Высокопреосвященному Іонаѳану, постановилъ просить его принять званіе почетнаго члена Съѣзда. Съ такою же просьбою Совѣтъ обратился и къ г. Ярославскому губернатору Алексѣю Яковлевичу Фриде, который обогатилъ нашу выставку присылкою вещей изъ Семирѣченской области, бывшей въ его управленіи. Особенно помогалъ Съѣзду доставленіемъ предметовъ древности Вятскій Статистическій Комитетъ, Антропологическое Отдѣленіе Московскаго Общества любителей естествознанія, Казанское Общество Археологіи, Исторіи и Этнографіи и Рязанская Архивная Коммиссія. Императорская Публичная Библіотека украсила нашу выставку древнѣйшими руко-

писями, писанными въ предѣлахъ нынѣшней Ярославской губерніи. Московскій Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ прислалъ старинные планы, карты, рукописи и акты, относящіеся къ нашей мѣстной исторіи. Много вкладовъ послѣдовало и отъ частныхъ лицъ изъ мѣстныхъ жителей и изъ другихъ городовъ разныхъ губерній. Вологодскій Статистическій Комитетъ, спеціально въ интересахъ Съѣзда, при содѣйствіи Вологодскаго Преосвященнаго, потребовалъ отъ настоятелей всѣхъ церквей и монастырей губерніи отвѣтовъ на разные вопросы, касающіеся археологіи, по особой программѣ, составленной самимъ Комитетомъ. Требуемые отвѣты получены болѣе чѣмъ отъ 600 церквей и монастырей; всѣ они въ подлинникахъ доставлены на Съѣздъ. Для изученія памятниковъ церковной древности имѣютъ важное значеніе сотни фотографій, доставленныхъ намъ Костромскою Архивною Коммиссіею и Ростовскимъ Музеемъ церковныхъ древностей; фотографическіе снимки, составляющіе альбомъ ризницы Ярославскаго Спасскаго монастыря; снимки принадлежащіе г. Барщевскому, и т. д. Наша выставка украшена и прекрасными акварельными рисунками гг. Овсяникова, Шлякова и др. На дняхъ ожидается полученіе новыхъ вещей изъ Твери, Вологды и т. д.

Особенную признательность должно принести графинѣ Прасковьѣ Сергѣевнѣ Уваровой, которой, почти одной, принадлежитъ приведеніе выставки въ порядокъ и составленіе указателя ея. Графиня выказала при этомъ замѣчательную, неутомимую дѣятельность, рѣдко для кого возможную; подобную способность работать я видѣлъ только при устройствѣ выставки Казанскаго Съѣзда покойнымъ графомъ Уваровымъ.

Выставка VII Археологическаго Съѣзда представляетъ новую попытку собранія провинціальныхъ изданій по губерніямъ. А. С. Гацискій, указавшій на пользу такихъ книжныхъ выставокъ, доставилъ свою богатую коллекцію всѣхъ нижегородскихъ изданій.

Въ интересахъ Съѣзда предприняты и новыя изданія: напечатаны Указатели предметовъ, рукописей и актовъ Ростовскаго Музея; Обозрѣніе церквей г. Ярославля, составленное г. Лѣствицынымъ; Указатель ризницы Ярославскаго Спасскаго монастыря, составленный и изданный графинею П. С. Уваровой; г. Токмаковъ напечаталъ

Сборникъ матеріаловъ для VII Археологическаго Съѣзда; г. Шляковъ—Путевыя замѣтки о памятникахъ древнерусскаго церковнаго зодчества; г. Титовъ—Троицкій Желтоводскій монастырь у стараго Макарья и Переписныя книги Ростова Великаго второй половины XVII вѣка. Приближается къ окончанію и печатаніе изданій, предпринятыхъ И. А. Вахромѣевымъ: Описаніе рукописей его библіотеки, Акты Ярославской губерніи и Исторія Ярославской губерніи въ последнее столѣтіе.

Настоящій отчетъ указываетъ, что мѣстные жители отнеслись къ ожидаемому Съѣзду не безучастно.

Съѣздъ открытъ и съ нынѣшняго вечера начнутся ученые рефераты.

Гг. представители русской историко-археологической науки, вамъ низко кланяются русскіе люди, граждане Ярославля и Ростова: помогите намъ въ изученіи окружающихъ насъ древнихъ священныхъ памятниковъ, пролѣйте новый свѣтъ на дорогую нашему сердцу исторію нашего роднаго края!».

Затѣмъ Ярославскій Городской Голова Ив. Н. Соболевъ произнесъ краткую привѣтственную рѣчь, въ которой, между прочимъ, принесъ отъ имени гражданъ Ярославскихъ благодарность за избраніе роднаго ихъ города мѣстомъ предстоящаго Съѣзда.

„Позвольте мнѣ отъ лица гражданъ города Ярославля —такъ началъ свою рѣчь г. Соболевъ—выразить вамъ задушевный привѣтъ, по случаю открытія дѣйствій VII Археологическаго Съѣзда, и засвидѣтельствовать передъ вами безпредѣльную признательность Ярославцевъ за ту великую честь, какая оказана вами Ярославлю избраніемъ его мѣстомъ настоящаго Археологическаго Съѣзда.

Каждый гражданинъ Ярославля, видя васъ—людей науки, въ своемъ родномъ городѣ, безпредѣльно порадуется тому, что покрытые глубокой стариной и составляющіе гордость Ярославля, историческіе памятники его удостоются вашего просвѣщеннаго осмотра, изслѣдованія и изученія и, благодаря этому, можетъ быть, займутъ болѣе видное и вполнѣ подобающее имъ мѣсто въ наукѣ. Отъ души желаю полнаго успѣха въ благородныхъ и просвѣщенныхъ трудахъ Съѣзда на пользу науки и во славу нашей дорогой Россіи“.

Въ заключеніе засѣданія, Предсѣдателемъ Съѣзда Ив. Е.

Забѣлинымъ были прочитаны: 1) телеграмма Ярославскаго губернатора генералъ-маіора А. Я. Фриде, изъ г. Вѣрнаго, адресованная на имя Предсѣдателя Съѣзда и гласящая слѣдующее: «Глубоко польщенный высокою честью, оказанной мнѣ Совѣтомъ Съѣзда, приношу усерднѣйшую благодарность Вамъ, Милостивый Государь, и всѣмъ членамъ Съѣзда, столь славно трудящимся на пользу науки, за оказанное мнѣ лестное вниманіе»; 2) телеграмма отъ члена Съѣзда А. А. Титова, изъ Нижняго Новгорода, такого содержанія: «Съ пожеланіемъ полнаго успѣха, привѣтствую открытіе Археологическаго Съѣзда, перваго въ моемъ родномъ краѣ. Искренно сожалѣю, что служебныя обязанности по ярмаркѣ вынуждаютъ меня отстрочить пріѣздъ въ Ярославль до 16 августа», и, наконецъ 3) письмо отъ депутата Императорской Археологической Комиссіи проф. Н. П. Кондакова, находящагося нынѣ въ Лондонѣ, съ выраженіемъ сожалѣнія о невозможности лично присутствовать на Съѣздѣ и глубокаго сочувствія къ научнымъ трудамъ послѣдняго.

Протоколъ 1-го засѣданія Съѣзда, 6 августа вечеромъ, по отдѣленію древностей первобытныхъ, подъ предсѣдательствомъ А. Ѳ. Бычкова.

1. *И. А. Износковъ* прочелъ рефератъ: «О курганахъ и городищахъ Казанской губерніи, разрушаемыхъ весеннимъ разливомъ рѣкъ».

Докладчикъ обратилъ вниманіе Съѣзда на нѣкоторые курганы и городища, расположенные по берегамъ рѣкъ Суры и Меши и подвергающіеся постепенному разрушенію во время весеннихъ разливовъ. Въ особенности, по словамъ докладчика, страдаетъ въ этомъ отношеніи Рождественскій курганъ и окружающее его городище, расположенные на правомъ берегу р. Меши, въ Лаишевскомъ уѣздѣ. Въ настоящее время надъ обрывомъ рѣки остается уже только небольшая часть кургана. Весною полая вода подходитъ къ самому обрыву подъ курганъ и разрушаетъ отвѣсную береговую стѣну, имѣющую отъ 4 до 5 саженъ высоты, причемъ обнаруживаются правильныя четырехугольныя ямы, заключающія въ себѣ золу, угли, черепки и кости, а также иногда вымываются различные археологическіе предметы. Учителемъ с. Рождествина Т. С. Яковлевымъ 26 мая сего годъ, при осмотрѣ имъ означенной береговой осыпи, найдено было у самаго края рѣки нѣсколько чрезвычайно интересныхъ вещей: большое серебряное шейное украшеніе, браслетъ, перстень и большое количество мелкихъ серебряныхъ осколковъ, а также черепъ и другія кости. Сославшись на то, что лѣтъ 50 назадъ Рождественскій курганъ былъ совершенно цѣлъ, въ настоящее же время ему грозитъ полное разрушеніе, докладчикъ указалъ на необходимость позаботиться о сохраненіи такихъ почти безслѣдно исчезающихъ памятниковъ древности. Въ заключеніе были демонстрированы нѣкоторые предметы, найденные въ упомянутыхъ въ докладѣ городищахъ и курганахъ.

2. Проф. *П. А. Висковатовъ* сообщилъ о раскопкахъ своихъ въ *Тюрселѣ* (Эстляндской губерніи), близь Нарвскаго залива, предпринятыхъ имъ въ 1886 и 87 годахъ, равно какъ и о раскопкахъ корабельной могилы въ Мейерсгофѣ близъ Дерпта и стариннаго кладбища XII вѣка въ селеніи Кальтри (по Петербургско-Дерптскому шоссе). Тюрсельская могила, особенно богатая разнообразіемъ культурныхъ предметовъ, имѣетъ 55 футовъ длины и 24 фута ширины. По опредѣленію недавно умершаго профессора Гревингка, лучшаго знатока доисторической археологіи Прибалтійскаго края, судившаго впрочемъ лишь по результатамъ раскопокъ 1886 года и не дожившаго до результатовъ таковыхъ къ 1887 году, бронзовыя фибулы, найденныя въ ней (фибулы самострѣлообразныя и «Т»образныя, равно какъ и перекладинообразныя), всѣ провинціально римскаго типа. Самострѣлообразныя фибулы находились въ корабельныхъ могилахъ Лифляндіи съ монетами первыхъ трехъ вѣковъ нашей эры, равно какъ съ таковыми же римскими монетами и въ восточной Пруссіи, прирейнскихъ земляхъ, Италіи и Эпирѣ. Особенно интересна была находка нѣсколькихъ подковообразныхъ бронзовыхъ украшеній съ инкрустаціей весьма отчетливой работы. Проф. Гревингкъ указывалъ на тождественность съ украшеніями на доспѣхахъ римскихъ воиновъ, изображенныхъ на двухъ памятникахъ. Висковатовъ приравнивалъ находки къ подобнымъ же украшеніямъ съ инкрустаціей, и безъ оной, во Владимірской и Московской губерніяхъ. Точно также референтъ обратилъ вниманіе и на подвѣски и перстни спирально-змѣинообразной формы, найденные имъ въ Тюрселѣ и оказавшіеся и въ раскопкахъ, сдѣланныхъ въ концѣ 70-хъ годовъ Г. Д. Филимоновымъ на Кавказѣ въ Асетіи —Всѣ типы найденныхъ въ 1886 году въ Тюрсельской могилѣ носятъ на себѣ характеръ болѣе совершенной отдѣлки. Профессоръ Висковатовъ, соглашаясь съ г. Гревингкомъ въ томъ, что могила могла относиться къ II или III вѣку, тѣмъ болѣе, что Римляне познакомились съ Балтійскимъ моремъ въ правленіе Августа, а при Неронѣ былъ отправленъ туда даже флотъ,— все-таки не соглашается съ тѣмъ, чтобы могила была готскою и что готы владѣли страною и господствовали надъ финами съ II и до IV вѣка. Выводы такіе еще преждевременны и вопросъ о томъ, какая была народ-

ность, хоронившая въ могилахъ, едва ли еще можетъ быть рѣшонъ. Раскопки 1887 года показали, что древняя Тюрсельская могила имѣетъ продолженіе, но уже позднѣйшей кладки, съ культурными предметами приблизительно X—XII вѣковъ. Вся могила, хранившая сильно сожженныя кости и предметы, являла и экземпляры неподвергшихся дѣйствію огня предметовъ и несомнѣнно служила мѣстомъ погребенія для цѣлаго населенія въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ съ перерывами довольно продолжительныхъ періодовъ. Часть могилы, вскрытая въ 1886 году, сильно отличается отъ обыкновенныхъ встрѣчающихся карабельныхъ могилъ внутреннимъ устройствомъ (кладкою) и богатствомъ и разнообразіемъ культурныхъ предметовъ, частью уже описанныхъ теперь въ брошюрѣ, вышедшей какъ отдѣльный оттискъ Трудовъ Эстонскаго ученаго общества при Дерптскомъ Университетѣ *). Въ непродолжительномъ времени проф. Висковатовъ опубликуетъ тамъ же и прибавленія на основаніи находокъ 1887 года, частью подтверждающія, частью опровергающія выводы, сдѣланные имъ на основаніи раскопокъ 1886 года.

3. *А. В. Селивановъ* прочелъ рефератъ: «О находкахъ древностей въ с. Старой Рязани, Спасскаго уѣзда, Рязанской губерніи».

Представивъ краткій историческій очеркъ Старой Рязани, бывшей нѣкогда резиденціей Рязанскихъ князей, и сообщивъ нѣкоторыя географическія и топографическія свѣдѣнія о Старо-Рязанскомъ городищѣ, докладчикъ сдѣлалъ обзоръ всѣхъ важнѣйшихъ, сдѣланныхъ въ немъ, археологическихъ находокъ и открытій. Начиная съ 1822 года, когда тамъ были найдены знаменитыя золотыя бармы и другія части древняго княжескаго одѣянія, и до самаго настоящаго времени, всѣ подобныя находки отличались характеромъ случайнымъ, не смотря на важное значеніе найденныхъ предметовъ въ научномъ отношеніи. При этомъ многія находимыя тамъ вещи, прежде чѣмъ достигали до начальства, пріобрѣтались посторонними лицами

*) Der schiffförmige Aschenfriedhof bei Türsel in Estland v. prof. Grewingk nebst Bericht über die Aufdeckung desselben von prof. Wiskowatow. Dorpat 1887 г.

смѣлые выводы. Такъ, изъ сопоставленія разныхъ названій населенныхъ мѣстъ и урочищъ, въ которыхъ встрѣчаются корни *ван'*, *кій'*, *кром'*, *кос'*, *истр'* и др., г. Некрасовъ приходитъ къ заключенію, что послѣдняя арійская группа славянъ шла изъ Азіи въ Европу южнымъ, а не сѣвернымъ берегомъ Чернаго моря. Такимъ образомъ, напр., *Фазисъ* значитъ честь, слава-- тоже, что *ван*— чтить, хвалить, откуда названія венеты, анты, винды, озеро Ванъ, городъ Нахичевань и т. д.; отъ корня *кос*— Косово, городъ Коссея, народъ Коссеяне, Коссовъ митрополитъ Кіевскій XVII вѣка, наши Коссовичи и т. д.; или еще Исторія, Истръ (древній Дунай), Истріонъ (древн. Одесса) и т. п. Рефератъ Некрасова г. Износковъ закончилъ замѣчаніемъ, что дальнѣйшія научныя изысканія, можетъ быть, нѣсколько подтвердятъ выводы Некрасова, или же совершенно ихъ отвергнутъ.

М. В. Никольскій выскасалъ свои соображенія касательно того, что нельзя отождествлять названія Венеты и Ванъ и считать ихъ и Коссеянъ представителями *арійскаго* племени, какъ убѣждаютъ въ томъ новѣйшія открытія ассиріологовъ. Языкъ ванскихъ надписей, ключъ къ которымъ найденъ Сейсомъ и Гюяромъ, по общему признанію, не принадлежитъ къ числу арійскихъ, а потому и народъ Ванъ не можетъ быть родственъ славянамъ. Точно также и народъ Коссеевъ, игравшій во второмъ тысячелѣтіи до Р. Хр. весьма важную роль въ исторіи Халдеи. завоевавшій ее и давшій ей династію, судя по недавно открытому Фридрихомъ Деличемъ документу, представляющему лексикологическую таблицу съ объясненіемъ нѣкоторыхъ коссейскихъ словъ по-ассирійски, также не можетъ быть отнесенъ къ семейству арійскихъ. Въ заключеніе г. Никольскій выразилъ желаніе, чтобы ученые, построяющіе свои выводы на созвучіи позднѣйшихъ именъ съ именами древнѣйшихъ народностей востока, обращали вниманіе на сдѣланныя въ послѣднее время открытія на востокѣ.

Профессоръ *А. А. Кочубинскій* прочиталъ рефератъ: „О русскомъ племени въ Дунайскомъ Залѣсьѣ“. Профессоръ началъ съ того, что, если на сѣверо-востокѣ въ верхнемъ Поволжьѣ, мы—славяне—поработили финновъ, то на далекомъ юго-западѣ, въ Дунайскомъ Залѣсьѣ или Трансильваніи, было какъ разъ наоборотъ: когда то

тамъ жили славяне, но они были вытѣснены венграми, а теперь тамъ живутъ румыны и нѣмцы. Основываясь на найденной имъ лично въ 1875 году, въ Пештѣ, въ Національномъ Музеѣ, небольшой рукописи съ молитвенными пѣснопѣніями на языкѣ славянскихъ жителей четырыхъ селъ въ южной Трансильваніи, референтъ призналъ, что главнѣйшія особенности языка этихъ четырехъ любопытныхъ селъ съ признаками глубочайшей древности, (каковы носовые звуки) повторяются въ языкѣ славянскихъ географическихъ именъ края. Далѣе референтъ сослался на свидѣтельства путешественниковъ XVI вѣка и указалъ, что жители четырехъ славянскихъ селъ около Германштадта (Russdorflein, Nagy, Kis Czerged и Bongert) въ половинѣ этого столѣтія составляли особое племя или народъ, близкое къ Валахамъ, но отличное отъ нихъ. Жители четырехъ упомянутыхъ селъ—послѣдніе эпигоны племени, отличнаго отъ румынъ и родственнаго славянамъ. Въ заключеніе проф. Кочубинскій обратилъ вниманіе на то, что сосѣдніе народы мадьяры, румыны и нѣмцы—какъ прежде, такъ и во время составленія рукописи—въ началѣ XIX вѣка, не называли жителей упомянутыхъ селъ иначе, какъ *русскими* (Russen, Rutheni).

Я. Ѳ. Головацкій поддерживалъ мнѣніе проф. Кочубинскаго въ болѣе широкихъ предѣлахъ. Онъ указалъ на то, что самая страна Залѣсья называлась прежде по-славянски Планиной, что въ ней и по сейчасъ встрѣчается много славянскихъ географическихъ названій, доказывающихъ присутствіе славянъ на этомъ мѣстѣ съ давнихъ временъ. Если основываться на историческихъ свидѣтельствахъ, то мы должны признать въ Трансильваніи и Румыніи присутствіе двухъ славянскихъ элементовъ—*болгарскаго* и *русскаго*, при чемъ болгарскій элементъ преобладалъ въ Валахіи, а русскій встрѣчался въ Молдавіи. Старинные акты писались здѣсь не иначе, какъ по-славянски и, основываясь на нихъ, мы должны заключить, что русскіе составляли здѣсь все же меньшинство, колонію. Слѣдовательно, можно утверждать, что и въ Дунайскомъ Залѣсьѣ были славяне съ преобладающимъ болгарскимъ элементомъ.

Е. В. Барсовъ прочелъ рефератъ: „О Княжичъ городкѣ на Шекснѣ“. По порученію Ярославскаго Предварительнаго Комитета VII-го Археологическаго Съѣзда,

г. Барсовъ дѣлалъ раскопки на берегахъ р. Шексны, при впаденіи въ нее небольшой рѣчки Моксы, но раскопки эти не сопровождались никакими интересными открытіями. Близъ д. Ольховой на Шекснѣ г. Барсовъ видѣлъ пни старѣйшихъ дубовъ, обрѣзъ одного изъ которыхъ онъ и представилъ на выставку Съѣзда. Такъ какъ поиски за вещественными памятниками вообще были неудачны, то г. Барсовъ обратился къ народному творчеству, и на этой почвѣ ему посчастливилось больше. Въ деревнѣ Ольховѣ г. Барсову указали на крестьянина Михея Васильева Глибина, какъ пѣвца старинныхъ пѣсенъ. Михей Глибинъ объяснилъ, что покойный отецъ его, Василій Даниловъ и дѣдъ, Даніилъ Ивановъ, въ свою очередь, слышали пѣсни отъ старика Ивана Степанова. Г. Барсовъ цѣликомъ записалъ одну изъ такихъ пѣсенъ былиннаго характера, замѣчая о ней, что „этотъ отголосокъ былеваго творчества едва-ли не послѣдній на берегахъ Шексны". Далѣе г. Барсовъ привелъ свои изысканія о „Княжичъ городкѣ". Городокъ этотъ находится на правомъ берегу Шексны въ 30 верстахъ отъ города Мологи и въ 75—отъ Рыбинска. На берегу рѣки Андоги, текущей въ Суду, которая впадаетъ въ Шексну (Череповъ. уѣз., Новгор. губ.), есть мѣстность съ подобнымъ же названіемъ „Княжее село". Доказано, что это была столица князей Андогскихъ, упоминаемыхъ въ документахъ. Подобно тому Княжичъ-городокъ, какъ думаетъ г. Барсовъ, служилъ столицею князей Шехонскихъ. До царя Михаила Θеодоровича городокъ имѣлъ значеніе села, а съ того времени, по челобитью Пошехонскаго воеводы Михаила Дурново, возведенъ на степень города. Г. Барсовъ цѣликомъ привелъ текстъ этой челобитной отъ 14 іюля 1620 года. Изъ нея видно, что Княжичъ-городкомъ до этого времени владѣлъ родъ дворянъ Уваровыхъ.

II.

Протоколъ засѣданія, 7 августа, вечеромъ, *по отдѣленію древностей церковныхъ*, подъ предсѣдательствомъ проф. П. А. Висковатова.

Профессоромъ Казанской духовной академіи *Н. Ѳ. Красносельцевымъ* было доложено: „Описаніе пяти синодиковъ, хранящихся въ древлехранилищѣ при Нижегородской духовной семинаріи", доставленное В. И. Богословскимъ.

Давъ общее понятіе о синодикахъ, объяснивъ названіе ихъ (синодикъ-сенаникъ), докладчикъ сообщилъ свѣдѣнія о составѣ ихъ. По мнѣнію г. Красносельцева, существуютъ три рода синодиковъ: 1) Синодики перваго рода, обыкновеннаго состава, начинающіеся прямо поминовеніемъ, причемъ въ нихъ сначала помѣщается поминовеніе общее всѣхъ происшедшихъ отъ Адама и познавшихъ Бога; далѣе идетъ болѣе частное поминовеніе: царей, царицъ, патріарховъ, митрополитовъ, архіепископовъ и всего священнаго и иноческаго чина и, наконецъ, еще болѣе частное поминовеніе лицъ, принадлежащихъ къ разнымъ православнымъ фамиліямъ. Чѣмъ славнѣе былъ монастырь, тѣмъ обильнѣе именами его синодикъ. 2) Синодики втораго, болѣе сложнаго рода, въ которыхъ поминовеніе предваряется обыкновенно большимъ или меньшимъ количествомъ статей дополнительныхъ, направленныхъ къ уясненію пользы поминовенія. Въ синодикахъ этого рода встрѣчаются иногда и повѣсти съ апокрифическимъ отдѣломъ, а потому подобные синодики могутъ имѣть значеніе и въ литературномъ отношеніи, и, наконецъ, 3) Синодики третьяго, послѣдняго рода, по составу своему почти не отличающіеся отъ синодиковъ втораго рода, но предварительныя статьи которыхъ снабжаются обыкновенно множествомъ иллюстрацій, вслѣдствіе чего синодики этого рода могутъ имѣть не малое значеніе, какъ памятники древне-русскаго искусства.

Нижегородскіе синодики, описанные г. Богословскимъ, представляютъ собою образчики всѣхъ трехъ ро-

довъ. Къ первому относятся описанные имъ подъ №№ 1, 3 и 5. Самый важный изъ нихъ—первый, принадлежавшій Макарьевскому Желтоводскому монастырю противъ с. Лыскова. Въ синодикѣ этого монастыря, послѣ общаго поминовенія, помѣщены многочисленные перечни именъ, принадлежавшихъ усопшимъ роднымъ многихъ русскихъ іерарховъ, многихъ князей и бояръ русскихъ, купцовъ и другихъ лицъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ имена: великихъ князей Нижегородскихъ, митрополитовъ Новгородскихъ и Крутецкихъ, епископовъ Суздальскихъ, Псковскихъ, игуменовъ и братій св. обители (Желтоводской), бояръ Морозовыхъ, Романовыхъ, Салтыковыхъ, князей Сицкихъ-Ярославскихъ, князей Бахтеяровыхъ-Ростовскихъ, Карамзиныхъ, роды Москвичей, Нижегород. столяра Мелитія Иванова сына, что рѣзалъ иконостасъ въ соборѣ, убитыхъ подъ Псковомъ въ 7159 г., роды жителей разныхъ городовъ, „кои по Волгѣ вверхъ“, Кинешмы, Костромы, Ярославля и др.... Второй подобный же синодикъ принадлежалъ Спасскому монастырю, что на Зеленыхъ горахъ, основанному въ 1653 году, что нынѣ Спасо-Зеленогорская женская община. Въ числѣ родовъ встрѣчаемъ „роды выморные въ моровой годъ; здѣже писаны и безплемянные“. Третій синодикъ этого же разряда былъ въ церкви села Чистаго поля, Семеновскаго уѣзда, гдѣ прежде былъ мужской монастырь. Второй видъ синодиковъ представляетъ синодикъ Спасскаго монастыря на Зеленыхъ горахъ. Въ немъ сперва помѣщается „предисловіе синодика, коея ради вины уставися творити память о умершихъ“, въ которомъ предисловіи, между прочимъ, находится „вѣчная повѣсть и дивная о суботѣ мясопустнѣй“, а потомъ слѣдуетъ общее поминовеніе всѣхъ происшедшихъ отъ Адама и Евы и познавшихъ Бога и поминовеніе частное царей и царицъ и др. лицъ. Третій видъ синодиковъ представляетъ синодикъ церкви с. Болобанова, Сергачскаго уѣзда, Нижегородской губерніи, устроенный въ 1683 году. Въ немъ 37 картинъ съ надписями и стихами внизу, а иногда вверху и по бокамъ картинъ. Предисловіе—„увѣщаніе люботщательному православному читателю о предисловіи во книгу синодикъ о пособіи мертвымъ“. Послѣ картинъ общее и частное поминовенія разныхъ лицъ.

Второе сообщеніе В. И. Богословскаго „О деревян-

ныхъ сосудахъ и деревянныхъ вѣнцахъ, хранящихся въ древлехранилищѣ при Нижегородской духовной семинаріи"—было доложено *Н. И. Троицкимъ*.

Передавая свѣдѣнія о нихъ на основаніи сообщенія г. Богословскаго и приложенныхъ къ нему рисунковъ, г. Троицкій сообщилъ и о другихъ извѣстныхъ ему древнихъ св. сосудахъ и вѣнцахъ. Онъ указалъ на древніе деревянные потиры преп. Сергія, на потиры въ сс. Спасъ-Тешеловой, Сенкино, Каширскаго уѣзда, Тульской губерніи, и на стеклянные потиры, находящіеся теперь въ древлехранилищѣ при Тульской духовной семинаріи, съ вылитыми раскрашенными изображеніями. Говоря, затѣмъ, о деревянныхъ вѣнцахъ Нижегородскаго древлехранилища, г. Троицкій изложилъ свѣдѣнія о постепенномъ развитіи формъ брачныхъ вѣнцовъ изъ простаго деревяннаго обруча, который украшался цвѣтами, а иногда даже просто обвертывался соломой, какъ, наприм., вѣнецъ въ г. Туровѣ,—въ ту форму, которую вѣнцы имѣютъ теперь.

На заявленное г. *Ящуринскимъ* желаніе имѣть свѣдѣніе о вліяніи свадебныхъ обычаевъ, наблюдаемыхъ въ Малороссіи, на форму вѣнцовъ, проф. *Н. В. Покровскимъ* было отвѣчено, что объ этомъ имъ уже было говорено въ статьѣ „О брачныхъ вѣнцахъ".

С. А. Бѣлокуровъ доложилъ свой рефератъ по вопросу „О времени открытія греколатинской школы Арсенія грека въ Москвѣ въ XVII вѣкѣ". Приведя свидѣтельство Олеарія объ этой школѣ, г. Бѣлокуровъ изложилъ мнѣніе различныхъ лицъ, касавшихся вопроса о школѣ Арсенія грека. Изъ представленнаго имъ обзора мнѣній оказалось, что почти всѣ лица, касавшіяся этого вопроса, признавали существованіе при патр. Филаретѣ школы Арсенія грека, а учителемъ въ ней одни изъ нихъ считали Арсенія грека, а другіе Арсенія Глухаго, и только митр. Макарій въ своей Исторіи русской церкви (т. XI, соб. 1882 г.) высказалъ мнѣніе, что этой школы Арсенія грека при патр. Филаретѣ не было, а она была открыта при патр. Никонѣ.— Перейдя, затѣмъ, къ разбору самаго свидѣтельства Олеарія, г. Бѣлокуровъ пришелъ къ выводу, что во второмъ и послѣдующихъ изданіяхъ, сравнительно съ 1-мъ изданіемъ, находится много различныхъ вставокъ и дополненій, сдѣланныхъ Олеаріемъ въ 1654—1655 годахъ, что къ числу подобныхъ вставокъ относится и свидѣтельство Олеарія о

школѣ Арсенія грека, котораго свидѣтельства въ первомъ изданіи нигдѣ нѣтъ, какъ то было видно изъ экземпляра этого изданія, хранящагося въ библіотекѣ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, и во время чтенія находившагося въ рукахъ у г. Бѣлокурова.—Изложивъ затѣмъ свѣдѣнія объ Арсеніѣ грекѣ и возвращеніи его изъ Соловокъ, г. Бѣлокуровъ пришелъ къ выводу, что никакой греколатинской школы Арсенія грека при патріархѣ Филаретѣ въ Москвѣ не было, а что эта школа была открыта приблизительно около 1653 года.

Печатано съ разрѣшенія Предсѣдателя VII Археологическаго Съѣзда, 14 августа 1887 года.

Ярославль. 1887 года Въ Тип. Губ. Правл.

ИЗВѢСТІЯ
о занятіяхъ
СЕДЬМАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА
ВЪ ЯРОСЛАВЛѢ.

№ 6. 17 августа 1887 г.

I.

Протоколъ засѣданія, 9 августа, утромъ, *по II отдѣленію древностей историческихъ, географическихъ и этнографическихъ*—подъ предсѣдательствомъ проф Ор. Ѳед. Миллера.

И. В. Миловидовъ прочелъ рефератъ: „О городѣ Костромѣ въ историко-археологическомъ отношеніи“. Докладчикъ началъ съ указанія прежнихъ трудовъ по исторіи Костромы, напр. князя Козловскаго, Васькова,—трудовъ, отличающихся неполнотою и не чуждыхъ ошибокъ; указалъ затѣмъ на общіе труды по исторіи Россіи, напр. В. Н. Татищева и другихъ, и лѣтописи сѣверо-восточной Россіи. Свое изложеніе исторіи Костромы г. Миловидовъ началъ съ древнѣйшей до исторической эпохи, сопровождая свои объясненія историко-этнографическими соображеніями. Все верхнее Поволжье изобилуетъ курганами или городищами, изученіемъ которыхъ такъ старательно занимаются въ послѣднее время наши археологи. Костромскія же городища изслѣдованы пока мало. Область верхняго Поволжья заселена была племенемъ Мери, о курганахъ которой мы имѣемъ превосходное изслѣдованіе покойнаго гр. Уварова. Присутствіе Мери на мѣстахъ нынѣшней Костромской губерніи доказывается нетолько курганными раскопками, но и письменными памятниками, упоминающими Галичъ Мерскій. Референтъ думаетъ, что и названіе нынѣшней Нерехты есть пере-

дѣлка слова „Мерехта". О глубокой языческой старинѣ лучше всего говоритъ народный праздникъ „костромы" и мѣстныя пѣсни, главнымъ мотивомъ коихъ является любовь. Славянская колонизація въ этихъ мѣстахъ началась очень рано, такъ что въ историческую эпоху мы застаемъ здѣсь уже смѣшанное населеніе финско-славянское. Происхожденіе названія Костромы опредѣлить трудно; нѣкоторые считаютъ его славянскимъ. Г. Миловидовъ высказалъ предположеніе, что въ древнѣйшее время поселеніе находилось на правомъ берегу Волги—тамъ, гдѣ нынѣ сельцо Городище; потомъ городъ былъ перенесенъ на лѣвый берегъ, какъ можно думать, къ самому устью рѣки Костромы, и, наконецъ, уже на нынѣшнее его мѣсто. Нынѣшняя Кострома впервые упоминается въ 1213 г. и первоначально входила въ составъ Владиміро-Суздальской, а не Ростовской области. Референтъ думаетъ, что на нынѣшнемъ своемъ мѣстѣ городъ находится со времени Батыева нашествія, причемъ строителемъ его послѣ 1237 г. былъ вел. князь Ярославъ Всеволодовичъ. Такъ какъ христіанское имя его было Ѳеодоръ, то и древнѣйшая соборная церковь города была во имя Ѳеодора Стратилата. Сказавъ нѣсколько словъ о Ѳеодоровской иконѣ Богоматери, г. Миловидовъ вкратцѣ передалъ дальнѣйшую исторію города, закончивъ ее извѣстіями о началѣ Ипатьевскаго монастыря, какъ главнаго хранителя мѣстныхъ письменныхъ документовъ о Костромской области и городѣ Костромѣ.

Проф. *Д. А. Корсаковъ* указалъ на сходство черемисскаго языка съ другими финскими. Хотя языкъ Мери исчезъ, но многія географическія названія области ея объясняются изъ языка черемисовъ, которые сами себя называютъ доселѣ *Мара*—человѣкъ-мущина. Изученіемъ языка черемисовъ въ послѣднее время занялся учитель начальной школы при инородческой учительской семинаріи въ Казани г. Семеновъ, самъ родомъ черемисъ Уржумскаго уѣзда, Вятской губ. Изъ числа собранныхъ имъ словъ г. Корсаковъ отмѣтилъ слова „*Каштрымы*", „*Каштыргымы*", что по-русски означаетъ „открытый вѣтрамъ". Не отсюда-ли, по предположенію г. Корсакова, произошло названіе города Костромы, стоявшей первоначально на возвышенномъ правомъ берегу Волги, открытомъ вѣтрамъ? Учитель Семеновъ подобнымъ образомъ объясняетъ

названіе Кинешмы. „Кӯ—нöшмы“ по-черемисски означаетъ каменныя зерна, мелкіе камешки. Впрочемъ, въ области Костромской, по мнѣнію проф. Корсакова, уже въ древнѣйшія времена рядомъ съ финнами несомнѣнно жили и славяне.

И. А. Износковъ сообщилъ существующее у чувашъ и черемисъ преданіе о происхожденіи кургановъ отъ великановъ. Одинъ изъ нихъ, представляемый въ народной фантазіи какимъ-то богатыремъ, Олыбъ-Тупры, шелъ будто-бы въ лаптяхъ по глубокой грязи; тамъ, гдѣ онъ отряхивалъ свои лапти, образовались насыпи—городища. Вѣроятно, и происхожденіе Костромскаго городища народъ объясняетъ этою же легендой.

Н. И. Троицкій прочиталъ рефератъ: „Берега рѣки Непрядвы въ историко-археологическомъ отношеніи“. Г. Троицкій неоднократно осматривалъ берега этой исторической рѣки и близко ознакомился съ этой мѣстностью. О древнѣйшихъ обитателяхъ верховьевъ р. Дона онъ высказываетъ предположеніе, что таковыми могли быть въ до-историческія времена финны, во времена же Нестора тутъ жили Вятичи. Слѣдовъ этихъ народовъ и надо искать въ верховьяхъ Дона. Г. Троицкій указываетъ на такъ назыв. „конь-камень“ на р. Красивой Мечи, прит. Дона. Такіе же камни есть въ с. Дупнахъ, Чернскаго уѣзда и въ с. Никольскомъ, того же уѣзда. Отсутствіе браковъ и похищеніе женъ у Вятичей сохранились въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ обычаяхъ до сихъ поръ. Въ Козельскомъ уѣздѣ, на сѣверномъ берегу Непрядвы, близъ села Непрядиваго, доселѣ есть урочище „Веселая-Горка“, гдѣ бываютъ шумныя сборища. Встрѣчаются и вещественныя находки—слѣды быта прежнихъ обитателей. Г. Троицкій нашелъ на „Веселой Горкѣ“ одну серьгу, подобная которой есть въ Твери въ Музеѣ. Бывали также находки, свидѣтельствующія о бывшихъ здѣсь сраженіяхъ; напр. находили бердыши. Такія находки обыкновенно пріурочивали къ извѣстному событію 1380 года. На берегахъ Непрядвы находили иногда татарскія монеты временъ хана Узбека. Рядомъ съ татарскими встрѣчаются и христіанскія древности. Такъ, на Куликовомъ полѣ находили кресты, изъ коихъ особенно любопытенъ по древности кресть-складень. О вѣнцахъ г. Троицкій сдѣлалъ особый докладъ Съѣзду. Вообще онъ пріурочиваетъ всѣ христіанскія находки по берегамъ Непрядвы ко времени

не ранѣе XVI столѣтія, когда здѣсь существовали монастыри, напр. Рождественскій-Богородицкій, разрушенный въ 1571 г. (*).

Ѳ. Ѳ. Чекалинъ заявилъ, что кони—камни встрѣчаются и въ другихъ губерніяхъ. Онъ видалъ ихъ въ мордовскихъ деревняхъ Саратовской губерніи и считаетъ продуктомъ геологическаго образованія, извѣстнаго подъ названіемъ валуновъ. Валуны эти бываютъ разныхъ составовъ. Въ Саратовской губерніи они состоятъ изъ кремня. Кремень—такое вещество, которое встрѣчается очень часто въ видѣ валуновъ, иногда въ очень затѣйливыхъ формахъ. Это желваки-кремни наливнаго происхожденія различныхъ размѣровъ. Одинъ изъ такихъ камней въ Кузнецкомъ уѣздѣ, Саратовской губ., имѣетъ форму коня.

Проф. *П. А. Висковатовъ* сообщилъ, что ему извѣстны подобные камни въ Лифляндской и Эстляндской губерніяхъ. Около Дерпта есть камень—конь съ какими-то углубленіями. Они упоминаются въ финской „Калевалѣ" и когда-то считались слѣдами Кальви. Народъ связываетъ съ ними воспоминанія о битвахъ и придаетъ имъ священное значеніе: въ углубленія камней, по преданію, собиралась кровь приносимыхъ въ жертву коней.

Л. Н. Майковъ сказалъ, что онъ видѣлъ на островѣ Коневцѣ конь—камень изъ гранита. Углубленій на немъ нѣтъ, но есть преданіе, что тутъ приносились въ жертву кони.

Н. И. Троицкій замѣтилъ, что кони—камни, имъ видѣнные, состояли изъ жерноваго песчаника. Крестьяне ихъ утилизируютъ. Въ селѣ Башево, Одоевскаго у., Тульской губ., есть два камня, почитавшіеся священными, народъ приносилъ сюда жертвы въ видѣ холста и другихъ домашнихъ издѣлій.

(*) По теченію Непрядвы были поселены монастырскіе крестьяне, на что указываетъ названіе села Монастырщина. Самая земля принадлежала монастырямъ: по рѣчкѣ Ситкѣ—Тульскому Предтечеву монастырю; ближе къ Дону—дачи митрополитовъ Сарскихъ и Подонскихъ, гдѣ и было село Рождествено—Монастырское; вверхъ по Непрядвѣ—земля Ростовскаго митрополита, южнѣе—земля Коломенскаго архіепископа. На сѣверн. берегу Непрядвы—были дворцовыя земли съ селомъ Михайловскимъ. Въ XVI—XVII вв. здѣсь возникаютъ крѣпости и укрѣпленные городки.

А. С Гацискій добавилъ, что и ему извѣстны кони—камни въ Нижегородскомъ Заволжьѣ, именно въ Семеновскомъ уѣздѣ, гдѣ еще Мурчисонъ указалъ цѣлую гряду валуновъ.

Затѣмъ *А. С. Гацискій* сообщилъ рефератъ: „О мѣстѣ погребенія князя Д. М. Пожарскаго“. Въ Нижегородской губерніи давно существуетъ легенда о томъ, что князь Пожарскій погребенъ въ своей балахонской вотчинѣ. Изложивъ литературу предмета, референтъ разсказалъ о предпринятомъ имъ въ маѣ 1887 г. путешествіи по всей бывшей вотчинѣ князя Пожарскаго съ селеніями Пурехомъ, Неринымъ и Бурцевымъ. Экскурсія эта совершена была референтомъ вслѣдствіе дошедшаго до него слуха о томъ, что въ лѣсномъ болотѣ около с. Бурцева найденъ былъ надгробный памятникъ князя Пожарскаго. Сообщивъ Съѣзду содержаніе сохранившихся въ народѣ легендъ о князѣ Пожарскомъ какъ въ с. Пурехѣ, такъ и въ сс. Неринѣ и Бурцевѣ, референтъ подробно описалъ самый камень, вызвавшій его поѣздку и оказавшійся простымъ голышомъ съ нацарапанной на немъ безграмотной и нелѣпой надписью. Далѣе г. Гацискій указалъ, какъ возникъ слухъ о томъ, что камень этотъ—надгробный памятникъ съ могилы кн. Пожарскаго. Въ заключеніе референтъ присоединился въ вопросѣ о мѣстѣ погребенія князя къ мнѣнію покойнаго графа А. С. Уварова, который доказалъ, что могила Пожарскаго находится въ Спасо-Евфиміевомъ монастырѣ въ г. Суздалѣ.

Профессоръ *В. З. Завитневичъ* прочелъ рефератъ: „Существовало-ли племя Суличей“? Въ начальной лѣтописи, по словамъ референта, подъ 885 годомъ читается: „А со уличи“ (Лаврентьевскій списокъ); „а суличи“ (Ипатьевскій, Хлѣбниковскій); „а съ суличи“ (Радзивилловскій, Троицкій). Изъ трехъ чтеній правдоподобнѣйшимъ слѣдуетъ признать, по мнѣнію г. Завитневича, послѣднее, изъ котораго легко объясняются два предъидущихъ варіанта. Существованіе племени суличей подтверждается, по мнѣнію референта, также археологическими раскопками, доказывающими фактъ существованія въ посульскомъ краѣ особаго славянскаго племени, отличнаго отъ черниговскихъ сѣверянъ.

Л. Н. Майковъ указалъ референту на свидѣтельство

г. Барсовъ дѣлалъ раскопки на берегахъ р. Шексны, при впаденіи въ нее небольшой рѣчки Моксы, но раскопки эти не сопровождались никакими интересными открытіями. Близъ д. Ольховой на Шекснѣ г. Барсовъ видѣлъ пни старѣйшихъ дубовъ, обрѣзъ одного изъ которыхъ онъ и представилъ на выставку Съѣзда. Такъ какъ поиски за вещественными памятниками вообще были неудачны, то г. Барсовъ обратился къ народному творчеству, и на этой почвѣ ему посчастливилось больше. Въ деревнѣ Ольховѣ г. Барсову указали на крестьянина Михея Васильева Глибина, какъ пѣвца старинныхъ пѣсенъ. Михей Глибинъ объяснилъ, что покойный отецъ его, Василій Даниловъ и дѣдъ, Даніилъ Ивановъ, въ свою очередь, слышали пѣсни отъ старика Ивана Степанова. Г. Барсовъ цѣликомъ записалъ одну изъ такихъ пѣсенъ былиннаго характера, замѣчая о ней, что „этотъ отголосокъ былеваго творчества едва-ли не послѣдній на берегахъ Шексны". Далѣе г. Барсовъ привелъ свои изысканія о „Княжичъ городкѣ". Городокъ этотъ находится на правомъ берегу Шексны въ 30 верстахъ отъ города Мологи и въ 75—отъ Рыбинска. На берегу рѣки Андоги, текущей въ Суду, которая впадаетъ въ Шексну (Череповецк. уѣз., Новгор. губ.), есть мѣстность съ подобнымъ же названіемъ „Княжее село". Доказано, что это была столица князей Андогскихъ, упоминаемыхъ въ документахъ. Подобно тому Княжичъ-городокъ, какъ думаетъ г. Барсовъ, служилъ столицею князей Шехонскихъ. До царя Михаила Θеодоровича городокъ имѣлъ значеніе села, а съ того времени, по челобитью Пошехонскаго воеводы Михаила Дурново, возведенъ на степень города. Г. Барсовъ цѣликомъ привелъ текстъ этой челобитной отъ 14 іюля 1620 года. Изъ нея видно, что Княжичъ-городкомъ до этого времени владѣлъ родъ дворянъ Уваровыхъ.

II.

Протоколъ засѣданія, 7 августа, вечеромъ, *по отдѣленію древностей церковныхъ*, подъ предсѣдательствомъ проф. П. А. Висковатова.

Профессоромъ Казанской духовной академіи *Н. Ѳ. Красносельцевымъ* было доложено: „Описаніе пяти синодиковъ, хранящихся въ древлехранилищѣ при Нижегородской духовной семинаріи", доставленное В. И. Богословскимъ.

Давъ общее понятіе о синодикахъ, объяснивъ названіе ихъ (синодикъ-сенаникъ), докладчикъ сообщилъ свѣдѣнія о составѣ ихъ. По мнѣнію г. Красносельцева, существуютъ три рода синодиковъ: 1) Синодики перваго рода, обыкновеннаго состава, начинающіеся прямо поминовеніемъ, причемъ въ нихъ сначала помѣщается поминовеніе общее всѣхъ происшедшихъ отъ Адама и познавшихъ Бога; далѣе идетъ болѣе частное поминовеніе: царей, царицъ, патріарховъ, митрополитовъ, архіепископовъ и всего священнаго и иноческаго чина и, наконецъ, еще болѣе частное поминовеніе лицъ, принадлежащихъ къ разнымъ православнымъ фамиліямъ. Чѣмъ славнѣе былъ монастырь, тѣмъ обильнѣе именами его синодикъ. 2) Синодики втораго, болѣе сложнаго рода, въ которыхъ поминовеніе предваряется обыкновенно большимъ или меньшимъ количествомъ статей дополнительныхъ, направленныхъ къ уясненію пользы поминовенія. Въ синодикахъ этого рода встрѣчаются иногда и повѣсти съ апокрифическимъ отдѣломъ, а потому подобные синодики могутъ имѣть значеніе и въ литературномъ отношеніи, и, наконецъ, 3) Синодики третьяго, послѣдняго рода, по составу своему почти не отличающіеся отъ синодиковъ втораго рода, но предварительныя статьи которыхъ снабжаются обыкновенно множествомъ иллюстрацій, вслѣдствіе чего синодики этого рода могутъ имѣть не малое значеніе, какъ памятники древне-русскаго искусства.

Нижегородскіе синодики, описанные г. Богословскимъ, представляютъ собою образчики всѣхъ трехъ ро-

русскія сказанія о смутномъ времени XVII вѣка, составляющія въ старой русской письменности весьма замѣтный отдѣлъ историческихъ памятниковъ, и сдѣлалъ попытку расположить эти сказанія какъ изданныя, такъ и неизданныя, въ порядкѣ ихъ составленія. По мнѣнію референта, смута XVII вѣка, еще до окончанія своего, вызвала нѣсколько литературныхъ произведеній, посвященныхъ или изображенію отдѣльныхъ фактовъ смуты, или обсужденію общаго положенія дѣлъ, созданнаго смутой. Собственно историческое изображеніе событій смуты во всей ихъ совокупности началось въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, когда появилось много драгоцѣнныхъ и съ литературной, и съ фактической стороны произведеній о смутномъ времени.—Но рядомъ съ ними возникли также компиляціи, иногда весьма низкаго достоинства. Во второй половинѣ XVII в., когда уже сошли со сцены очевидцы смуты, писавшіе о ней по личнымъ воспоминаніямъ, развитіе литературы о смутномъ времени не остановилось и путемъ переработки стараго матеріала создались новыя сказанія, носящія въ себѣ черты уже легендарныя. Изъ нихъ референтъ остановился только на наиболѣе раннихъ и представилъ краткую характеристику такъ наз. „Иного сказанія", Повѣсти протопопа Терентія, Новгородской повѣсти о видѣніи 1611 года, „Плача о разореніи Московскаго государства" и „Повѣсти о нѣкоей брани, належащей на благочестивую Россію".

5. Секретарь отдѣленія А. И. *Соболевскій* доложилъ замѣтку Д. И. Прозоровскаго о выраженіи *всямокачно*. Оно, какъ извѣстно, встрѣчается въ Паломникѣ мниха Даніила и обыкновенно въ немъ видятъ два слова *вся* и *мокачно*. По мнѣнію Д. И. Прозоровскаго, надо принять мнѣніе А. И. Тимоѳеева, что это выраженіе слѣдуетъ считать составленнымъ изъ словъ *всямо* и *окачно* и означающимъ: закругленно со всѣхъ сторонъ. По прочтеніи изложенной замѣтки, докладчикъ заявилъ, что, на его взглядъ, нѣтъ достаточнаго основанія видѣть въ *всямокачно* два, а не одно слово, и что доводы Д. И. Прозоровскаго не рѣшаютъ вопроса о значеніи даннаго слова.

Печатано съ разрѣшенія Предсѣдателя VII Археологическаго Съѣзда, 17 августа 1887 года.

Ярославль. 1887 года. Въ Тип. Губ. Правл.

ИЗВѢСТІЯ

о занятіяхъ

СЕДЬМАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА

ВЪ ЯРОСЛАВЛѢ.

№ 7.

Протоколъ засѣданія, 10 августа утромъ, по III отдѣленію памятниковъ древне-русскаго искусства, подъ предсѣдательствомъ проф. Д. И. Багалѣя.

Графъ *И. И. Толстой* обратилъ вниманіе на вышедшій въ свѣтъ въ 1884 году и появившійся въ Россіи послѣ послѣдняго Одесскаго Съѣзда трудъ французскаго археолога Шлумбергера Sigillographie de l'empire Byzantin какъ на примѣрный сборникъ сфрагистическаго матеріала Византіи, по строгой систематизаціи коего въ этомъ изданіи, послѣднее можетъ служить схемой для будущихъ трудовъ въ области сфрагистики и другихъ странъ. Указавъ на то, что этотъ трудъ имѣетъ значеніе для спеціалистовъ и по другимъ отраслямъ археологіи, докладчикъ утилизировалъ изданный г. Шлумбергеромъ матеріалъ для уясненія одного темнаго вопроса въ русской нумизматикѣ. Издавая 6 лѣтъ тому назадъ монографію о древнѣйшихъ русскихъ монетахъ, графу Толстому пришлось, по недостатку данныхъ, оставить открытымъ вопросъ о происхожденіи типа серебряныхъ монетъ Ярослава Мудраго. Трудъ г. Шлумбергера далъ возможность установить фактъ происхожденія этого монетнаго типа отъ типа византійскихъ печатей X—XI вѣка. Въ заключеніе, референтъ выразилъ надежду, что со временемъ русская сфрагистика будетъ разработана на столько, чтобъ она могла служить под-

споръемъ для рѣшенія вопросовъ и по другимъ отраслямъ русской археологіи.

И. Е. Забѣлинъ высказалъ предположеніе, что «Ярославле сребро», которое графъ Толстой считаетъ монетой, ничто иное, какъ серебряная печать, которыми снабжались русскіе гости въ Царьградѣ.

Въ отвѣтъ на это замѣчаніе графъ Толстой сослался на свою монографію о Кіевскихъ монетахъ, въ коей подробно разобранъ вопросъ о значеніи Ярославля сребра, какъ монеты, указавъ при этомъ, что печати золотыя и серебряныя неизвѣстны въ сфрагистикѣ; дѣлались же таковыя изъ воска или свинца и покрывались только тонкой пластинкой золота или серебра.

Затѣмъ академикъ-архитектуры *В. В. Сусловъ* доложилъ рефетатъ: „*О древнихъ деревянныхъ церквахъ южной полосы Россіи и сравненіе ихъ съ сѣверными*". Прежде чѣмъ перейти къ разбору памятниковъ, референтъ далъ бѣглый взглядъ на исторію заселенія юга и указалъ на тѣ обстоятельства, при которыхъ могло получиться извѣстное направленіе и степень развитія искусства. Приступая затѣмъ къ описанію древнихъ деревянныхъ церквей (XVII—XVIII стол.), земли Войска Донскаго, г. Сусловъ раздѣлилъ ихъ по плану на два типа: первый изъ нихъ представляетъ собою три восьмигранныхъ сруба, примкнутыя одинъ къ другому, по одной главной оси церкви. Къ западному восьмиграннику въ этихъ церквахъ примыкалъ меленькій срубъ (притворъ), изъ котораго входили въ помѣщеніе—называвшееся «бабникомъ» или женочникомъ, предназначавшееся исключительно для женщинъ; здѣсь же ставились покойники для отпѣванія и столы съ лавками для поминовенія усопшихъ. Изъ бабника входили въ главное помѣщеніе—„мужичникъ", имѣвшее съ сѣверной и западной сторонъ по особому входу. Эти помѣщенія иногда дѣлались вытянутыми отъ сѣвера къ югу или отъ запада къ востоку, причемъ формы мужичника, женочника и пресвитеріи иногда имѣли видъ двадцатиугольниковъ; клиросы, большею частью, ставились вдали отъ иконостаса, а иногда у западной стѣны „мужичника". Третье помѣщеніе „пресвитерія" отдѣлялась отъ церкви высокимъ иконостасомъ съ „постѣнными" образами.

Второй типъ Донскихъ церквей—крестовый. Г. Сус-

ловымъ была приведена, какъ образчикъ, церковь въ г. Азовѣ (изъ альбома Ознобишина). Церковь эта, по преданію, была возобновлена по фундаменту такой-же церкви X столѣтія. Она имѣетъ видъ креста, концы котораго—полукруглые. Преданіе о существованіи такой церкви въ X вѣкѣ нѣсколько можетъ подтверждаться тѣми соображеніями,что козары, населяя мѣста между Окою и Днѣпромъ, имѣли сношеніе съ греками и, по принятіи христіанства, отъ св. Кирилла, вѣроятно, усвоили себѣ типъ тогдашнихъ греческихъ церквей. Подобный типъ дѣйствительно встрѣчается не только въ Греціи но и въ раскопкахъ Херсонеса. Такимъ образомъ, типъ этихъ плановъ, въ видѣ исключенія, могъ удержаться въ XVI столѣтіи—по преданіямъ. Въ станицѣ Богоявленской существуетъ подобная-же деревянная церковь, но только закругленія въ ней по свойству матеріала замѣнены гранями.

Кромѣ описанныхъ плановъ Донскихъ церквей, былъ приведенъ референтомъ планъ старо-черкасскаго собора.

Обращаясь къ фасадамъ южныхъ церквей, г. Сусловъ раздѣлилъ ихъ на одноглавыя, трехглавыя и многоглавыя. Разсматривая церковь въ станицѣ Петровской, референтъ упомянулъ, что на Дону нерѣдко дѣлались церкви изъ колотаго дуба, т. е. вся обработка стѣнъ производилась исключительно при посредствѣ топора.

„Зрубъ" или срубъ—„засновывали" изъ половинчатыхъ или цѣлыхъ бревенъ (пленицъ и цѣвки) на каменномъ фундаментѣ или на толстыхъ бревнахъ—„подвалинахъ". Углы строенія дѣлались въ уголъ и въ стойку, а съ внутренней стороны схватывались горизонтальными брусками, съ рѣзными украшеніями. Стѣны въ нѣкоторыхъ церквахъ шли не вертикально, а нѣсколько наклонно къ центровой вертикальной оси церкви. Внутри онѣ выстрагивались—„пуговались", а снаружи обшивались тонкимъ тесомъ—„шелевкою" въ вертикальномъ направленіи; причемъ церковь раздѣлялась поясками или же обрѣзами самой шелевки, въ видѣ арочекъ или трехугольныхъ городковъ. Карнизы иногда дѣлались съ откосомъ,—для чего въ углахъ строенія бревна, подходя къ карнизу, постепенно удлинялись, а затѣмъ укорачивались, давая направленіе крышѣ; на выпускныя бревна горизонтально наколачивались доски, образуя такимъ образомъ завалъ.

Выше перваго сруба (по преимуществу восмерика) шелъ другой восмерикъ—меньшаго размѣра. Въ этотъ срубъ врубался третій восьмерикъ, перекрытый пирамидальною крышечкою или сводикомъ „банькой", и увѣнчивался маленькой шейкою съ главкой. Такого-же башеннаго характера были и некочникъ и алтарь. Эти трехглавыя церкви, видимо, получали впослѣдствіи нѣкоторое усложненіе и со временемъ образовался типъ многоглавыхъ церквей. Такъ, напримѣръ, Троицкій соборъ въ г. Ново-Московскѣ имѣетъ форму какъ-бы приложенныхъ вмѣстѣ трехъ церквей вышеописаннаго типа. Внутренность южнорусскихъ церквей возвышалась до втораго и иногда до третьяго восьмерика. Потолокъ состоялъ изъ балокъ (перерубовъ) обшитыхъ тесомъ въ разбѣжку. Крыши состояли изъ стропильныхъ ногъ (крокль) на которыя пастилали подрѣшетникъ и лубокъ, а затѣмъ набивали тесъ. Если приходилось перекрывать большія пространства, то стропильныя ноги соединялись горизонтальнымъ брускомъ „подлегеремъ" и вертикальнымъ „вислякомъ". Сопроводивъ свой докладъ указаніемъ на рисунки, референтъ обратился затѣмъ къ описанію древне-южныхъ деревянныхъ колоколенъ.

Упомянувъ, затѣмъ, о нѣкоторыхъ деталяхъ Донскихъ церквей, г. Сусловъ перешелъ къ сравненію разсмотрѣнныхъ имъ церквей съ церквами Малороссіи, Галиціи и сѣверной Россіи. Изъ приведенныхъ имъ рисунковъ малороссійскихъ и галиційскихъ церквей, что типъ ихъ вполнѣ тождественъ съ Донскими, разница только та, что въ первыхъ нѣтъ такого злоупотребленія формою восьмиугольника.

Нижній срубъ галиційскихъ и малороссійскихъ церквей по большей частью прямоугольный, а восьмерики идутъ въ одинъ и много въ два этажа; церковь обыкновенно кончается усѣченнымъ въ верху луковицеобразнымъ куполомъ, довольно крупныхъ размѣровъ. Въ общемъ можно было видѣть какъ малороссійскія, такъ и галиційскія церкви, въ большинствѣ случаевъ, трехглавыя и типъ этотъ распространенъ исключительно въ южной Россіи. Онъ развился у насъ, вѣроятно, со времень уніи, какъ это отчасти видно изъ описанія путешествія Гакстгаузена, который говоритъ, что „всѣ уніатскія церкви въ Россіи трехглавыя".

Даль, говоря о происхожденіи типа подобныхъ цер-

квей—въ видѣ сравненія, приводитъ церковь въ Малфеттѣ и въ Троки, но остается въ предположеніи, что подобный типъ церквей занесенъ въ Европу крестоносцами изъ Сиріи.

Приступая къ сравненію южныхъ церквей съ сѣверными, г. Сусловъ взялъ одинъ изъ распространенныхъ типовъ сѣверныхъ церквей съ восьмиугольнымъ срубомъ и указалъ, что подобный типъ церквей не имѣетъ общаго характера съ Донскими церквами. Такъ на сѣверѣ основной восьмигранный срубъ церкви всегда возвышался въ одинъ этажъ и покрывался высокимъ шатромъ (только въ концѣ XVII стол., въ видѣ исключенія, попадаются церкви въ нѣсколько этажей восьмериковъ, наприм., въ гор. Торжкѣ). Боковые прирубы сѣвернаго типа церквей были прямоугольные и почти всегда имѣли другое покрытіе (на два ската или бочкою), такъ что церковь съ прирубами давала впечатлѣніе одного цѣльнаго строенія; между тѣмъ въ южныхъ церквахъ, всѣ три части церкви имѣютъ видъ отдѣльныхъ строеній, соединенныхъ вмѣстѣ. Затѣмъ, трапезная въ сѣверныхъ церквахъ считалась необходимою принадлежностью теплыхъ храмовъ, между тѣмъ въ южныхъ церквахъ ихъ почти не строили. Галлереи въ Донскихъ церквахъ, видимо, были рѣдки и, если въ малороссійскихъ и галиційскихъ церквахъ онѣ встрѣчаются, то имѣютъ ту разницу съ сѣверными, что въ первыхъ онѣ дѣлались какъ бы въ два этажа и совершенно сквозными, а во вторыхъ всегда одноэтажными и болѣе глухими. Открытыя лѣстницы и бочечныя покрытія, которыя были такъ приняты въ сѣверной архитектурѣ,—въ южныхъ церквахъ, видимо, не встрѣчаются; затѣмъ, сѣверныя церкви никогда не обшивались тесомъ, тогда какъ, южныя сплошь покрывались шелевкой. Наконецъ, рубка карнизовъ въ сѣверныхъ церквахъ существенно разнится отъ южныхъ. Указавъ, затѣмъ, на различіе сѣверной и южной архитектуры въ деталяхъ, референтъ высказалъ, что первая имѣла художественное самостоятельное развитіе, а вторая получила вліяніе запада. Въ виду послѣдняго предположенія г. Сусловъ привелъ рисунокъ деревянной башни на Антверпенскомъ соборѣ, вполнѣ тождественной съ Донскими церквами и, затѣмъ, указалъ на сходство терминовъ строительнаго дѣла на Дону и въ Галиціи, совершенно разнящихся въ тоже время со строительными терминами сѣверной Россіи.

Выше перваго сруба (по преимуществу восмерика) шелъ другой восмерикъ—меньшаго размѣра. Въ этотъ срубъ врубался третій восьмерикъ, перекрытый пирамидальною крышечкою или сводикомъ „банькой“, и увѣнчивался маленькой шейкою съ главкой. Такого-же башеннаго характера были и некочникъ и алтарь. Эти трехглавыя церкви, видимо, получали впослѣдствіи нѣкоторое усложненіе и со временемъ образовался типъ многоглавыхъ церквей. Такъ, напримѣръ, Троицкій соборъ въ г. Ново-Московскѣ имѣетъ форму какъ-бы приложенныхъ вмѣстѣ трехъ церквей вышеописаннаго типа. Внутренность южнорусскихъ церквей возвышалась до втораго и иногда до третьяго восьмерика. Потолокъ состоялъ изъ балокъ (перерубовъ) обшитыхъ тесомъ въ разбѣжку. Крыши состояли изъ стропильныхъ ногъ (крокль) на которыя настилали подрѣшетникъ и лубокъ, а затѣмъ набивали тесъ. Если приходилось перекрывать большія пространства, то стропильныя ноги соединялись горизонтальнымъ брускомъ „подлегеремъ“ и вертикальнымъ „вислякомъ“. Сопроводивъ свой докладъ указаніемъ на рисунки, референтъ обратился затѣмъ къ описанію древне-южныхъ деревянныхъ колоколенъ.

Упомянувъ, затѣмъ, о нѣкоторыхъ деталяхъ Донскихъ церквей, г. Сусловъ перешелъ къ сравненію разсмотрѣнныхъ имъ церквей съ церквами Малороссіи, Галиціи и сѣверной Россіи. Изъ приведенныхъ имъ рисунковъ малороссійскихъ и галиційскихъ церквей, что типъ ихъ вполнѣ тождественъ съ Донскими, разница только та, что въ первыхъ нѣтъ такого злоупотребленія формою восьмиугольника.

Нижній срубъ галиційскихъ и малороссійскихъ церквей по большей частью прямоугольный, а восьмерики идутъ въ одинъ и много въ два этажа; церковь обыкновенно кончается усѣченнымъ въ верху луковицеобразнымъ куполомъ, довольно крупныхъ размѣровъ. Въ общемъ можно было видѣть какъ малороссійскія, такъ и галиційскія церкви, въ большинствѣ случаевъ, трехглавыя и типъ этотъ распространенъ исключительно въ южной Россіи. Онъ развился у насъ, вѣроятно, со временъ уніи, какъ это отчасти видно изъ описанія путешествія Гакстгаузена, который говоритъ, что „всѣ уніатскія церкви въ Россіи трехглавыя“.

Даль, говоря о происхожденіи типа подобныхъ цер-

квей—въ видѣ сравненія, приводитъ церковь въ Малфеттѣ и въ Троки, но остается въ предположеніи, что подобный типъ церквей занесенъ въ Европу крестоносцами изъ Сиріи.

Приступая къ сравненію южныхъ церквей съ сѣверными, г. Сусловъ взялъ одинъ изъ распространенныхъ типовъ сѣверныхъ церквей съ восьмиугольнымъ срубомъ и указалъ, что подобный типъ церквей не имѣетъ общаго характера съ Донскими церквами. Такъ на сѣверѣ основной восьмигранный срубъ церкви всегда возвышался въ одинъ этажъ и покрывался высокимъ шатромъ (только въ концѣ XVII стол., въ видѣ исключенія, попадаются церкви въ нѣсколько этажей восьмериковъ, наприм., въ гор. Торжкѣ). Боковые прирубы сѣвернаго типа церквей были прямоугольные и почти всегда имѣли другое покрытіе (на два ската или бочкою), такъ что церковь съ прирубами давала впечатлѣніе одного цѣльнаго строенія; между тѣмъ въ южныхъ церквахъ, всѣ три части церкви имѣютъ видъ отдѣльныхъ строеній, соединенныхъ вмѣстѣ. Затѣмъ, трапезная въ сѣверныхъ церквахъ считалась необходимою принадлежностью теплыхъ храмовъ, между тѣмъ въ южныхъ церквахъ ихъ почти не строили. Галлереи въ Донскихъ церквахъ, видимо, были рѣдки и, если въ малороссійскихъ и галиційскихъ церквахъ онѣ встрѣчаются, то имѣютъ ту разницу съ сѣверными, что въ первыхъ онѣ дѣлались какъ бы въ два этажа и совершенно сквозными, а во вторыхъ всегда одноэтажными и болѣе глухими. Открытыя лѣстницы и бочечныя покрытія, которыя были такъ приняты въ сѣверной архитектурѣ,—въ южныхъ церквахъ, видимо, не встрѣчаются; затѣмъ, сѣверныя церкви никогда не обшивались тесомъ, тогда какъ, южныя сплошь покрывались шелевкой. Наконецъ, рубка карнизовъ въ сѣверныхъ церквахъ существенно разнится отъ южныхъ. Указавъ, затѣмъ, на различіе сѣверной и южной архитектуры въ деталяхъ, референтъ высказалъ, что первая имѣла художественное самостоятельное развитіе, а вторая получила вліяніе запада. Въ виду послѣдняго предположенія г. Сусловъ привелъ рисунокъ деревянной башни на Антверпенскомъ соборѣ, вполнѣ тождественной съ Донскими церквами и, затѣмъ, указалъ на сходство терминовъ строительнаго дѣла на Дону и въ Галиціи, совершенно разнящихся въ тоже время со строительными терминами сѣверной Россіи.

должность Начальника губерніи П. К. Рекъ, прибыли съ утреннимъ поѣздомъ Московско-Ярославской желѣзной дороги и были встрѣчены на станціи: городскимъ головою Ѳ. Л. Кекинымъ, представителями городскаго управленія, мѣстнымъ исправникомъ Крыловымъ, членомъ Комитета Ростовскаго Музея Церковныхъ Древностей Ив. А. Шляковымъ и секретаремъ Съѣзда, старшимъ чиновникомъ особыхъ порученій при Губернаторѣ и членомъ означеннаго Музея Ѳ. А. Бычковымъ. Пріѣхавшимъ дамамъ были поданы гг. Шляковымъ и Бычковымъ букеты изъ живыхъ цвѣтовъ. Съ вокзала желѣзной дороги прибывшіе гости въ экипажахъ, большая часть которыхъ была любезно предоставлена въ ихъ распоряженіе мѣстными обывателями, поѣхали прямо въ Успенскій соборъ, главнѣйшую святыню города. На паперти храма гостей привѣтствовалъ настоятель собора протоіерей П. Ѳивейскій. Поклонившись святынямъ и св. мощамъ угодниковъ, почивающихъ въ соборѣ, члены Съѣзда осмотрѣли реставрированный въ 1885 году пещерный храмъ св. Леонтія и соборную ризницу, наиболѣе примѣчательные предметы которой были, благодаря вниманію о. П. Ѳивейскаго, разложены на особыхъ столахъ въ соборѣ. Изъ собора посѣтили, сопровождаемые знаменитымъ звономъ соборной колокольни, направились черезъ кремль въ Музей Церковныхъ Древностей, обозрѣвъ по пути Спасскую на сѣняхъ церковь. При входѣ въ Музей, иначе сказать въ реставрированную въ 1883 году Бѣлую Палату, гостей привѣтствовалъ Вице-Предсѣдатель Комитета Музея, мѣстный Предводитель Дворянства Д. А. Булатовъ и члены Музея: Шляковъ, Вахромѣевъ, Бычковъ и свящ. Мансветовъ, причемъ посѣтителямъ раздавался Путеводитель по Музею, составленный Ѳ. А. Бычковымъ и изданный на средства Ив. Ал. Вахромѣева. Прежде чѣмъ приступить къ осмотру Музея, гостямъ была предложена г. Шляковымъ закуска, сервированная въ сосѣднихъ съ Палатою Теремахъ, въ которыхъ расположены этнографическія и историческія коллекціи Музея.

Послѣ осмотра Бѣлой Палаты, въ которой, между прочимъ, члены Съѣзда услышали воспроизведеніе соборнаго звона на камертонахъ извѣстнаго о. А. Израилева, посѣтители осматривали почти всѣ кремлевскія церкви, а въ заключеніе прошли въ водяную башню, въ

Страстей, XVII—XIX вѣковъ, и на основаніи этого матеріала предложилъ рѣшеніе двухъ важнѣйшихъ вопросовъ: 1) подъ какими вліяніями сложился иконографическій циклъ нашихъ лицевыхъ Страстей и каковъ его характеръ; 2) въ какое время появились у насъ лицевыя рукописи Страстей. Первый вопросъ рѣшается на основаніи сопоставленія миніатюръ Страстей съ общимъ направленіемъ русскаго искусства и иконографіи въ XVII вѣкѣ. Направленіе это представляло прогрессъ съ точки зрѣнія западно-европейскихъ понятій о живописи, но оно не было направленіемъ безусловно западнымъ; начало византійско-русской иконографической традиціи вошло въ соприкосновеніе съ началомъ художественной свободы творчества. Выраженіе этой свободы при нѣкоторомъ сохраненіи старинной традиціи представляютъ и лицевыя Страсти. Другую отличительную черту какъ въ общемъ направленіи русскаго искусства XVII вѣка, такъ и въ лицевыхъ Страстяхъ составляетъ значительная примѣсь западно-европейскихъ иконографическихъ элементовъ; въ нѣкоторыхъ же спискахъ Страстей западно-европейскія формы проходятъ весьма послѣдовательно. Отсюда разрѣшается и второй изъ поставленныхъ вопросовъ, а именно: лицевыя Страсти могли явиться только въ періодъ ослабленія древнихъ иконографическихъ традицій и усилившейся наклонности къ художественной свободѣ и подражанію западнымъ образцамъ, т. е. въ XVII вѣкѣ.

По поводу этого реферата Н. И. Троицкій обратилъ вниманіе на важное значеніе церковныхъ пѣснопѣній въ дѣлѣ истолкованія иконографическихъ сюжетовъ; П. Н. Полевой—на важное значеніе средневѣковыхъ мистерій. И. В. Ягичъ выразилъ желаніе точнѣе опредѣлить время первоначальнаго появленія сказаній о Страстяхъ на славянскомъ языкѣ.

Послѣднимъ рефератомъ засѣданія былъ рефератъ академика архитектуры А. М. Павлинова: „Объ особенностяхъ Ярославскихъ церквей“.

Церкви Іоанна Предтечи въ Толчковѣ и Іоанна Златоуста въ Коровникахъ вмѣщаютъ въ себѣ почти всѣ особенности Ярославской архитектуры, въ виду чего референтъ и остановился главнымъ образомъ на этихъ двухъ храмахъ. Средняя масса ихъ кубическая, ведущая свое начало отъ древнихъ церквей Византійскихъ и Суздаль-

скихъ; только послѣднія церкви безъ галлерей и шатровыхъ придѣловъ. Эти шатровыя покрытія ведутъ свое начало отъ построекъ изъ дерева; они съ общею массою невяжутся и, вѣроятно, сдѣланы неодновременно съ самими церквами (какъ видно изъ плана г. Ярославля 1731 года). Эти покрытія весьма часто встрѣчаются въ Ярославскихъ церквахъ *и могутъ считаться особенностью мѣстной архитектуры.* Кромѣ того, референтъ высказалъ мнѣніе, что френтонное покрытіе придѣловъ и входовъ, а также и отдѣлка стѣнъ колонками, обыкновенно поставленными во множествѣ въ перемежку съ квадратами (церковь Іоанна Предтечи въ Толчковѣ и соборъ въ Романовѣ-Борисоглѣбскѣ), принадлежатъ также къ особенностямъ архитектуры Ярославскаго края. Отвѣчая на сдѣланный Съѣзду запросъ не видно-ли въ церкви Іоанна Предтечи голландскаго вліянія, референтъ указалъ, что этого вліянія незамѣтно и вызсказалъ мнѣніе, что, если эту церковь и строили голландскіе мастера, то послѣдніе были поставлены въ необходимость строить ее въ русскомъ стилѣ. Все вліяніе голландцевъ могло выразиться только въ живописи и, можетъ быть, въ изразцовомъ дѣлѣ. Придѣлы церкви Іоанна Предтечи сначала были, по мнѣнію референта, покрыты, вѣроятно, фронтономъ, что отчасти и замѣтно въ самой кладкѣ. Существующая нынѣ 4-хъ скатная крыша сдѣлана познѣе и, судя по остаткамъ украшеній—у основаній барабановъ, которые видны на чердакѣ, крыша была ниже и обходила не существующія нынѣ полукружія, а другія полукружія которыя соотвѣтствовали внутреннему покрытію сводовъ церкви. Кромѣ того г. Павлиновъ обратилъ вниманіе, что какъ въ этой церкви, такъ и во многихъ другихъ, надъ алтаремъ дѣлалось обыкновенно особое помѣщеніе, вѣроятно, для казны. Указавъ на другія особенности Ярославскихъ церквей, референтъ сдѣлалъ разныя поясненія къ своему реферату по рисункамъ.

Печатано съ разрѣшенія Предсѣдателя VII Археологическаго Съѣзда 17 августа 1887 года.

Ярославль. 1887 года. Въ Тип. Губ. Правл.

ИЗВѢСТІЯ

о занятіяхъ

СЕДЬМАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА
ВЪ ЯРОСЛАВЛѢ.

№ 8.

1) *Посѣщеніе членами Съѣзда Толгскаго монастыря.* 8 августа, въ день празднованія явленіи иконы Толгской Божіей Матери, члены VII Археологическаго Съѣзда, въ числѣ болѣе 60 человѣкъ, предприняли поѣздку въ Толгскій монастырь, высокимъ хозяиномъ котораго былъ оказанъ прибывшимъ посѣтителямъ радушный пріемъ. По окончаніи Божественной литургіи архипастырь угощалъ гостей обѣденной трапезой въ своихъ келіяхъ. Погулявъ затѣмъ въ монастырскомъ саду и по ярмаркѣ, устроенной на берегу Волги около монастыря и кишѣвшей народомъ, члены Съѣзда возвратились обратно въ Ярославль по четырехчасовому пароходу общества „Самолетъ".

2) *Посѣщеніе членами Съѣзда Ростова-Великаго.* Древнія святыни Ростова естественно должны были обратить на себя вниманіе собравшихся на Съѣздъ въ сосѣдній съ Ростовомъ Ярославль археологовъ и послѣдніе, дѣйствительно, посѣтили этотъ древній городъ 11-го августа и успѣли, на сколько дозволило время, обозрѣть наиболѣе достойные вниманія памятники старины, уцѣлѣвшіе въ Ростовѣ. Члены Съѣзда, а также и исправлявшій

должность Начальника губерніи П. К. Рекъ, прибыли съ утреннимъ поѣздомъ Московско-Ярославской желѣзной дороги и были встрѣчены на станціи: городскимъ головою Ѳ. Л. Кекинымъ, представителями городскаго управленія, мѣстнымъ исправникомъ Крыловымъ, членомъ Комитета Ростовскаго Музея Церковныхъ Древностей Ив. А. Шляковымъ и секретаремъ Съѣзда, старшимъ чиновникомъ особыхъ порученій при Губернаторѣ и членомъ означеннаго Музея Ѳ. А. Бычковымъ. Пріѣхавшимъ дамамъ были поданы гг. Шляковымъ и Бычковымъ букеты изъ живыхъ цвѣтовъ. Съ вокзала желѣзной дороги прибывшіе гости въ экипажахъ, большая часть которыхъ была любезно предоставлена въ ихъ распоряженіе мѣстными обывателями, поѣхали прямо въ Успенскій соборъ, главнѣйшую святыню города. На паперти храма гостей привѣтствовалъ настоятель собора протоіерей П. Ѳивейскій. Поклонившись святынямъ и св. мощамъ угодниковъ, почивающихъ въ соборѣ, члены Съѣзда осмотрѣли реставрированный въ 1885 году пещерный храмъ св. Леонтія и соборную ризницу, наиболѣе примѣчательные предметы которой были, благодаря вниманію о. П. Ѳивейскаго, разложены на особыхъ столахъ въ соборѣ. Изъ собора посѣтили, сопровождаемые знаменитымъ звономъ соборной колокольни, направились черезъ кремль въ Музей Церковныхъ Древностей, обозрѣвъ по пути Спасскую на сѣняхъ церковь. При входѣ въ Музей, иначе сказать въ реставрированную въ 1883 году Бѣлую Палату, гостей привѣтствовалъ Вице-Предсѣдатель Комитета Музея, мѣстный Предводитель Дворянства Д. А. Булатовъ и члены Музея: Шляковъ, Вахромѣевъ, Бычковъ и свящ. Мансветовъ, причемъ посѣтителямъ раздавался Путеводитель по Музею, составленный Ѳ. А. Бычковымъ и изданный на средства Ив. Ал. Вахромѣева. Прежде чѣмъ приступить къ осмотру Музея, гостямъ была предложена г. Шляковымъ закуска, сервированная въ сосѣднихъ съ Палатою Теремахъ, въ которыхъ расположены этнографическія и историческія коллекціи Музея.

Послѣ осмотра Бѣлой Палаты, въ которой, между прочимъ, члены Съѣзда услышали воспроизведеніе соборнаго звона на камертонахъ извѣстнаго о. А. Израилева, посѣтители осматривали почти всѣ кремлевскія церкви, а въ заключеніе прошли въ водяную башню, въ

которой осматривали вновь открытыя стѣнныя фрески и осмотрѣли Спасскую ружную, что на площади, церковь, стоящую, какъ извѣстно, внѣ кремля въ городѣ.

Изъ Спасской церкви одна часть членовъ Съѣзда предприняла поѣздку на пароходѣ по озеру Неро, любуясь видомъ Ростовскаго кремля, ближайшихъ къ городу монастырей и лежащихъ по берегамъ озера селъ и деревень. Затѣмъ всѣ прибывшіе гости отправились въ Спасо-Яковлевскій монастырь, а оттуда въ село Богословъ на р. Ишнѣ для осмотра извѣстной деревянной церкви, построенной въ 1687 году и которой, слѣдовательно, въ настоящемъ году исполнилось 200 лѣтъ.

Въ 5 часовъ въ залахъ Земскаго дома членамъ VII Археологическаго Съѣзда, удостоившимъ своимъ посѣщеніемъ Ростовъ-Великій, была предложена А. А. Титовымъ, однимъ изъ дѣятелей по реставраціи кремля Ростовскаго, обѣденная трапеза. Первый тостъ во время этой трапезы, за отсутствіемъ самаго хозяина, былъ провозглашенъ его супругою Н. А. Титовою за здоровье всѣхъ присутствовавшихъ гостей. Затѣмъ Е. В. Барсовъ, по порученію А. А. Титова, предложилъ тостъ за здоровье уроженца Ярославской губерніи, близкаго Ростову-Великому человѣка, Директора Императорской Публичной Библіотеки и Вице-Предсѣдателя Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, академика А. Ѳ. Бычкова; тостъ этотъ былъ сочувственно принятъ всѣми присутствовавшими. Были провозглашены также тосты за здоровье всѣхъ членовъ семьи А. А. Титова; дѣятелей по возобновленію Ростовскихъ памятниковъ древности гг. Вахромѣева, Титова и Шлякова; Предсѣдательницы Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества графини Уваровой; перваго исторіографа Ростова-Великаго графа М. В. Толстаго; историка Д. И. Иловайскаго; Предсѣдателя Ярославскаго Предварительнаго Комитета VII Археологическаго Съѣзда С. М. Шпилевскаго, членовъ этого Комитета и секретаря этого Комитета и Съѣзда Ѳ. А. Бычкова, и другіе. По окончаніи обѣда, нѣкоторые изъ членовъ Съѣзда, до отхода поѣзда въ Ярославль, воспользовались временемъ для обозрѣнія Петровскаго и Авраміева-Богоявленскаго монастырей. Вообще всѣ члены VII Археологическаго Съѣзда, уѣзжая изъ Ростова по 9-ти часовому вечернему поѣзду, видимо увозили съ со-

бой самыя пріятныя впечатлѣнія отъ обозрѣнія достопримѣчательностей этого города.

3) и 4) *Поѣздка членовъ Съѣзда въ дер. Большое Темерево для производства раскопки кургановъ около этой деревни и посѣщеніе членами Съѣзда г. Романова-Борисоглѣбска.* Въ субботу, 15 августа, большая часть членовъ VII Археологическаго Съѣзда предприняла поѣздку въ деревню Большое Темерево, отстоящую въ 12 верстахъ отъ Ярославля, съ цѣлью произвести раскопку находящихся въ окрестностяхъ этой деревни кургановъ. Подготовительныя работы по раскопкѣ кургановъ были произведены наканунѣ, 14 августа, подъ руководствомъ А. В. Скульскаго и подъ наблюденіемъ членовъ Съѣзда: Ил. А. Износкова, А. В. Селиванова, Секретаря Съѣзда В. К. Трутовскаго и графа Ѳ. А. Уварова. Несмотря на дождь, раскопка была удачна: было найдено нѣсколько предметовъ. Во вторникъ, 18 августа, Ив. А. Вахромѣевымъ и Ив. Н. Соболевымъ былъ предоставленъ въ распоряженіе членовъ Съѣзда особый пароходъ, на которомъ послѣдніе и совершили поѣздку въ городъ Романовъ-Борисоглѣбскъ, для обозрѣнія достопримѣчательностей этого города.

Печатано съ разрѣшенія Предсѣдателя VII Археологическаго Съѣзда.

Ярославль, 1887 года. Въ Тип. Губ. Правл.

ИЗВѢСТІЯ

о занятіяхъ

СЕДЬМАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА

ВЪ ЯРОСЛАВЛѢ.

№ 9.

I.

Протоколъ засѣданія, 12 августа утромъ, по IV отдѣленію русскаго быта—домашняго и общественнаго, подъ предсѣдательствомъ проф. Ф. Я. Фортинскаго.

Первое сообщеніе прочелъ В. З. Завитневичъ: „Остатки языческой старины на югѣ Россіи (свадебные обряды въ Полтавской губерніи)“. Референтъ указалъ, что нѣкоторые изъ остатковъ языческой старины сохранились на югѣ Россіи съ такою свѣжестью, полны такой силы и жизненности, что, если не исключаютъ совершенно, то въ значительной степени парализуютъ практическое значеніе соотвѣтствующихъ имъ таинствъ и обрядовъ христіанскихъ. Такимъ именно характеромъ, по словамъ г. Завитневича, отличаются, между прочимъ, свадебные обряды въ Роменскомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи. По господствующему здѣсь народному воззрѣнію, одного церковнаго вѣнчанія недостаточно для признанія брака совершившимся фактомъ; такое значеніе бракъ получаетъ лишь послѣ совершенія всѣхъ свадебныхъ обрядовъ, имѣющихъ слѣды глубокой старины. Референтъ, между прочимъ, сообщилъ весьма интересный фактъ, что, если послѣ церковнаго вѣнчанія не будутъ исполнены всѣ домашніе свадебные обряды, то бракъ считается недѣйствительнымъ;

если же домашніе свадебные обряды были совершены раньше церковнаго вѣнчанія, то бракъ признается дѣйствительнымъ и женихъ съ невѣстой живутъ какъ мужъ и жена. Въ случаѣ несовершенія вовсе церковнаго брака, жена получаетъ названіе „гражданки“, и это названіе только присваивается тѣмъ женщинамъ, которыя вступили въ бракъ не церковный, а домашній. Женщины, которыя живутъ съ мужьями безъ домашняго или церковнаго брака, называются въ Черниговской губерніи „накрыткой“, т. е. женщиной плохого поведенія. *Е. М. Гаршинъ*, возражая референту, находилъ, что сообщенія отдѣльныхъ фактовъ на Съѣздѣ, безъ выводовъ, не имѣютъ значе. ія и что, по его мнѣнію, также и факты, сообщенные В. З. Завитневичемъ, могли бы имѣть другую оцѣнку, если-бы референтъ указалъ какой вносятъ сообщенные имъ факты вкладъ въ науку. При этомъ оппонентъ указалъ на труды о свадебныхъ обрядахъ Е. В. Барсова и проф. Н. Ѳ. Сумцова, а также на подобные труды въ иностранной литературѣ.

И. И. Дитятинъ указалъ на интересный свадебный обрядъ въ Калужской губерніи. Обрядъ этотъ заключается въ томъ, что женихъ долженъ выкупить невѣсту у общины молодыхъ людей того села, къ которому невѣста принадлежала. Выкупъ состоитъ въ угощеніи молодежи. Обрядъ этотъ называется *пропоемъ*. При этомъ обрядѣ подругами невѣсты поются пѣсни, а женихъ обязанъ платить дѣвушкамъ или гостинцами, или выпивкой. По мнѣнію г. Дитятина, этотъ обрядъ языческій и въ началѣ христіанства могъ имѣть болѣе значенія, чѣмъ церковное вѣнчаніе. *К. П. Гуковскій* указалъ на важность изученія вопроса о бракѣ по свадебнымъ обрядамъ Литовскаго народа.

Н. Д. Чечулинъ прочелъ рефератъ „Начало въ Россіи переписей и ходъ ихъ до XVII вѣка“. Авторъ доказывалъ, что первыми въ Россіи были переписи, произведенныя татарами въ 1246, 1255—56 годахъ, причемъ эти переписи были просто перечисленіемъ людей. Слѣдя далѣе за переписями по разнымъ косвеннымъ указаніямъ актовъ, референтъ указалъ, что въ XV вѣкѣ вмѣсто перечисленія людей явилось описаніе и оцѣнка доходности земли. Разъяснивъ различіе Новгородской сохи (въ три обжи) отъ большой Московской сохи, фиктивной земель-

ной мѣры (которая впервые упомянута въ лѣтописи подъ 1462 и 1477 годами), референтъ замѣтилъ, что вообще окончательное свое развитіе — въ концѣ XV и XVI вѣковъ—описаніе земель получило въ Московскомъ государствѣ подъ вліяніемъ византійскихъ порядковъ. Обратившись затѣмъ къ разсмотрѣнію памятниковъ описанія городовъ, т. е. книгъ писцовыхъ, переписныхъ, приправочныхъ, дозорныхъ и др., авторъ доказывалъ положеніе, что въ XVI вѣкѣ еще не было установлено точныхъ разграниченій этихъ книгъ, что названіе различали не столько содержаніе книгъ, сколько, скорѣе, поводъ или обстоятельства ихъ составленія, и что для изученія быта, всѣ эти книги даютъ почти совершенно одинаковый матеріалъ. Изъ указанныхъ выше книгъ авторъ выдѣлилъ книги „сошныя", которыя содержатъ въ себѣ всѣ данныя, относящіяся лишь до одного извѣстнаго сословія или класса, населенія, которому сошная эта выдана. Рефератъ г. Чечулина затронулъ важный вопросъ и вызвалъ оживленныя пренія. Между прочими оппонентами *Д. И. Иловайскій* указалъ на необходимость при разработкѣ вопроса, затронутаго референтомъ, имѣть въ виду матеріалы западной Руси какъ для аналогіи, такъ и для разъясненія способовъ и пріемовъ всякаго рода переписей. *Д. И. Багалѣй* высказалъ желаніе, чтобы этотъ вопросъ былъ разработанъ болѣе подробно и было выяснено вліяніе на писцовое дѣло Московскаго государства, татарскихъ и византійскихъ переписей. Кромѣ того проф. Багалѣй указалъ на то, что нельзя опредѣлить значеніе переписныхъ книгъ XVI вѣка, игнорируя книги XVII столѣтія, описаніе и характеристика которыхъ находится въ прекрасномъ сочиненіи Н. Н. Оглоблина „Обозрѣніе историко-географическихъ матеріаловъ XVII и начала XVIII вѣковъ, хранящихся въ Разрядномъ Архивѣ".

Предсѣдатель Съѣзда *И. Е. Забѣлинъ* возбудилъ вопросъ: не объясняетъ-ли самое слово писецъ, которое, можетъ быть, существовало въ глубокой древности, происхожденіе самого дѣла. По мнѣнію г. Забѣлина, первымъ князьямъ для записи доходовъ земли и т. д. нужны были люди пишущіе; не назывались-ли поэтому эти пишущіе люди въ это время писцами, такъ какъ дѣло переписи явилось вмѣстѣ съ понятіемъ о значеніи земли гораздо раньше, именно съ тѣхъ поръ, когда первые

князья начали раздавать землю и требовать плату за это. *И. И. Дитятинъ* высказалъ мнѣніе, что первымъ основаніемъ для составленія писцовыхъ книгъ были дѣла тяжебныя, въ которыхъ указаніе на писцовыя книги служило первымъ доказательствомъ. Относительно того, къ какому времени относятся писцовыя книги, оппонентъ указалъ на уставъ XII столѣтія, гдѣ прямо говорится, что въ пользу князя съ волостей собирался сборъ. Рефераты Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскаго „Мифологическое значеніе нѣкоторыхъ уцѣлѣвшихъ институтовъ Уголовнаго Права“ и А. А. Савельева „О вліяніи мордвы на свадебные обычаи русскихъ крестьянъ въ Нижегородской губерніи“ не были прочитаны, по желанію авторовъ.

II.

Протоколъ засѣданія, 12 августа вечеромъ, по I отдѣленію первобытныхъ древностей, подъ предсѣдательствомъ проф. А. И. Кирпичникова.

В. Н. Поливановъ прочелъ рефератъ: „Слѣды курганной старины въ Симбирской губерніи“. Указавъ на сохранившіеся памятники курганной старины въ уѣздахъ: Сызранскомъ, Сенгилеевскомъ, Симбирскомъ и Буинскомъ, референтъ поставилъ вопросъ о томъ, къ какой народности должны быть отнесены существующія въ этихъ мѣстностяхъ могильныя насыпи. Для разрѣшенія этого вопроса, по его мнѣнію, необходимы мѣстныя раскопки кургановъ и систематическое описаніе содержанія послѣднихъ. Раскопка одного изъ кургановъ, находящагося въ Сенгилеевскомъ уѣздѣ, въ дачѣ г. Валуева, была произведена референтомъ 6—8 мая настоящаго года. Описанію производства этихъ раскопокъ и былъ посвященъ рефератъ г. Поливанова. Валуевскій курганъ имѣлъ слѣдующіе размѣры: окружность около 57 саж., діаметръ 19 саж. и вышина 5 арш. Работа производилась посредствомъ прорытія сквозной траншеи. При раскопкахъ были найдены: угли, березовыя доски съ знаками топорныхъ зарубовъ, зола, черепки отъ горшковъ, камни, напоминающіе собою по формѣ каменныя орудія, наконечники стрѣлъ, обожженныя кости и т. п., а также былъ найденъ какой-то желѣзный инструментъ съ костяными

обложками на рукояткѣ. Раскопка кургана показала, что народность, къ которой относится какъ этотъ курганъ, такъ и прилежащая къ нему группа кургановъ, практиковала обычай сожиганія труповъ. Уровень почвы служилъ основаніемъ костра, послѣ чего на образовавшейся пепелъ, какъ заключавшій въ себѣ остатки праха умершаго, накладывались березовыя доски и поверхъ ихъ насыпалась земля.

Въ заключеніе референтъ сообщилъ о происхожденіи представленнаго имъ на Археологическую выставку литаго мѣднаго сосуда. Этотъ сосудъ, имѣющій чрезвычайно оригинальную форму, найденъ былъ въ землѣ при добываніи песку около рѣчки Осоки, бл. с. Осоки, Сенгилеевскаго уѣзда. Подобный же сосудъ былъ почти одновременно найденъ въ Вологодской губерніи. Размѣры, принадлежащаго референту, сосуда слѣдующіе: вышина 12 верш., діаметръ 7 верш. вѣсъ 1 п. 3 ф.

Н. Е. Бранденбургъ прочелъ рефератъ: „О признакахъ могилъ языческихъ славянъ въ сѣверной полосѣ Россіи".

Первая половина реферата г. Бранденбурга была посвящена общему очерку современнаго положенія вопроса о признакахъ могилъ языческихъ славянъ. Референтъ, указывая на неудачу предшествовавшихъ научныхъ попытокъ въ этомъ отношеніи и о сложившемся мнѣніи, будто, вопросъ о славянскихъ могилахъ относится къ числу неразрѣшимыхъ даже и въ будущемъ, объяснилъ, что причина этого кроется вопервыхъ, въ неудовлетворительности, относящагося сюда археологическаго матеріала и отсутствіи системы въ его собираніи, а вовторыхъ—въ несостоятельности метода, прилагавшагося до сихъ поръ къ разработкѣ самаго вопроса о славянскихъ могилахъ. Отрывочность и неполнота матеріала въ данномъ отношеніи составляютъ причину указанной его неудовлетворительности, неопредѣленность же историческихъ свидѣтельствъ (показаній арабскихъ писателей и нашей начальной лѣтописи), не дающихъ никакого болѣе или менѣе точнаго критерія для распознаванія могилъ языческихъ славянъ въ предѣлахъ нынѣшней Россіи, объясняютъ неудачу того аналитическаго метода, который до сихъ поръ въ данномъ случаѣ практиковался, и не позволяютъ постройки

какой-либо археологической системы въ томъ же отношенія.

По мнѣнію референта, къ разрѣшенію вопроса о славянскихъ могилахъ необходимо идти путемъ совершенно обратнымъ, т. е. путемъ синтеза; нужно собрать новый обширный матеріалъ, предпринявъ археологическія изслѣдованія въ мѣстностяхъ, ясно указанныхъ въ нашей начальной лѣтописи, какъ центрахъ поселеній разныхъ племенъ языческихъ славянъ въ территоріи нынѣшней Россіи, и отсюда уже вывести искомые признаки самыхъ могилъ. Такому методу слѣдовалъ и покойный графъ Уваровъ въ своемъ извѣстномъ изслѣдованіи могилъ древней мери; и нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что, если этотъ методъ далъ столь блестящіе результаты въ изслѣдованіи быта такого темнаго финскаго племени, какъ меря, извѣстнаго исторіи лишь по одному названію, то, чтобы тотъ же пріемъ въ приложеніи къ славянскимъ племенамъ, съ которыми исторія знакома гораздо болѣе, остался бы безъ обильныхъ результатовъ.

Вторая половина реферата составляетъ, такъ сказать, приложеніе на практикѣ высказанныхъ выше соображеній. Обладая довольно обширнымъ археологическимъ матеріаломъ, добытымъ при изслѣдованіи кургановъ южнаго Приладожья, референтъ, держась синтетическаго метода, сдѣлалъ изъ этого матеріала нѣкоторые выводы и по вопросу о языческихъ могилахъ Ильменскихъ славянъ. Сообщивъ общій обзоръ содержанія и устройства курганныхъ могилъ въ южномъ Приладожьѣ, референтъ особенно остановился на курганахъ, встрѣченныхъ имъ на берегахъ Волхова, и указалъ на ихъ рѣзкія отличія отъ прочихъ вышеупомянутыхъ: вопервыхъ, что въ нихъ оказался совершенно иной способъ погребенія—трупосожженіе съ положеніемъ костей въ сосуды, чего въ другихъ мѣстахъ Приладожья не встрѣчено ни разу; вовторыхъ, что въ погребальныхъ насыпяхъ на Волховѣ постоянно оказывались неизвѣстнаго назначенія каменныя сооруженія въ формѣ площадокъ, стѣнокъ, а иногда простыхъ грудъ валуновъ, чего также въ другихъ пунктахъ Приладожья не встрѣчалось; и наконецъ, въ третьихъ, что Волховскіе курганы отличаются крайней бѣдностью своего культурнаго содержанія. Въ видѣ иллюстраціи было сообщено описаніе трехъ замѣчательныхъ могильныхъ на-

сыпей, въ которыхъ наиболѣе рельефно выражались типическія особенности Волховскихъ кургановъ и, наконецъ, приведены краткія свѣдѣнія о немногихъ прежнихъ раскопкахъ, сдѣланныхъ въ началѣ прошлаго и нынѣшняго столѣтій евангелическимъ пасторомъ Толле и извѣстнымъ путешественникомъ Ходаковскимъ.

Въ заключеніе референтъ, сдѣлавъ оцѣнку описаннаго имъ археологическаго матеріала, раздѣлилъ на основаніи послѣдняго Приладожскіе курганы на двѣ группы: одна изъ нихъ, лежащая къ востоку отъ Волхова, не представляетъ новыхъ бросающихся въ глаза особенностей ни въ культурномъ, ни въ конструктивныхъ отношеніяхъ, и по своей аналогіи съ курганами мери и води должна представлять могилы финской же народности; другую же, лежащую на берегахъ Волхова, референтъ принимаетъ за могилы славянскія. Послѣднее мнѣніе референта опирается какъ на топографическое положеніе кургановъ этой группы, свойственныхъ исключительно лишь Волхову, т. е. рѣки несомнѣнно славянской, такъ и по сходству этихъ же кургановъ съ изслѣдованными близъ Ильменя по р. Ловати, т. е. въ мѣстахъ, отводимыхъ славянамъ и нашей начальной лѣтописью; наконецъ, съ свидѣтельствомъ послѣдней о погребальныхъ обычаяхъ нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ совпадаютъ и остатки погребенія, встрѣченные въ тѣхъ же Волховскихъ курганахъ, такъ что славянское происхожденіе послѣднихъ можетъ считаться доказаннымъ.

Отсюда референтъ пришелъ къ главному своему выводу, что указанныя имъ конструктивныя своеобразности Волховскихъ кургановъ, именно *присутствіе въ могильныхъ насыпяхъ разнообразныхъ каменныхъ сооруженій*, составляютъ одинъ изъ признаковъ, присущихъ могиламъ именно языческихъ славянъ нашего сѣвера, признакъ пока единственный, который возможно попытаться установить при современномъ положеніи курганнаго матеріала.

Д. Н. Анучинъ замѣтилъ, что выслушанный рефератъ, по своей основательности можетъ считаться образцовымъ. Собрать цѣлый рядъ изслѣдованій кургановъ и соотвѣтственно съ историческими показаніями придти къ извѣстнымъ заключеніямъ—это есть путь, по которому должна идти археологія, чтобы достичь полезныхъ ре-

зультатовъ. Выводы референта относительно славянскихъ могилъ заслуживаютъ серьезнаго вниманія. Какъ ни прискорбенъ тотъ фактъ, что могилы финновъ являютъ много богатствъ для познанія ихъ культуры, а могилы славянъ наоборотъ, но надо съ этимъ примириться; хотя есть данныя, которыя позволяютъ предположить, что не у всѣхъ славянскихъ племенъ мы встрѣчаемъ бѣдность: есть могилы, которыя даютъ богатый матеріалъ. Таковы славянскіе курганы, разрытые Самоквасовымъ, а также курганы кривичей въ Смоленской губерніи.

А. А. Кочубинскій высказалъ, что основанія, предложенныя высокоуважаемымъ референтомъ, объ пріуроченіи могилъ, богатыхъ содержаніемъ, съ монетами Сассанидовъ VIII—X вѣковъ, спеціально *финскому* племени, тогда какъ на долю *славянъ* Приильменскихъ приходятся могилы, правда, съ каменной кладкой, но крайне бѣдныхъ по находимымъ вещамъ,—кажутся ему недостаточно точными. Правда, на югъ отъ Ладоги жили финны; но великой водный путь былъ изстари извѣстенъ, а въ X столѣтіи край води могъ быть уже густо занятъ славянскими насельниками. Вѣдь и сами славяне Приильменскіе первоначально заняли финскую землю (финское имя озера „*Ильмень*“). Затѣмъ, терминъ *Столбъ*, на который указываетъ референтъ, можетъ происходить отъ общераспространеннаго корня *ста*. Но терминъ этотъ извѣстенъ и всѣмъ славянамъ: вспомнимъ у Прибалтійскихъ славянъ городъ *Стопанъ*, и особенно у чеховъ, въ Моравіи, мѣстечко *Слупы* (Sloupy), т. е. *Столбы*, и вѣроятно съ общимъ обозначеніемъ возвышающагося предмета, скалы и проч.

Н. Е. Брандѳнбургъ, возражая г. Кочубинскому на его замѣчаніе о недостаточности основанія для пріуроченія могилъ съ богатымъ содержаніемъ къ финскому племени, указалъ на то, что этотъ выводъ былъ сдѣланъ имъ по разрытіи почти 10.000 кургановъ финскаго племени и 100 кургановъ бл. Ладоги, въ которыхъ вездѣ аналогія была полная.

Д. И. Иловайскій, по поводу положенія референта о превосходствѣ культуры, находимой въ финскихъ могилахъ, надъ славянскими, обратилъ вниманіе на недостаточно еще уясненный вопросъ, какія могилы считать славянскими. Такъ въ изслѣдованіи покойнаго графа Ува-

рова о мерянахъ отмѣчено два типа могилъ: одинъ собственно мерянскій, а другой, обладающій болѣе развитою культурою, онъ, графъ, считалъ норманскимъ, но въ этомъ именно пунктѣ его превосходнаго изслѣдованія Д. И. Иловайскій не могъ съ нимъ согласиться и полагаетъ, что эти могилы принадлежали никому другому, какъ славянорусскимъ колонистамъ въ мерянскомъ (Ростовско-Суздальскомъ) краѣ.

В. З. Завитневичъ замѣтилъ, что наука о первобытныхъ древностяхъ, будучи неточной, главной своей задачей ставитъ пока классифицированіе добываемаго путемъ археологическихъ раскопокъ матеріала. Преслѣдуя эту задачу, наши археологи успѣли тѣмъ не менѣе уже намѣтить нѣсколько характеристическихъ признаковъ, которыми славянскіе курганы отличаются, повидимому, отъ кургановъ другихъ народностей. Освѣщая съ точки зрѣнія этихъ признаковъ матеріалъ, добытый г. Бранденбургомъ, съ значительною вѣроятностью можно предположить, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ типомъ славянскаго погребенія, на которомъ видны слѣды посторонняго вліянія. Разнообразіе находимыхъ въ курганахъ предметовъ можетъ быть объяснено торгово-промышленнымъ духомъ Приильменскаго славянскаго населенія, которое вело торговыя сношенія съ отдаленными странами запада и востока и пользовалось плодами ихъ культуры.

Предсѣдатель выразилъ благодарность г. Бранденбургу какъ за докладъ, такъ и за интересныя пренія, которыя имъ вызваны.

Князь П. А. Путятинъ прочелъ рефератъ: „Нельзя ли сдѣлать антропологическіе выводы о расѣ, оставившей у насъ костяныя издѣлія и кухонные отбросы (kjökken möddinger) и предметы изъ кости и кухонные отбросы первобытныхъ обитателей Россіи принадлежатъ ли по формѣ къ переходной эпохѣ между обивными и полированными орудіями, или они входятъ въ районъ смежныхъ эпохъ? Рефератъ представлялъ собою отвѣтъ на вопросы, предложенные авторомъ для обсужденія на VII Археологическомъ Съѣздѣ. Въ своемъ вступленіи князь Путятинъ, перечисливъ имена русскихъ ученыхъ, занимавшихся изученіемъ первобытной жизни народовъ Россіи, высказалъ при этомъ ту мысль, что всетаки при изученіи нашей доисторической жизни приходится пользоваться и выво-

дами ученыхъ другихъ странъ, въ которыхъ первобытная археологія гораздо ранѣе возъимѣла свое начало. Но на эти выводы должно смотрѣть, какъ на оболочку, извѣстную рамку, и, сохраняя внутреннюю самобытность, продолжать, по мнѣнію референта не стѣсняясь этой рамкой, разработывать отечественную старину, пользуясь обильнымъ русскимъ матеріаломъ. Какъ на образцы, референтъ указалъ на замѣчательную коллекцію первобытныхъ древностей Московскаго Историческаго Музея, собранную графомъ А. С. Уваровымъ и его уважаемою супругою, а также на коллекціи выставки VII Археологическаго Съѣзда. Сущность реферата можетъ быть резюмирована слѣдующими положеніями: 1) Бологовскіе кухонные отбросы составились при другомъ климатѣ, такъ какъ породы нѣкоторыхъ изъ животныхъ не могли бы перенести тѣ условія жизни, которыя нынѣ у насъ существуютъ. 2) Условія отбросовъ, по всей вѣроятности, могли быть современными ледниковому періоду. Одно изъ древнихъ руслъ несуществующей рѣки съ быстрымъ теченіемъ въ Бологое, около которой на одинаковомъ слоѣ сохранились кучи отбросовъ, подтверждаетъ это положеніе. 3) Бологовскіе кухонные отбросы одновременны переходному вѣку отъ обивныхъ къ полированнымъ орудіямъ, которыя ограничиваются древнѣйшими типами вѣка полированныхъ камней. 4) Кухонные отбросы Бологовскіе, Приокскіе и Ярославскіе сходны съ Бельгійскими отбросами вѣка сѣвернаго оленя, найденными въ гротѣ Chaleux, Revieu и проч., такъ что, по этимъ признакамъ, наша фауна подходитъ къ Бельгійской. Наконецъ типы орудій какъ костяныхъ, такъ и каменныхъ, сходны съ Бельгійскими. 5) Обивныя орудія кухонныхъ отбросовъ соединяются съ Магдаленовскимъ палеолитнымъ періодомъ. 6) Бологовская мѣстность была ранѣе заселена, чѣмъ болѣе сѣверныя, и потому какъ бы содержитъ конгломератъ культуръ каменныхъ періодовъ. 7) Между насельниками Оки, Ярославскими Уткинскими и Бологовскими видна связь въ культурныхъ условіяхъ. Можно полагать, что это были члены одной народности. 8) Остатки человѣка въ Бологовской мѣстности имѣютъ особенности. Бугорки ножныхъ пальцевъ болѣе развиты, такъ что пальцы были довольно широко разставлены одинъ отъ другаго. Голова почти долихокефальная съ приплюснутымъ лбомъ. Челюсти сильно развитыя съ прогнотизмомъ. Связки головы,

хотя грубыя, но не плотныя, чрезъ что могла быть наклонность къ переходу отъ долихокефализма къ брахикефализму. Стѣнки черепа толстыя къ темени и затылку и слабыя къ вискамъ и лбу, способному къ большему развитію лобной кости. Спинные позвонки и тазовыя кости хорошо развиты; спина какъ будто была болѣе согнута.

Свое чтеніе референтъ сопровождалъ демонстраціей остатковъ первобытной культуры и кухонныхъ отбросовъ.

Печатано съ разрѣшенія Предсѣдателя VII Археологическаго Съѣзда,

Ярославль. 1887 года. Въ Тип. Губ. Правл.

ИЗВѢСТІЯ

о занятіяхъ

СЕДЬМАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА

ВЪ ЯРОСЛАВЛѢ.

№ 9. 17 августа 1887 г.

I.

Протоколъ засѣданія, 13 августа утромъ, по II отдѣленію *древностей историческихъ, географическихъ и этнографическихъ*, подъ предсѣдательствомъ Д. И. Иловайскаго (первый рефератъ) и Г. Эд. Зенгера (остальные три реферата).

Предсѣдатель Д. И. Иловайскій открылъ засѣданіе краткимъ словомъ о покойномъ графѣ А. С. Уваровѣ, въ которомъ указалъ на его заслуги для русской археологіи. Дѣло и организація 6 бывшихъ Археологическихъ Съѣздовъ въ Россіи, по словамъ Д. И. Иловайскаго, всецѣло принадлежитъ почину графа Уварова, продолжательницей же дѣла Съѣздовъ теперь является графиня П. С. Уварова, къ которой г. Предсѣдатель и обратился съ выраженіемъ глубокой благодарности.

Профессоръ *Д. И. Багалѣй* прочиталъ рефератъ: „Что желательно для русской исторической географіи?" Поставленный вопросъ былъ затронутъ первоначально Директоромъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи, Н. А. Поповымъ, который выражалъ желаніе обратить на этотъ вопросъ вниманіе членовъ Съѣзда. Русская историческая географія до XV столѣтія обслѣдована болѣе, нежели за послѣдующіе вѣка. Прекрасная работа проф.

Барсова: „Очерки русской исторической географіи“ не доведена до конца, а работа Бѣляева „О географическихъ свѣдѣніяхъ въ древней Руси“ устарѣла. Вопросъ о колонизаціи инородческихъ земель занималъ многихъ ученыхъ—и опять въ періодѣ времени до XV вѣка. Поэтому, по мнѣнію референта, много предстоитъ труда въ дѣлѣ разработки исторической географіи Московскаго и Императорскаго періодовъ нашей исторіи, т. е. за время XV—XVIII вѣковъ. И территорія, и этнографія Московскаго государства изучены очень мало. Есть, конечно, хорошія работы и за этотъ періодъ, но ихъ мало. На первомъ мѣстѣ здѣсь нужно поставить сочиненіе проф. Е. Е. Замысловскаго о Герберштейнѣ. Проф. Багалѣй выразилъ желаніе, чтобы и другіе ученые работали въ томъ же направленіи. Но одного знакомства съ иностранными писателями о Россіи—по мнѣнію референта—недостаточно, нужно свои отечественные источники изучить сколь возможно старательнѣе и серьезнѣе. Между тѣмъ у насъ до сихъ поръ не существуетъ хорошаго изданія главнѣйшаго источника по исторической географіи „Книги Большаго Чертежа“. Прежнее изданіе ея сильно устарѣло, и комментаріи оказываются уже несостоятельными. Необходимо новое изданіе этого источника. У насъ много занимаются исторіей колонизаціи. Таковы труды Ѳирсова, Скальковскаго, Перетятковича, Ядринцева и др. Но несмотря на это, мы всетаки далеки еще отъ рѣшенія вопроса о характерѣ русской колонизаціи вообще. Только тогда удастся намъ рѣшить его во всей полнотѣ, когда мы будемъ имѣть исторію заселенія всѣхъ важнѣйшихъ областей нашего государства. Отсюда вытекаетъ необходимость изученія областнаго научнаго матеріала. Менѣе всего изслѣдованы окраины русскаго государства, какъ въ центрѣ, такъ и на окраинахъ изученіе исторической географіи и этнографіи должны идти рука объ руку. Не одинъ русскій востокъ долженъ занимать изслѣдователя, но и Русь западная, надолго подчинившаяся польской зависимости, при чемъ особенно нуждается въ изслѣдованіи Московско-Литовскій періодъ Русской исторіи. Матеріаловъ для этого у насъ много, но мы ими не пользуемся. Серьезное вниманіе на нихъ обратилъ не такъ давно лишь г. Отлоблинъ въ своемъ спеціальномъ трудѣ объ источникахъ нашей исторической географіи. Г. Багалѣй ука-

залъ на главныя хранилища ихъ—Московскіе Архивы Иностранныхъ Дѣлъ и Юстиціи, Архивъ Главнаго Штаба, на библіотеки: Императорскую Публичную, Русскаго Географическаго Общества и др. и на собранія мѣстныхъ историческихъ документовъ—губернскіе архивы. Чтобы уяснить значеніе этихъ *мѣстныхъ* архивовъ, референтъ для примѣра указалъ на важные документы Харьковскаго Историческаго Архива. Въ заключеніе онъ свелъ всѣ свои desiderata пока къ двумъ основнымъ: 1) желательно приведеніе въ извѣстность всѣхъ историко-географическихъ матеріаловъ, хранящихся какъ въ центральныхъ, такъ и мѣстныхъ древнехранилищахъ, 2) желательно прежде всего изданіе писцовыхъ книгъ при посредствѣ Губернскихъ Статистическихъ Комитетовъ и мѣстныхъ Архивныхъ Коммиссій.

Л. Н. Майковъ возразилъ, что въ рукописномъ отдѣленіи Русскаго Географическаго Общества матеріаловъ по исторической географіи весьма мало. Есть только одинъ замѣчательный списокъ „Книга Большаго Чертежа“. Вмѣстѣ съ тѣмъ г. Майковъ указалъ референту на пропускъ въ его рефератѣ: онъ не упомянулъ о трудѣ Огородникова, хотя и незаконченномъ, но весьма важномъ. Г. Майковъ пришелъ къ тому выводу, что предварительно нужно опредѣлить нѣсколько редакцій „Книги Большаго Чертежа“ и отдѣлить позднѣйшія прибавки отъ первоначальнаго текста и тогда уже издавать вновь этотъ памятникъ.

А. В. Селивановъ сообщилъ о своей работѣ по исторической географіи Рязанскаго края въ XVII вѣкѣ. Матеріаломъ для этой работы главнымъ образомъ служатъ платежныя книги 1628 года, хранящіяся въ Рязанскомъ Историческомъ Архивѣ. На основаніи этихъ книгъ г. Селивановъ предварительно составляетъ списокъ населенныхъ мѣстъ Рязанской губерніи въ XVII вѣкѣ по каждому уѣзду отдѣльно, нанося затѣмъ названія этихъ мѣстъ на карту. Г. Селивановъ показалъ образецъ такой карты и форму своей работы по составленію списка населенныхъ мѣстъ.

Е. М. Гаршинъ указалъ на богатое собраніе матеріаловъ по исторической географіи, принадлежащее Академіи Наукъ, которая и начала уже ихъ изданіе въ „Матеріалахъ для исторіи Академіи Наукъ“. Особенно важ

ное научное значеніе имѣетъ переписка Кирилова съ Татищевымъ по составленію перваго атласа Россіи.

А. Ѳ. Селивановъ указалъ значеніе Археологическаго Института и мѣстныхъ Архивныхъ Коммиссій въ дѣлѣ собиранія и изданія историческихъ матеріаловъ вообще, обративъ вниманіе на труды членовъ Архивныхъ Коммиссій: Костромской—Миловидова и Херсонскаго, Тверской—Квашнина-Самарина и Рязанской—священника Іоанна Добролюбова.

Д. Н. Анучинъ заявилъ о необходимости параллельнаго изученія прошлой и современной географіи и составленія историко-географическаго словаря.

Н. И. Троицкій обратилъ вниманіе членовъ Съѣзда на предпринятое имъ изданіе: „Сборникъ матеріаловъ по историко-статистическому описанію Тульской епархіи“ и предложилъ безвозмездно всѣмъ желающимъ этотъ сборникъ.

Н. И. Барсовъ указалъ на изданіе Высочайше учрежденной Коммиссіи при Святѣйшемъ Синодѣ: „Описаніе документовъ и дѣлъ Синодальнаго архива“ въ 8 томахъ, въ которыхъ заключается много полезнѣйшихъ указаній для занимающихся исторической географіей. Затѣмъ г. Барсовъ сказалъ о неудовлетворительности прежнихъ изданій писцовыхъ книгъ, наприм., изданія Неволина.

Л. Н. Майковъ пояснилъ, что Неволинъ издавалъ писцовыя книги въ сокращенномъ видѣ. Полное изданіе Новгородскихъ писцовыхъ книгъ начато Археографической Коммиссіей по единственному списку Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Д. А. Корсаковъ къ двумъ desiderata г. Багалѣя прибавилъ третье: желательно изданіе подробныхъ историко-географическихъ атласовъ по отдѣльнымъ областямъ Россіи. Павлищевъ и Замысловскій, по словамъ г. Корсакова, дѣлали только попытки къ изданію такихъ атласовъ. Къ будущему Съѣзду желательно выработать программу для составленія такихъ атласовъ, принявъ во вниманіе работы въ такомъ направленіи, предпринятыя г. Селивановымъ въ Рязани. Съ этою цѣлію г Корсаковъ полагалъ бы полезнымъ образовать коммиссію, или же просто обратиться къ спеціалистамъ, прося ихъ свои мнѣнія по выраженнымъ desiderata Корсаковымъ и Багалѣемъ доставлять въ Московское Археологическое Общество, для разсмотрѣнія на будущемъ Археологическомъ Съѣздѣ.

В. Ѳ. Миллеръ обратилъ вниманіе на методъ историко-географическихъ изслѣдованій, которымъ не мало могутъ помогать лингвистическія данныя. Г. Миллеръ пользовался ими при изученіи горной области Осетіи.

П. И. Савваитовъ также указалъ на языкъ, какъ на главнѣйшій источникъ для этнографическихъ опредѣленій. „А дорога раскопокъ, по словамъ г. Савваитова, скользка и требуетъ чрезвычайной осторожности“.

Д. И. Багалѣй, въ заключеніе преній по возбужденному имъ вопросу, благодарилъ за сдѣланныя указанія и присоединился къ мнѣнію профессора Д. А. Корсакова относительно необходимости составленія и изданія подробныхъ историко-географическихъ атласовъ по отдѣльнымъ областямъ Русскаго государства.

И. А. Износковъ прочиталъ рефератъ: „О хорографическихъ инородческихъ названіяхъ“, въ которомъ онъ изложилъ сообщенія: 1) *Т. С. Семенова*: „Алфавитный списокъ населенныхъ мѣстъ, рѣкъ, рѣчекъ и озеръ Мерянской стороны, названія которыхъ происходятъ изъ черемисскаго языка“; сообщеніе это есть отвѣтъ на запросъ VII Археологическому Съѣзду С. К. Кузнецова: „Возможны-ли объясненія названій населенныхъ мѣстъ Ярославской губерніи изъ корней Черемисскаго языка“ (см. списокъ дополнительныхъ вопросовъ и запросовъ VII Археологическому Съѣзду). 2) *Н. К. Рамзевича:* „Названія рѣкъ Вологодской и Архангельской губерній“ и 3) запросъ г. *Суворова*: „Преподобный Герасимъ Вологодской, придя въ Вологду въ 1147 году, выстроилъ себѣ келью и церковь на Кайсаровомъ ручьѣ. Что такое это Кайсаръ или кто? Изъ какого языка взято это слово?“

Учитель Казанской инородческой семинаріи, Семеновъ, самъ родомъ изъ черемисъ Уржумскаго уѣзда, Вятской губерніи. Поэтому изученіе Черемисскаго языка для него не составляетъ большаго труда. Въ представленномъ спискѣ онъ приводитъ объясненія 264 хорографическихъ названій, употребляющихся въ Ярославской губерніи, 177—въ Костромской, 148—во Владимірской, 136—въ Нижегородской, 67—въ Московской и 48—въ Вологодской—и сходныя названія въ губерніяхъ Вятской, Казанской и Уфимской. Изъ списка легко усмотрѣть, по мнѣнію г. Износкова, что многія, можетъ быть, мерянскія названія легко объясняются изъ черемисскаго языка.

какой-либо археологической системы въ томъ же отношеніи.

По мнѣнію референта, къ разрѣшенію вопроса о славянскихъ могилахъ необходимо идти путемъ совершенно обратнымъ, т. е. путемъ синтеза; нужно собрать новый обширный матеріалъ, предпринявъ археологическія изслѣдованія въ мѣстностяхъ, ясно указанныхъ въ нашей начальной лѣтописи, какъ центрахъ поселеній разныхъ племенъ языческихъ славянъ въ территоріи нынѣшней Россіи, и отсюда уже вывести искомые признаки самыхъ могилъ. Такому методу слѣдовалъ и покойный графъ Уваровъ въ своемъ извѣстномъ изслѣдованіи могилъ древней мери; и нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что, если этотъ методъ далъ столь блестящіе результаты въ изслѣдованіи быта такого темнаго финскаго племени, какъ меря, извѣстнаго исторіи лишь по одному названію, то, чтобы тотъ же пріемъ въ приложеніи къ славянскимъ племенамъ, съ которыми исторія знакома гораздо болѣе, остался бы безъ обильныхъ результатовъ.

Вторая половина реферата составляетъ, такъ сказать, приложеніе на практикѣ высказанныхъ выше соображеній. Обладая довольно обширнымъ археологическимъ матеріаломъ, добытымъ при изслѣдованіи кургановъ южнаго Приладожья, референтъ, держась синтетическаго метода, сдѣлалъ изъ этого матеріала нѣкоторые выводы и по вопросу о языческихъ могилахъ Ильменскихъ славянъ. Сообщивъ общій обзоръ содержанія и устройства курганныхъ могилъ въ южномъ Приладожьѣ, референтъ особенно остановился на курганахъ, встрѣченныхъ имъ на берегахъ Волхова, и указалъ на ихъ рѣзкія отличія отъ прочихъ вышеупомянутыхъ: вопервыхъ, что въ нихъ оказался совершенно иной способъ погребенія—трупосожженіе съ положеніемъ костей въ сосуды, чего въ другихъ мѣстахъ Приладожья не встрѣчено ни разу; вовторыхъ, что въ погребальныхъ насыпяхъ на Волховѣ постоянно оказывались неизвѣстнаго назначенія каменныя сооруженія въ формѣ площадокъ, стѣнокъ, а иногда простыхъ грудъ валуновъ, чего также въ другихъ пунктахъ Приладожья не встрѣчалось; и наконецъ, въ третьихъ, что Волховскіе курганы отличаются крайней бѣдностью своего культурнаго содержанія. Въ видѣ иллюстраціи было сообщено описаніе трехъ замѣчательныхъ могильныхъ на-

Фадлана извѣстное описаніе похоронъ Русса и сказавъ, что въ основѣ всѣхъ старинныхъ погребальныхъ обрядовъ лежитъ глубокая вѣра, что человѣкъ живетъ и по смерти, референтъ привелъ нѣкоторыя свои наблюденія. Еще лѣтъ 50 тому назадъ въ Малороссіи при погребеніи умершаго клали въ гробъ хлѣбъ, горшекъ съ кашей и графинъ съ водкой. До нашего времени удержался обычай ставить вечеромъ того дня, когда были похороны, въ переднемъ углу (на покуті) стаканъ съ водой и горбушку хлѣба. Покойника везутъ на возу или саняхъ, непремѣнно запряженныхъ волами; въ могилу бросаютъ деньги въ пользу „дидька“, т. е. подземнаго существа; при погребеніи дѣвушки усопшую одѣваютъ, какъ къ вѣнцу, кладутъ на голову ленту, украшаютъ голову цвѣтами и зеленью, къ похоронамъ пекутъ коровай, подобный свадебному, и кладутъ его на свѣжую могилу. Погребальные плачи всѣ глубоко-поэтичны. Но есть мѣста, гдѣ слезы замѣняются весельемъ, наприм., въ селѣ Подвысокомъ Уманскаго уѣзда, Кіевской губерніи.

Д. Н. Анучинъ показалъ присутствующимъ фотографическій снимокъ похоронъ на саняхъ у Пермяковъ.

И. В. Ягичъ указалъ на существованіе того же обычая у южныхъ славянъ.

Д. И. Иловайскій похоронныя увеселенія объяснилъ древними представленіями загробной жизни у славянъ вообще свѣтлыми, не заключавшими въ себѣ чего-либо мрачнаго.

Г. Э. Зенгеръ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній касательно того, что въ древнемъ классическомъ мірѣ при погребеніи происходило смѣшеніе радости и скорби и указалъ на нѣкоторыя вѣрованія древнихъ въ загробную жизнь.

Н. В. Покровскій сдѣлалъ запросъ: не слѣдуетъ-ли объяснить употребленіе воды при похоронахъ вліяніемъ религіи христіанской, а не язычества?

Н. И. Троицкій призналъ въ этомъ случаѣ вліяніе христіанства. Тоже мнѣніе высказалъ и проф. *А. И. Кирпичниковъ*.

П. Н. Полевой видитъ вѣру народа въ загробную жизнь и въ современныхъ погребальныхъ обычаяхъ народа.

Я. Ѳ. Ушаковъ сказалъ о почитаніи въ Ярославской губерніи родительской субботы, осенью, въ октябрѣ, пер-

вой субботы послѣ Казанской Богоматери. По народному вѣрованію, покойники обогрѣвають землю своимъ дыханіемъ. Тутъ же г. Ушаковъ указалъ на нѣкоторые похоронные обряды (омовеніе волосъ, оставленіе снопа соломы, горшка и гребня на дорогѣ къ кладбищу), существующіе въ Ярославской губерніи.

О. Ѳ. Миллеръ сдѣлалъ всесторонній разборъ доклада г. Иванова: „Краткій очеркъ воззрѣній крестьянскаго населенія Купянскаго уѣзда, Харьковской губерніи, на душу и на загробную жизнь, составленный по словамъ стариковъ и старухъ". Похваливъ г. Иванова за его начитанность въ избранномъ вопросѣ и за умѣніе записывать народныя сказанія, г. Миллеръ сказалъ нѣсколько словъ вообще о народныхъ воззрѣніяхъ на загробную жизнь, какъ они выражаются въ произведеніяхъ устной народной словесности, и о книжномъ вліяніи на міросозерцаніе народа. Затѣмъ онъ перешелъ къ изложенію воззрѣній купянскихъ крестьянъ, нерѣдко весьма оригинальныхъ и доселѣ не подмѣченныхъ въ другихъ мѣстахъ нашего отечества. Онъ выяснилъ представленіе души въ видимомъ образѣ крылатаго существа—пчелы или въ видѣ пара. Такой образъ душа имѣетъ, пока не вселится въ тѣлесную оболочку. Войдя въ тѣло, душа растетъ вмѣстѣ съ нимъ, питаясь паромъ отъ той пищи, какою питается человѣкъ. Хотя душа живетъ въ тѣсной связи съ тѣломъ, ѣстъ, пьетъ, чувствуетъ жаръ, холодъ, наслаждается и страдаетъ, однако, при потерѣ какой-либо части тѣла, человѣкъ не теряетъ соотвѣтствующей части души. Родившійся съ какими нибудь физическими недостатками имѣетъ и душу не вполнѣ совершенную. Впрочемъ, въ будущей жизни, по воззрѣніямъ крестьянскаго населенія, всѣ органическіе недостатки будутъ восполнены. Оригинально представленіе крестьянъ о мѣстѣ нахожденія души въ тѣлѣ: одни представляютъ себѣ душу существомъ, проникающимъ и наполняющимъ все тѣло, весь тѣлесный организмъ, другіе считаютъ мѣстомъ пребыванія ея грудь, третьи—утробу, иные предполагаютъ ея мѣсто въ горлѣ и, наконецъ, подъ правой рукой. У разбойниковъ и у вѣдьмъ души нѣтъ, т. е. душа изъ нихъ вышла, ими овладѣлъ злой духъ. Родившіеся мертвыми или умершіе некрещенными младенцы превра-

щаются въ русалокъ, иначе называемыхъ „лоскотовками“ и представляемыхъ то въ человѣческомъ, то въ животномъ образѣ. Некрещенные младенцы принимаются Богомъ въ особо для нихъ назначенный рай, но отдѣльно отъ душъ дѣтей, умершихъ крещенными и живущихъ съ ангелами. Интересны обряды купянскихъ крестьянъ, которыми сопровождается смерть и погребенiе человѣка. Они указываютъ на глубокую вѣру крестьянъ въ продолженiе жизни за гробомъ. Умирающаго кладутъ на землю, на которой умирать легче. Умершаго возлагаютъ на лавку, ставя въ головахъ зажженную свѣчу, вѣшая на стѣнѣ возлѣ иконъ рушникъ и ставя на окно воду и разведенный медъ. При смерти вѣдьмы дѣлаютъ отверстiе въ потолкѣ для выхода души. Въ гробъ кладутъ деньги для покупки мѣста на томъ свѣтѣ, въ могилу ставятъ бутылку съ водкой; ленту, которою были связаны ноги умершаго, хранятъ, какъ средство отъ боли. На томъ свѣтѣ живутъ мужчины съ мужчинами, женщины—съ женщинами, а, по мнѣнiю другихъ,—попарно Душа покойника посѣщаетъ свой домъ только до 40 дней, пока не совершится надъ нею судъ и она не получитъ опредѣленнаго мѣстопребыванiя. Впрочемъ, души являются на поминальные обѣды и послѣ 40 дней. Душа скупаго на томъ свѣтѣ алчетъ и жаждетъ, а души праведниковъ имѣютъ во всемъ изобилiе. Есть адъ вѣчный, есть и временный; онъ подъ землею, въ немъ мракъ, души грѣшниковъ питаются тамъ пепломъ. Рай—это зеленый садъ, по которому течетъ рѣка. На томъ свѣтѣ мужъ не узнаетъ жены и наоборотъ, а родичей и знакомыхъ душа узнаетъ. Отецъ и мать не узнаютъ своихъ дѣтей, а крестные—узнаютъ. Тамъ души не разговариваютъ между собою. Весьма интересны разсказы „замиравшихъ“ старухъ, т. е. бывшихъ въ долгомъ обморокѣ, или въ летаргическомъ снѣ. Они приводятся у г. Иванова въ подлинникѣ, равно какъ не менѣе любопытные разсказы крестьянъ о явленiи мертвецовъ. Всѣ эти разсказы дополняются въ сообщенiи г. Иванова нѣсколькими „плачами“ по покойникахъ, записанными со словъ купянскихъ крестьянъ.

Изложивъ предъ слушателями всѣ сообщенiя г. Иванова, Ор. Ѳ. Миллеръ взвѣсилъ ихъ относительныя научныя достоинства, указалъ, что̀ въ этихъ сообщенiяхъ встрѣчается новаго, доселѣ неизвѣстнаго, и, сопоставивъ

это новое съ прежнимъ запасомъ нашихъ свѣдѣній о русскомъ народномъ міросозерцаніи, призналъ вновь собранные г. Ивановымъ матеріалы въ высшей степени любопытными и важными для характеристики южно-русскаго крестьянства. Свою рѣчь Ор. Ѳ. Миллеръ закончилъ напоминаніемъ, что духовная природа русскаго человѣка, его завѣтные, высшіе идеалы нигдѣ, однако, не выражаются такъ полно и ясно, какъ въ былевомъ, богатыркомъ эпосѣ.

II.

Протоколъ засѣданія, 13 августа, вечеромъ, по VI отдѣленію,--памятниковъ славяно-русскаго языка и письма, подъ предсѣдательствомъ Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскаго.

1. *А. И. Кирпичниковъ* сообщилъ о своихъ поискахъ въ трехъ библіотекахъ на островѣ Халки. Референту удалось найти въ нихъ нѣсколько греческихъ апокрифовъ (одинъ изъ нихъ—сказаніе о поставленіи въ іереи Христа и два--сказанія о жизни Богоматери), πίναξ по древней исторіи, иллюстрированный множествомъ изображеній, двѣ рукописи романа о Варлаамѣ и Іоасафѣ. Къ сообщенію о содержаніи найденныхъ на островѣ Халки рукописей, А. И. Кирпичниковъ прибавилъ нѣсколько замѣчаній о составѣ греческихъ книгохранилищъ и объ иностранномъ (греческомъ и славянскомъ) элементѣ въ народномъ греческомъ языкѣ Константинополя.

2. *Н. Ѳ. Красносельцевъ* посвятилъ свой рефератъ одной изъ рукописей Соловецкой библіотеки—Чиновнику Архангельскаго Спасскаго собора, писанному около 1725 года. По словамъ референта, этотъ Чиновникъ имѣетъ значительныя иззмѣчательныя особенности сравнительно съ извѣстными Чиновниками Московскаго Успенскаго и Новгородскаго Софійскаго соборовъ. Онъ начинается историческимъ повѣствованіемъ объ учрежденіи Холмогорской епархіи и разсказомъ о хиротоніи, встрѣчѣ и первыхъ распоряженіяхъ архіепископа Аѳанасія въ Холмогорахъ. Затѣмъ слѣдуетъ самый Чиновникъ или описаніе особенностей архіерейскаго служенія въ разные дни церковнаго года съ замѣчаніями о разныхъ мѣстныхъ обстоятельствахъ,

вліявшихъ на то, или иное измѣненіе ихъ. Далѣе слѣдуютъ „выписки вкратцѣ“—церковная лѣтопись, посвященная описанію обстоятельствъ жизни Аѳанасія и его преемниковъ до 1723 года, причемъ также сообщаются подробности о пребываніи Петра I-го въ Холмогорахъ и Архангельскѣ. Многое какъ въ этой лѣтописи, такъ и въ самомъ Чиновникѣ можетъ имѣть значеніе для исторіи не только церковно-литургической обрядности, но и вообще русской обрядности и быта. Сверхъ того, Архангельскій Чиновникъ имѣетъ значеніе какъ памятникъ, хотя и богослужебный, но оригинальный русскій. Содержащіяся въ немъ описанія, будучи сходны по содержанію съ описаніями другихъ Чиновниковъ, отличны отъ нихъ по изложенію. Языкъ его отличается отъ обыкновеннаго языка богослужебныхъ книгъ и строй его совершенно русскій, такъ что струя народной рѣчи пробивается въ немъ сильно, что даетъ возможность наблюсти даже нѣкоторыя особенности мѣстнаго говора; напримѣръ, свѣча называется въ Чиновникѣ нерѣдко „ослопною“.

3. *М. И. Соколовъ* занялся разсмотрѣніемъ вопроса о тождествѣ болгарскаго попа Іереміи съ болгарскимъ же попомъ Богомиломъ. Приведя свидѣтельства Погодинскаго Номоканона и позднѣйшихъ списковъ статьи о книгахъ истинныхъ и ложныхъ, а также посланія нѣкоего Аѳанасія къ Панку о лживыхъ писаніяхъ Іереміи и указавъ на то, что этотъ послѣдній обыкновенно отождествляется съ распространителемъ богомильства въ X вѣкѣ попомъ Богомиломъ, референтъ сообщилъ о найденномъ имъ спискѣ приписываемыхъ Іереміи сочиненій, это—пергаменный сербскій сборникъ XIII вѣка, принадлежащій проф. Сречковичу и содержащій въ себѣ также нѣсколько произведеній или неизвѣстныхъ доселѣ, или извѣстныхъ въ позднихъ спискахъ и редакціяхъ: суевѣрные молитвы и заговоры, статьи гадательныя („указаніе чисмене“, „число псалтирьно“) и астрологическія (громникъ, колядникъ, добрые и злые дни и т. п.), сказаніе о чудѣ св. Георгія, „Чтеніе св. Варуха“, апокрифическое „Откровеніе 12 апостоловъ“, настаивающіе на почитаніи недѣли, середы и пятницы, слово Меѳодія Патарскаго, пророчества прор. Даніила и Исаіи, говорящія о судьбахъ Константинополя и разныхъ народовъ, извлеченія изъ Патериковъ, изъ сборниковъ въ родѣ Пчелы, поученія, между

Барсова: „Очерки русской исторической географіи“ не доведена до конца, а работа Бѣляева „О географическихъ свѣдѣніяхъ въ древней Руси“ устарѣла. Вопросъ о колонизаціи инородческихъ земель занималъ многихъ ученыхъ—и опять въ періодѣ времени до XV вѣка. Поэтому, по мнѣнію референта, много предстоитъ труда въ дѣлѣ разработки исторической географіи Московскаго и Императорскаго періодовъ нашей исторіи, т. е. за время XV—XVIII вѣковъ. И территорія, и этнографія Московскаго государства изучены очень мало. Есть, конечно, хорошія работы и за этотъ періодъ, но ихъ мало. На первомъ мѣстѣ здѣсь нужно поставить сочиненіе проф. Е. Е. Замысловскаго о Герберштейнѣ. Проф. Балалѣй выразилъ желаніе, чтобы и другіе ученые работали въ томъ же направленіи. Но одного знакомства съ иностранными писателями о Россіи—по мнѣнію референта—недостаточно, нужно свои отечественные источники изучить сколь возможно старательнѣе исерьезнѣе. Между тѣмъ у насъ до сихъ пора не существуетъ хорошаго изданія главнѣйшаго источника по исторической географіи „Книги Большаго Чертежа“. Прежнее изданіе ея сильно устарѣло, и комментаріи оказываются уже несостоятельными. Необходимо новое изданіе этого источника. У насъ много занимаются исторіей колонизаціи. Таковы труды Ѳирсова, Скальковскаго, Перетятковича, Ядринцева и др. Но несмотря на это, мы всетаки далеки еще отъ рѣшенія вопроса о характерѣ русской колонизаціи вообще. Только тогда удастся намъ рѣшить его во всей полнотѣ, когда мы будемъ имѣть исторію заселенія всѣхъ важнѣйшихъ областей нашего государства. Отсюда вытекаетъ необходимость изученія областнаго научнаго матеріала. Менѣе всего изслѣдованы окраины русскаго государства, какъ въ центрѣ, такъ и на окраинахъ изученіе исторической географіи и этнографіи должны идти рука объ руку. Не одинъ русскій востокъ долженъ занимать изслѣдователя, но и Русь западная, надолго подчинившаяся польской зависимости, при чемъ особенно нуждается въ изслѣдованіи Московско-Литовскій періодъ Русской исторіи. Матеріаловъ для этого у насъ много, но мы ими не пользуемся. Серьезное вниманіе на нихъ обратилъ не такъ давно лишь г. Оглоблинъ въ своемъ спеціальномъ трудѣ объ источникахъ нашей исторической географіи. Г. Багалѣй ука-

залъ на главныя хранилища ихъ—Московскіе Архивы Иностранныхъ Дѣлъ и Юстиціи, Архивъ Главнаго Штаба, на библіотеки: Императорскую Публичную, Русскаго Географическаго Общества и др. и на собранія мѣстныхъ историческихъ документовъ—губернскіе архивы. Чтобы уяснить значеніе этихъ *мѣстныхъ* архивовъ, референтъ для примѣра указалъ на важные документы Харьковскаго Историческаго Архива. Въ заключеніе онъ свелъ всѣ свои desiderata пока къ двумъ основнымъ: 1) желательно приведеніе въ извѣстность всѣхъ историко-географическихъ матеріаловъ, хранящихся какъ въ центральныхъ, такъ и мѣстныхъ древнехранилищахъ, 2) желательно прежде всего изданіе писцовыхъ книгъ при посредствѣ Губернскихъ Статистическихъ Комитетовъ и мѣстныхъ Архивныхъ Коммиссій.

Л. Н. Майковъ возразилъ, что въ рукописномъ отдѣленіи Русскаго Географическаго Общества матеріаловъ по исторической географіи весьма мало. Есть только одинъ замѣчательный списокъ „Книга Большаго Чертежа". Вмѣстѣ съ тѣмъ г. Майковъ указалъ референту на пропускъ въ его рефератѣ: онъ не упомянулъ о трудѣ Огородникова, хотя и незаконченномъ, но весьма важномъ. Г. Майковъ пришелъ къ тому выводу, что предварительно нужно опредѣлить нѣсколько редакцій „Книги Большаго Чертежа" и отдѣлить позднѣйшія прибавки отъ первоначальнаго текста и тогда уже издавать вновь этотъ памятникъ.

А. В. Селивановъ сообщилъ о своей работѣ по исторической географіи Рязанскаго края въ XVII вѣкѣ. Матеріаломъ для этой работы главнымъ образомъ служатъ платежныя книги 1628 года, хранящіяся въ Рязанскомъ Историческомъ Архивѣ. На основаніи этихъ книгъ г. Селивановъ предварительно составляетъ списокъ населенныхъ мѣстъ Рязанской губерніи въ XVII вѣкѣ по каждому уѣзду отдѣльно, нанося затѣмъ названія этихъ мѣстъ на карту. Г. Селивановъ показалъ образецъ такой карты и форму своей работы по составленію списка населенныхъ мѣстъ.

Е. М. Гаршинъ указалъ на богатое собраніе матеріаловъ по исторической географіи, принадлежащее Академіи Наукъ, которая и начала уже ихъ изданіе въ „Матеріалахъ для исторіи Академіи Наукъ". Особенно важ

ное научное значеніе имѣетъ переписка Кирилова съ Татищевымъ по составленію перваго атласа Россіи.

А. Ѳ. Селивановъ указалъ значеніе Археологическаго Института и мѣстныхъ Архивныхъ Коммиссій въ дѣлѣ собиранія и изданія историческихъ матеріаловъ вообще, обративъ вниманіе на труды членовъ Архивныхъ Коммиссій: Костромской—Миловидова и Херсонскаго, Тверской—Квашнина-Самарина и Рязанской—священника Іоанна Добролюбова.

Д. Н. Анучинъ заявилъ о необходимости параллельнаго изученія прошлой и современной географіи и составленія историко-географическаго словаря.

Н. И. Троицкій обратилъ вниманіе членовъ Съѣзда на предпринятое имъ изданіе: „Сборникъ матеріаловъ по историко-статистическому описанію Тульской епархіи" и предложилъ безвозмездно всѣмъ желающимъ этотъ сборникъ.

Н. И. Барсовъ указалъ на изданіе Высочайше учрежденной Коммиссіи при Святѣйшемъ Синодѣ: „Описаніе документовъ и дѣлъ Синодальнаго архива" въ 8 томахъ, въ которыхъ заключается много полезнѣйшихъ указаній для занимающихся исторической географіей. Затѣмъ г. Барсовъ сказалъ о неудовлетворительности прежнихъ изданій писцовыхъ книгъ, наприм., изданія Неволина.

Л. Н. Майковъ пояснилъ, что Неволинъ издавалъ писцовыя книги въ сокращенномъ видѣ. Полное изданіе Новгородскихъ писцовыхъ книгъ начато Археографической Коммиссіей по единственному списку Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Д. А. Корсаковъ къ двумъ desiderata г. Багалѣя прибавилъ третье: желательно изданіе подробныхъ историко-географическихъ атласовъ по отдѣльнымъ областямъ Россіи. Павлищевъ и Замысловскій, по словамъ г. Корсакова, дѣлали только попытки къ изданію такихъ атласовъ. Къ будущему Съѣзду желательно выработать программу для составленія такихъ атласовъ, принявъ во вниманіе работы въ такомъ направленіи, предпринятыя г. Селивановымъ въ Рязани. Съ этою цѣлію г Корсаковъ полагалъ бы полезнымъ образовать коммиссію, или же просто обратиться къ спеціалистамъ, прося ихъ свои мнѣнія по выраженнымъ desiderata Корсаковымъ и Багалѣемъ доставлять въ Московское Археологическое Общество, для разсмотрѣнія на будущемъ Археологическомъ Съѣздѣ.

В. Ө. Миллеръ обратилъ вниманіе на методъ историко-географическихъ изслѣдованій, которымъ не мало могутъ помогать лингвистическія данныя. Г. Миллеръ пользовался ими при изученіи горной области Осетіи.

П. И. Савваитовъ также указалъ на языкъ, какъ на главнѣйшій источникъ для этнографическихъ опредѣленій. „А дорога раскопокъ, по словамъ г. Савваитова, скользка и требуетъ чрезвычайной осторожности“.

Д. И. Багалѣй, въ заключеніе преній по возбужденному имъ вопросу, благодарилъ за сдѣланныя указанія и присоединился къ мнѣнію профессора Д. А. Корсакова относительно необходимости составленія и изданія подробныхъ историко-географическихъ атласовъ по отдѣльнымъ областямъ Русскаго государства.

И. А. Износковъ прочиталъ рефератъ: „О хорографическихъ инородческихъ названіяхъ“, въ которомъ онъ изложилъ сообщенія: 1) *Т. С. Семенова*: „Алфавитный списокъ населенныхъ мѣстъ, рѣкъ, рѣчекъ и озеръ Мерянской стороны, названія которыхъ происходитъ изъ черемисскаго языка“; сообщеніе это есть отвѣтъ на запросъ VII Археологическому Съѣзду С. К. Кузнецова: „Возможны-ли объясненія названій населенныхъ мѣстъ Ярославской губерніи изъ корней Черемисскаго языка“ (см. списокъ дополнительныхъ вопросовъ и запросовъ VII Археологическому Съѣзду). 2) *Н. К. Рамзевича*: „Названія рѣкъ Вологодской и Архангельской губерній“ и 3) запросъ г. *Суворова*: „Преподобный Герасимъ Вологодской, придя въ Вологду въ 1147 году, выстроилъ себѣ келью и церковь на Кайсаровомъ ручьѣ. Что такое это Кайсаръ или кто? Изъ какого языка взято это слово?“

Учитель Казанской инородческой семинаріи, Семеновъ, самъ родомъ изъ черемисъ Уржумскаго уѣзда, Вятской губерніи. Поэтому изученіе Черемисскаго языка для него не составляетъ большаго труда. Въ представленномъ спискѣ онъ приводитъ объясненія 264 хорографическихъ названій, употребляющихся въ Ярославской губерніи, 177—въ Костромской, 148—во Владимірской, 136—въ Нижегородской, 67—въ Московской и 48—въ Вологодской—и сходныя названія въ губерніяхъ Вятской, Казанской и Уфимской. Изъ списка легко усмотрѣть, по мнѣнію г. Износкова, что многія, можетъ быть, мерянскія названія легко объясняются изъ черемисскаго языка.

Если бы къ этому списку присоединить сравнительный списокъ названій изъ другихъ инородческихъ языковъ, то этимъ путемъ можно было бы дойти до опредѣленія мѣста языка исчезнувшей Мери въ семьѣ финскихъ народовъ. Г. Износковъ изъ массы записанныхъ Семеновымъ названій привелъ нѣсколько примѣровъ (Абатурово —Костромской и Ярославской губерній, Абатырь—Вятской губерніи, Яранскаго уѣзда: *аба*=мать, *тур*=сторона); (Илешево—Костромской губерніи, Илешкукмарь—Вятской губерніи, Уржумскаго уѣзда, Илышево—Уфимской губерніи, Бирскаго уѣзда: *ялеш*, *ильыш*=жизнь).

Переходя къ сообщенію г. Рамзевича, учителя Тотемской учительской семинаріи, г. Износковъ сказалъ, что оно состоитъ изъ перечисленія рѣкъ въ Вологодской и Архангельской губерніяхъ съ одинаковыми окончаніями. Почти всѣ названія состоятъ изъ нѣсколькихъ слоговъ съ удареніемъ на первомъ и легко могутъ быть раздѣлены на части. Таковы слова съ окончаніемъ *еньга*: Еньга, Шо̀р-ень-га, Ра̀м-ень-га, Ва̀-ень-га. Можно думать, что *ень* имѣетъ особое смысловое и образовательное значеніе (Іен—Богъ, én, án, ín—жена), *га*—окончаніе. Другое окончаніе *анга*: Рабанга, Юрманга, Шаранга и друг.; третье—*юга*: Уфтюга, Кондюга, Ханюга и т. п. Нужно предполагать зырянское происхожденіе всѣхъ подобныхъ названій, по словамъ г. Рамзевича. На запросъ г. Суворова г. Износковъ только указалъ, что слово кайсаръ, каинсаръ, кансаръ=березникъ—часто встрѣчается на мѣстахъ жительства народовъ тюркскаго племени. Въ заключеніе г. Износковъ выразилъ желаніе имѣть общую и опредѣленную программу для всѣхъ собирателей лингвистическихъ данныхъ науки.

Квашнинъ-Самаринъ замѣтилъ, что многія названія происходятъ отъ фамилій владѣльцевъ земли, а не отъ финскихъ и тюркскихъ, исконныхъ корней (напр., таже фамилія Кайсаровыхъ, Абатуровыхъ и т. д.).

Х. П. Ящуржинскій прочелъ небольшой рефератъ: „Остатки язычества въ погребальныхъ обрядахъ Малороссіи". Г. Ящуржинскій сообщилъ свои наблюденія въ Уманскомъ уѣздѣ, Кіевской губерніи. Приведя изъ Ибнъ-

Фадлана извѣстное описаніе похоронъ Русса и сказавъ, что въ основѣ всѣхъ старинныхъ погребальныхъ обрядовъ лежитъ глубокая вѣра, что человѣкъ живетъ и по смерти, референтъ привелъ нѣкоторыя свои наблюденія. Еще лѣтъ 50 тому назадъ въ Малороссіи при погребеніи умершаго клали въ гробъ хлѣбъ, горшекъ съ кашей и графинъ съ водкой. До нашего времени удержался обычай ставить вечеромъ того дня, когда были похороны, въ переднемъ углу (на покуті) стаканъ съ водой и горбушку хлѣба. Покойника везутъ на возу или саняхъ, непремѣнно запряженныхъ волами; въ могилу бросаютъ деньги въ пользу „дидька", т. е. подземнаго существа; при погребеніи дѣвушки усопшую одѣваютъ, какъ къ вѣнцу, кладутъ на голову ленту, украшаютъ голову цвѣтами и зеленью, къ похоронамъ пекутъ коровай, подобный свадебному, и кладутъ его на свѣжую могилу. Погребальные плачи всѣ глубоко-поэтичны. Но есть мѣста, гдѣ слезы замѣняются весельемъ, наприм., въ селѣ Подвысокомъ Уманскаго уѣзда, Кіевской губерніи.

Д. Н. Анучинъ показалъ присутствующимъ фотографическій снимокъ похоронъ на саняхъ у Пермяковъ.

И. В. Ягичъ указалъ на существованіе того же обычая у южныхъ славянъ.

Д. И. Иловайскій похоронныя увеселенія объяснилъ древними представленіями загробной жизни у славянъ вообще свѣтлыми, не заключавшими въ себѣ чего-либо мрачнаго.

Г. Э. Зенгеръ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній касательно того, что въ древнемъ классическомъ мірѣ при погребеніи происходило смѣшеніе радости и скорби и указалъ на нѣкоторыя вѣрованія древнихъ въ загробную жизнь.

Н. В. Покровскій сдѣлалъ запросъ: не слѣдуетъ-ли объяснить употребленіе воды при похоронахъ вліяніемъ религіи христіанской, а не язычества?

Н. И. Троицкій призналъ въ этомъ случаѣ вліяніе христіанства. Тоже мнѣніе высказалъ и проф. *А. И. Кирпичниковъ*.

П. Н. Полевой видитъ вѣру народа въ загробную жизнь и въ современныхъ погребальныхъ обычаяхъ народа.

Я. Ѳ. Ушаковъ сказалъ о почитаніи въ Ярославской губерніи родительской субботы, осенью, въ октябрѣ, пер-

вой субботы послѣ Казанской Богоматери. По народному вѣрованію, покойники обогрѣваютъ землю своимъ дыханіемъ. Тутъ же г. Ушаковъ указалъ на нѣкоторые похоронные обряды (омовеніе волосъ, оставленіе снопа соломы, горшка и гребня на дорогѣ къ кладбищу), существующіе въ Ярославской губерніи.

О. Ѳ. Миллеръ сдѣлалъ всесторонній разборъ доклада г. Иванова: „Краткій очеркъ воззрѣній крестьянскаго населенія Купянскаго уѣзда, Харьковской губерніи, на душу и на загробную жизнь, составленный по словамъ стариковъ и старухъ". Похваливъ г. Иванова за его начитанность въ избранномъ вопросѣ и за умѣніе записывать народныя сказанія, г. Миллеръ сказалъ нѣсколько словъ вообще о народныхъ воззрѣніяхъ на загробную жизнь, какъ они выражаются въ произведеніяхъ устной народной словесности, и о книжномъ вліяніи на міросозерцаніе народа. Затѣмъ онъ перешелъ къ изложенію воззрѣній купянскихъ крестьянъ, нерѣдко весьма оригинальныхъ и доселѣ не подмѣченныхъ въ другихъ мѣстахъ нашего отечества. Онъ выяснилъ представленіе души въ видимомъ образѣ крылатаго существа—пчелы или въ видѣ пара. Такой образъ душа имѣетъ, пока не вселится въ тѣлесную оболочку. Войдя въ тѣло, душа растетъ вмѣстѣ съ нимъ, питаясь паромъ отъ той пищи, какою питается человѣкъ. Хотя душа живетъ въ тѣсной связи съ тѣломъ, ѣстъ, пьетъ, чувствуетъ жаръ, холодъ, наслаждается и страдаетъ, однако, при потерѣ какой-либо части тѣла, человѣкъ не теряетъ соотвѣтствующей части души. Родившійся съ какими нибудь физическими недостатками имѣетъ и душу не вполнѣ совершенную. Впрочемъ, въ будущей жизни, по воззрѣніямъ крестьянскаго населенія, всѣ органическіе недостатки будутъ восполнены. Оригинально представленіе крестьянъ о мѣстѣ нахожденія души въ тѣлѣ: одни представляютъ себѣ душу существомъ, проникающимъ и наполняющимъ все тѣло, весь тѣлесный организмъ, другіе считаютъ мѣстомъ пребыванія ея грудь, третьи—утробу, иные предполагаютъ ея мѣсто въ горлѣ и, наконецъ, подъ правой рукой. У разбойниковъ и у вѣдьмъ души нѣтъ, т. е. душа изъ нихъ вышла, ими овладѣлъ злой духъ. Родившіеся мертвыми или умершіе некрещенными младенцы превра-

щаются въ русалокъ, иначе называемыхъ „лоскотовками“ и представляемыхъ то въ человѣческомъ, то въ животномъ образѣ. Некрещенные младенцы принимаются Богомъ въ особо для нихъ назначенный рай, но отдѣльно отъ душъ дѣтей, умершихъ крещенными и живущихъ съ ангелами. Интересны обряды купянскихъ крестьянъ, которыми сопровождается смерть и погребенiе человѣка. Они указываютъ на глубокую вѣру крестьянъ въ продолженiе жизни за гробомъ. Умирающаго кладутъ на землю, на которой умирать легче. Умершаго возлагаютъ на лавку, ставя въ головахъ зажженную свѣчу, вѣшая на стѣнѣ возлѣ иконъ рушникъ и ставя на окно воду и разведенный медъ. При смерти вѣдьмы дѣлаютъ отверстiе въ потолкѣ для выхода души. Въ гробъ кладутъ деньги для покупки мѣста на томъ свѣтѣ, въ могилу ставятъ бутылку съ водкой; ленту, которою были связаны ноги умершаго, хранятъ, какъ средство отъ боли. На томъ свѣтѣ живутъ мужчины съ мужчинами, женщины—съ женщинами, а, по мнѣнiю другихъ,—попарно Душа покойника посѣщаетъ свой домъ только до 40 дней, пока не совершится надъ нею судъ и она не получитъ опредѣленнаго мѣстопребыванiя. Впрочемъ, души являются на поминальные обѣды и послѣ 40 дней. Душа скупаго на томъ свѣтѣ алчетъ и жаждетъ, а души праведниковъ имѣютъ во всемъ изобилiе. Есть адъ вѣчный, есть и временный; онъ подъ землею, въ немъ мракъ, души грѣшниковъ питаются тамъ пепломъ. Рай—это зеленый садъ, по которому течетъ рѣка. На томъ свѣтѣ мужъ не узнаетъ жены и наоборотъ, а родичей и знакомыхъ душа узнаетъ. Отецъ и мать не узнаютъ своихъ дѣтей, а крестные—узнаютъ. Тамъ души не разговариваютъ между собою. Весьма интересны разсказы „замиравшихъ“ старухъ, т. е. бывшихъ въ долгомъ обморокѣ, или въ летаргическомъ снѣ. Они приводятся у г. Иванова въ подлинникѣ, равно какъ не менѣе любопытные разсказы крестьянъ о явленiи мертвецовъ. Всѣ эти разсказы дополняются въ сообщенiи г. Иванова нѣсколькими „плачами“ по покойникахъ, записанными со словъ купянскихъ крестьянъ.

Изложивъ предъ слушателями всѣ сообщенiя г. Иванова, Ор. Ѳ. Миллеръ взвѣсилъ ихъ относительныя научныя достоинства, указалъ, что̀ въ этихъ сообщенiяхъ встрѣчается новаго, доселѣ неизвѣстнаго, и, сопоставивъ

это новое съ прежнимъ запасомъ нашихъ свѣдѣній о русскомъ народномъ міросозерцаніи, призналъ вновь собранные г. Ивановымъ матеріалы въ высшей степени любопытными и важными для характеристики южно-русскаго крестьянства. Свою рѣчь Ор. Ѳ. Миллеръ закончилъ напоминаніемъ, что духовная природа русскаго человѣка, его завѣтные, высшіе идеалы нигдѣ, однако, не выражаются такъ полно и ясно, какъ въ былевомъ, богатыркомъ эпосѣ.

II.

Протоколъ засѣданія, 13 августа, вечеромъ, по VI отдѣленію,--памятниковъ славяно-русскаго языка и письма, подъ предсѣдательствомъ Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскаго.

1. *А. И. Кирпичниковъ* сообщилъ о своихъ поискахъ въ грехъ библіотекахъ на островѣ Халки. Референту удалось найти въ нихъ нѣсколько греческихъ апокрифовъ (одинъ изъ нихъ—сказаніе о поставленіи въ іереи Христа и два--сказанія о жизни Богоматери), πίναξ по древней исторіи, иллюстрированный множествомъ изображеній, двѣ рукописи романа о Варлаамѣ и Іоасафѣ. Къ сообщенію о содержаніи найденныхъ на островѣ Халки рукописей, А. И. Кирпичниковъ прибавилъ нѣсколько замѣчаній о составѣ греческихъ книгохранилищъ и объ иностранномъ (греческомъ и славянскомъ) элементѣ въ народномъ греческомъ языкѣ Константинополя.

2. *Н. Ѳ. Красносельцевъ* посвятилъ свой рефератъ одной изъ рукописей Соловецкой библіотеки—Чиновнику Архангельскаго Спасскаго собора, писанному около 1725 года. По словамъ референта, этотъ Чиновникъ имѣетъ значительныя иазмѣчательныя особенности сравнительно съ извѣстными Чиновниками Московскаго Успенскаго и Новгородскаго Софійскаго соборовъ. Онъ начинается историческимъ повѣствованіемъ объ учрежденіи Холмогорской епархіи и разсказомъ о хиротоніи, встрѣчѣ и первыхъ распоряженіяхъ архіепископа Аѳанасія въ Холмогорахъ. Затѣмъ слѣдуетъ самый Чиновникъ или описаніе особенностей архіерейскаго служенія въ разные дни церковнаго года съ замѣчаніями о разныхъ мѣстныхъ обстоятельствахъ,

влiявшихъ на то, или иное измѣненiе ихъ. Далѣе слѣдуютъ „выписки вкратцѣ“—церковная лѣтопись, посвященная описанiю обстоятельствъ жизни Аѳанасiя и его преемниковъ до 1723 года, причемъ также сообщаются подробности о пребыванiи Петра I-го въ Холмогорахъ и Архангельскѣ. Многое какъ въ этой лѣтописи, такъ и въ самомъ Чиновникѣ можетъ имѣть значенiе для исторiи не только церковно-литургической обрядности, но и вообще русской обрядности и быта. Сверхъ того, Архангельскiй Чиновникъ имѣетъ значенiе какъ памятникъ, хотя и богослужебный, но оригинальный русскiй. Содержащiяся въ немъ описанiя, будучи сходны по содержанiю съ описанiями другихъ Чиновниковъ, отличны отъ нихъ по изложенiю. Языкъ его отличается отъ обыкновеннаго языка богослужебныхъ книгъ и строй его совершенно русскiй, такъ что струя народной рѣчи пробивается въ немъ сильно, что даетъ возможность наблюсти даже нѣкоторыя особенности мѣстнаго говора; напримѣръ, свѣча называется въ Чиновникѣ нерѣдко „ослопною“.

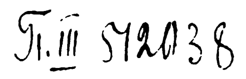
3. *М. И. Соколовъ* занялся разсмотрѣнiемъ вопроса о тождествѣ болгарскаго попа Iеремiи съ болгарскимъ же попомъ Богомиломъ. Приведя свидѣтельства Погодинскаго Номоканона и позднѣйшихъ списковъ статьи о книгахъ истинныхъ и ложныхъ, а также посланiя нѣкоего Аѳанасiя къ Панку о лживыхъ писанiяхъ Iеремiи и указавъ на то, что этотъ послѣднiй обыкновенно отождествляется съ распространителемъ богомильства въ X вѣкѣ попомъ Богомиломъ, референтъ сообщилъ о найденномъ имъ спискѣ приписываемыхъ Iеремiи сочиненiй, это—пергаменный сербскiй сборникъ XIII вѣка, принадлежащiй проф. Сречковичу и содержащiй въ себѣ также нѣсколько произведенiй или неизвѣстныхъ доселѣ, или извѣстныхъ въ позднихъ спискахъ и редакцiяхъ: суевѣрные молитвы и заговоры, статьи гадательныя („указанiе чисмене“, „число псалтирьно“) и астрологическiя (громникъ, колядникъ, добрые и злые дни и т. п.), сказанiе о чудѣ св. Георгiя, „Чтенiе св. Варуха“, апокрифическое „Откровенiе 12 апостоловъ“, настаивающiе на почитанiи недѣли, середы и пятницы, слово Меѳодiя Патарскаго, пророчества прор. Данiила и Исаiи, говорящiя о судьбахъ Константинополя и разныхъ народовъ, извлеченiя изъ Патериковъ, изъ сборниковъ въ родѣ Пчелы, поученiя, между

прочимъ, Кирилла Туровскаго. По мнѣнію референта, приписываемыя Іереміи произведенія не имѣютъ никакой связи съ ученіемъ богомиловъ, какъ оно излагается Козмою пресвитеромъ; напротивъ того въ нихъ есть немало противнаго богомильскому вѣроученію, почему вопросъ о тождествѣ Іереміи съ Богомиломъ долженъ быть рѣшенъ отрицательно. По прочтеніи этого реферата, И. В. Ягичъ сообщилъ свое согласіе съ мнѣніемъ М. И. Соколова и прибавилъ, что онъ разрѣшалъ поставленный имъ вопросъ отрицательно въ своихъ лекціяхъ въ Петербургскомъ и Вѣнскомъ университетахъ.

4. *А. И. Соболевскій* прочелъ рефератъ о томъ, кто былъ первый русскій библіографъ. Первый русскій библіографическій трудъ—„Оглавленіе книгъ, кто ихъ сложилъ", было приписано Ундольскимъ Сильвестру Медвѣдеву единственно на основаніи сходства въ почеркахъ „Оглавленія" и черновыхъ писемъ Медвѣдева, но, по мнѣнію референта, сходство между этими двумя почерками мнимое. То обстоятельство, что „Оглавленіе" должно быть относимо ко времени не позже 1666 года (въ немъ не упоминается печатныхъ книгъ этого года и послѣдующихъ) и что въ немъ нѣтъ упоминанія о Симеонѣ Полоцкомъ, препятствуетъ считать это произведеніе принадлежащимъ перу Медвѣдева. Употребленіе такъ называемыхъ „бѣлорусскихъ" словъ въ родѣ *друкъ*, *предмова*, греческія слова въ родѣ *вивлія, анепсій*, новыя слова *Ромъ* вм. *Римъ*, *ромскій* вм. *римскій*, особенное обиліе подробностей объ Епифаніи Славинецкомъ, наконецъ сходство почерка „Оглавленія" съ почеркомъ Епифанія показываютъ, что составителемъ „Оглавленія" былъ не кто иной, какъ Епифаній.

Печатано съ разрѣшенія Предсѣдателя VII Археологическаго Съѣзда, 17 августа 1887 года.

Ярославль. 1887 года. Въ Тип. Губ. Правл.

ИЗВѢСТІЯ

о занятіяхъ

СЕДЬМАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА

ВЪ ЯРОСЛАВЛѢ.

№ 10.

I.

Протоколъ засѣданія, 14 августа утромъ, по VIII *отдѣленію древностей восточныхъ*, подъ предсѣдательствомъ М. Н. Бережкова.

1. Секретарь отдѣленія *М. В. Никольскій*, въ своемъ докладѣ: „О средствахъ къ поднятію археологіи архаическаго востока въ Россіи", указалъ прежде всего на то печальное явленіе, что изъ всѣхъ отраслей археологіи только археологія архаическаго востока совсѣмъ не получила развитія; какъ въ учебникахъ, такъ и литературѣ почти совсѣмъ игнорируются послѣднія открытія въ Египтѣ, Холусѣ, Ассиріи и другихъ странахъ древняго востока и древностей этого рода въ нашихъ музеяхъ совсѣмь нѣтъ. Изложивъ затѣмъ результаты послѣднихъ открытій, измѣнившіе вполнѣ прежнее представленіе о востокѣ и его исторіи, референтъ указалъ на то, что западная наука обязана этими успѣхами прежде всего и главнѣе всего дипломатическимъ агентамъ на востокѣ. Переходя затѣмъ къ вопросу о причинахъ слабаго развитія у насъ интересовъ къ этому дѣлу, онъ выразилъ мнѣніе, что этихъ причинъ надобно искать въ слабомъ развитіи у насъ тѣхъ архаическихъ наукъ, которыя входятъ въ составъ такъ называемой *библейской археологіи*, тогда какъ на

западѣ широкое научное изученіе Библіи Ветхаго Завѣта и семитскихъ литературъ вызывало и поддерживало эти интересы. Находя, что и русская наука, по тѣсной связи Россіи съ востокомъ, должна вступить въ конкурренцію съ западною въ дѣлѣ добыванія и изслѣдованія древностей архаическаго востока, референтъ считаетъ желательнымъ— кромѣ болѣе широкой постановки языковъ я литературы архаическаго востока въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ —привлеченіе русскихъ дипломатическихъ агентовъ на востокѣ къ дѣлу пріобрѣтенія древностей и покровительство имъ въ этомъ дѣлѣ нашего правительства.

Е. М. Гаршинъ сообщилъ по поводу сего, что Императорское Русское Археологическое Общество обращалось съ подобнымъ приглашеніемъ къ дипломатическимъ агентамъ на востокѣ, на которое, насколько ему извѣстно, они уже откликнулись. Что же касается до учебниковъ по исторіи древняго востока, то онъ считалъ бы обязанностію спеціалистовъ по изслѣдованію памятниковъ древняго востока сдѣлать опытъ ихъ составленія.

Предсѣдатель отдѣленія *Н. И. Веселовскій* замѣтилъ, что наши дипломаты старой школы, какъ Ханыковъ, баронъ Боде, Жаба, Базили и другіе пользуются за свои сочиненія и излѣдованія громкою извѣстностію въ ученомъ мірѣ, какъ у насъ, такъ и за границей; но преемники ихъ въ западной Азіи дѣйствительно обнаруживаютъ какое-то равнодушіе къ интересамъ русской науки и только въ самое послѣднее время замѣчается поворотъ къ лучшему и надо надѣяться, что наши дипломаты снова проявятъ свою дѣятельность въ сферѣ науки.

Почетный Предсѣдатель *Н. М. Бережковъ* въ заключеніе выразилъ надежду, что библейская археологія въ связи съ ассиріологіей, египтологіей и другими науками, тѣсно съ нею связанными, получитъ въ недалекомъ будущемъ широкое развитіе въ нашемъ отечествѣ и подниметъ интересъ и къ памятникамъ архаическаго востока.

2. *В. Ѳ. Миллеръ* сообщилъ рефератъ: „*О происхожденіи и языкѣ кавказскихъ евреевъ*“. Въ началѣ сообщенія референтъ сдѣлалъ оговорку, что имѣетъ въ виду не всѣхъ евреевъ вообще, живущихъ на Кавказѣ, а евреевъ горцевъ, называемыхъ по татарски Дагъ (гора) Чуфутъ (еврей), говорящихъ иранскимъ языкомъ и живущихъ

главнымъ образомъ въ Дагестанѣ, въ Елисаветпольской и Бакинской губерніяхъ и въ нѣсколькихъ аулахъ областей Терской и Кубанской. Сообщивъ затѣмъ о своемъ первомъ знакомствѣ съ евреями на Кавказѣ въ 1883 году, о своихъ изслѣдованіяхъ по ихъ языку въ 1886 году, референтъ привелъ рядъ указаній, свидѣтельствующихъ о томъ, что число евреевъ на восточномъ Кавказѣ, не превышающее въ настоящее время 15 или 16 тысячъ душъ, было гораздо значительнѣе еще 200, 300 лѣтъ тому назадъ. О послѣднемъ фактѣ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, свѣдѣніе, сообщаемое въ 1690 году Витсеномъ, что въ селеніи Бойнакѣ (въ 40 верстахъ отъ Тарху въ Темиръ-ханъ-шуринскомъ округѣ), въ которомъ въ настоящее время считается 15 *дымовъ* евреевъ, евреи въ его время жили тысячами. Объ этомъ говорятъ и многочисленныя топографическія названія въ Дагестанѣ, сохраняющія воспоминаніе объ евреяхъ, нѣкогда здѣсь жившихъ (Чуфутъ-тебэ—еврейскій холмъ, Чуфутъ-кабуръ—еврейское кладбище и т. п.). Доказательствомъ тому, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Дагестана Исламъ вытѣснилъ религію Моисея, можетъ служить и то, что въ нѣкоторыхъ мусульманскихъ аулахъ, производящихъ себя отъ евреевъ, до сихъ поръ хранятся еврейскія книги, какъ святыни, и даже въ мечетяхъ.

Восходя къ болѣе древнимъ временамъ, референтъ привелъ затѣмъ рядъ указаній восточныхъ писателей, свидѣтельствующихъ о томъ, что религія Моисея пользовалась на восточномъ Кавказѣ значительнымъ распространеніемъ и существовала въ этой области раньше перваго появленія арабовъ, т. е. начала VIII столѣтія. Таковы свидѣтельства Дербендъ-Намэ, Масуди, Ибнъ-Хаукала и друг. Есть основаніе думать, что именно въ Дагестанѣ рано укоренившееся іудейство повліяло на покорившихъ Дагестанъ хазаръ и вызвало принятіе религіи Моисея Каганомъ и высшимъ классомъ хазарскаго царства. Впослѣдствіи число евреевъ въ хазарскихъ городахъ умножалось не только выходцами съ Кавказа, но и изъ многихъ другихъ странъ, особенно вслѣдствіе гоненій, воздвигнутыхъ на нихъ нѣкоторыми византійскими императорами (Левъ Исаврійскій, Романъ).

Переходя къ вопросу откуда явились евреи на восточномъ Кавказѣ, референтъ привелъ распространенное

среди кавказскихъ евреевъ убѣжденіе, что они потомки израильтянъ, выведенныхъ ассирійскими царями изъ родины. Въ IV книгѣ царствъ дѣйствительно говорится о поселеніи евреевъ въ горахъ *Мидіи* ассирійскимъ царемъ Салманассаромъ, а Мидія (именно область Адербейджанъ) является родиной Кавказскихъ евреевъ. О существованіи евреевъ, именно колѣна Исахарова, въ этихъ мѣстахъ говоритъ, между прочимъ, еврейскій путешественникъ IX вѣка Эльдадъ га-Дани, причемъ упоминаетъ, что это колѣно говоритъ, кромѣ священнаго языка, еще на языкахъ Персидскомъ и Кедарскомъ (тюркскомъ, по объясненіи г. Гаркави).

Переходя затѣмъ къ характеристикѣ современнаго языка горскихъ евреевъ, референтъ указалъ на то, что въ строеніи и типѣ этотъ языкъ содержитъ яркіе слѣды той области, въ которой былъ въ употребленіи, именно Адербейджана. Языкъ кавказскихъ евреевъ, по словамъ референта, могъ возникнуть именно въ странѣ, гдѣ смѣшиваются этническіе элементы: иранскій, семитскій и тюркскій. Это—иранское нарѣчіе, произносимое семитскимъ горломъ и построенное отчасти фонетически, отчасти синтактически на тюркскій ладъ. Для доказательства этой мысли, референтъ коснулся фонетики изслѣдуемаго языка, опредѣлилъ его отношеніе къ ново-персидскому и указалъ на отразившееся на немъ семитское и тюркское вліяніе. Въ заключеніе референтъ сообщилъ, что этотъ языкъ весьма близокъ къ иранскому нарѣчію *тати*, распространенному доселѣ въ области Баку, на Апшеронскомъ полуостровѣ, въ Табасаранскомъ округѣ и въ нѣкоторыхъ селеніяхъ сѣверной Персіи.

М. В. Никольскій, по поводу выраженнаго В. Ѳ. Миллеромъ мнѣнія, что кавказскіе евреи потомки тѣхъ, которые были отведены въ плѣнъ Салманассаромъ, замѣтилъ, что для рѣшенія этого вопроса важно знать, насколько присуще имъ то сознаніе обособленности племянной и религіозной, какимъ всегда были проникнуты остальные евреи въ разсѣяніи, такъ какъ эта обособленность могла получить форму позднѣйшаго юдаизма только по возвращеніи евреевъ изъ плѣна въ Палестину, равно также важно было бы знать, какія библейскія книги они употребляютъ, такъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ явились также послѣ плѣна. На это референтъ отвѣчалъ, что они

не чужды обособленности не только по отношенiи къ другимъ народамъ, но даже и къ европейскимъ евреямъ, къ которымъ они относятся непрiязненно, хотя употребляютъ тѣже библейскiя книги, какiя и остальные евреи. Референтъ находитъ возможнымъ, что они могли въ послѣдствiи путемъ сношенiй усвоить позднѣйшiе взгляды iудейства и воспользоваться позднѣйшими плодами его развитiя.

3. Предсѣдатель отдѣленiя *Н. И. Веселовскiй* въ рефератѣ своемъ „О надгробномъ памятникѣ Тимура (Тамерлана) въ г. Самаркандѣ" сообщилъ нѣсколько свѣдѣнiй о самаркандскихъ мечетяхъ, воздвигнутыхъ, какъ самимъ Тимуромъ, такъ и внукомъ его Улугъ-Бекомъ: Шахъзиндэ, Ширъ-даръ, Бибиханымъ, Тиллякари и Гуръ-эмиръ. Въ послѣдней и похороненъ Тимуръ. Памятниковъ его два: одинъ въ нижнемъ склепѣ надъ могилою, другой въ мечети, нефритовый, поставленный мирзой Улугъ Бекомъ въ его царствованiе. На обоихъ указанъ годъ смерти Тимура, 14 шаабана 807 (1405) года, и приведена его родословная отъ Чингизъ-хана. Послѣднее обстоятельство референтъ и опровергалъ цѣлымъ рядомъ соображенiй. Тимуръ постоянно носилъ титулъ „зятя" (гуреканъ), т. е породнившагося путемъ брака съ царскимъ домомъ, въ чемъ ему не представлялось бы надобности, если бы онъ былъ дѣйствительно Чингизидъ. Не было бы ему надобности и укрываться за Чингизидовъ, Сююргатмыша и Махмуда, которыхъ возводилъ онъ на престолъ лишь только для виду. Измышленiя въ этой родословной идутъ такъ далеко, что нѣкоторые предки Чингизъ-хана имѣютъ титулъ эмировъ, тотъ титулъ, который носили халифы. Референтъ высказалъ предположенiе, что эта родословная сочинена при участiи самого Тимура, который очень заботился о своей репутацiи въ потомствѣ и для котораго такая громкая генеалогiя могла имѣть важное значенiе, чтобы упрочиться на престолѣ и передать его своимъ дѣтямъ. Къ этому заключенiю даетъ поводъ и памятникъ надъ могилою сына Тимурова Миранъ-шаха, умершаго раньше отца. На этомъ памятникѣ помѣщена, не безъ вѣдома Тимура, конечно, таже самая генеалогiя и она представлялась составителямъ такою важною, что они забыли даже упомянуть самое существенное: годъ смерти Миранъ-шаха.

На вопросъ М. В. Никольскаго, былъ ли Тимуръ монголъ по происхожденію, Н. И. Веселовскій отвѣчалъ, что у историковъ нѣтъ объ этомъ опредѣленныхъ свѣдѣній, такъ какъ Тимуръ является выскочкой и происхожденіе его неизвѣстно.

4. Докладъ *С. С. Слуцкаго* „О надгробныхъ семирѣченскихъ надписяхъ", за отсутствіемъ референта, былъ прочтенъ М. В. Никольскимъ. Авторъ представилъ краткій выводъ своихъ изслѣдованій принадлежащаго Московскому Археологическому Обществу матеріала, состоящаго изъ 5 надгробныхъ камней и 305 снимковъ съ надписей съ подобныхъ камней, найденныхъ на двухъ несторіанскихъ кладбищахъ въ Семирѣченской области, близъ г. Пичинска и селенія Токмака. Сообщивъ краткія свѣдѣнія о несторіанахъ въ Средней Азіи по хроникѣ Баргебреуса (Абульфараджъ) и по описаніямъ Плано Карпини, Марко Поло и Рубруквиса (XIII вѣка) и указавъ на то, что въ эпоху Чингизидовъ они благоденствовали и только со времени водворенія въ тѣхъ мѣстахъ господства магометанства и буддизма прекратили свое существованіе, г. Слуцкій указалъ на важность разбираемыхъ надписей, какъ единственнаго вещественнаго и литературнаго источника той эпохи, начиная съ которой мы имѣемъ болѣе подробныя свѣдѣнія, т. е. конца XIII и начала XIV вѣковъ по Р. Х. Указавъ затѣмъ на заслуги лицъ, участвовавшихъ въ открытіи и разработкѣ этихъ памятниковъ, г. Слуцкій переступаетъ къ описанію самыхъ памятниковъ. Особенное вниманіе онъ обращаетъ на положеніе надписи въ отношеніи къ кресту: судя по тому, что многія надписи имѣютъ исключительно вертикальное направленіе, а также по надписи № 160, гдѣ изображены два креста, г. Слуцкій приходитъ къ заключенію, что эти надписи подтверждаютъ древнія свидѣтельства, что сирійцы писали въ древности вертикально, а не горизонтально. По мнѣнію докладчика М. В. Никольскаго, этотъ выводъ подтверждается полученными во время Съѣзда новыми снимками съ Токмакскихъ надписей. Обративъ затѣмъ вниманіе на точную классификацію г. Слуцкаго надгробій и упоминаемыхъ въ нихъ лицъ по именамъ, возрасту, полу, общественному положенію и т. п., М. В. Никольскій указалъ далѣе на совершенно новыя наблюденія г. Слуцкаго относительно языка и шрифта надписей, исправляющія частью ошибки

проф. Хвольсона; въ особенности же обратилъ вниманіе г. Никольскій на составленную референтомъ таблицу шрифта Семирѣченскихъ надписей, которая можетъ быть превосходнымъ руководствомъ для послѣдующихъ излѣдователей этихъ памятниковъ.

Н. И. Барсовъ, основываясь на высказанномъ ему проф. Хвольсономъ въ засѣданіи Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества мнѣніи, что въ надписяхъ нѣтъ прямаго указанія на то, что они принадлежатъ несторіанамъ, выразилъ свое сомнѣніе въ несторіанскомъ ихъ происхожденіи, на что М. В. Никольскій отвѣчалъ, что, хотя несторіане и не названы въ надписяхъ и въ послѣднихъ нѣтъ указанія на ихъ вѣроученіе, тѣмъ не менѣе несомнѣнныя признаки несторіанства имѣются и въ содержаніи надписей (въ особенности указаніе на то, что епископы надгробій могли вступать въ бракъ), каковыя указанія въ связи съ свидѣтельствомъ путешественниковъ того времени, которые находили въ средней Азіи только несторіанъ, какъ представителей восточнаго христіанства, исключаютъ всякое сомнѣніе въ принадлежности Семирѣченскихъ надписей несторіанамъ. Къ этому г. Никольскій присовокупилъ замѣчаніе, что христіанство и не могло проникнуть въсреднюю Азію въ формѣ чистаго православія, такъ какъ въ эпоху Сассанидовъ въ Персіи, чрезъ которую только и могло достигнуть туда христіанство, греческое православіе преслѣдовалось и не имѣло послѣдователей, между тѣмъ какъ несторіанство процвѣтало.

II.

Протоколъ засѣданія, 14 августа вечеромъ, по III отдѣленію памятниковъ древняго русскаго искусства, подъ предсѣдательствомъ Н. Ѳ. Красносельцева.

В. В. Грязновъ прочиталъ рефератъ: „О древнихъ церквахъ сѣверо-западнаго края". Первыя христіанскія церкви въ сѣверо-западномъ краѣ, по словамъ референта, ничѣмъ не отличались отъ прочихъ церквей древней Россіи; такъ было, по крайней мѣрѣ, до опустошительнаго татарскаго нашествія 1240 г., послѣ котораго Польша заполоняетъ этотъ разворенный край. Одной изъ древнѣй-

шихъ церквей въ сѣверо-западномъ краѣ является *Коложанская* близь Гродно, на берегу Нѣмана. Она претерпѣла на своемъ вѣку страшныя бѣдствія отъ татаръ, литвы, ливонцевъ и поляковъ. Между прочимъ, Иванъ Грозный устроилъ на ней батарею, когда громилъ Гродно; тоже сдѣлалъ Карлъ XII. Этотъ храмъ, уцѣлѣвшій до нашего времени, не смотря на вѣковыя бѣдствія,—рухнулъ въ Нѣманъ въ недавнее время.

По своему стилю и плану Коложанская церковь сходна съ Кіевскими церквами: Кирилловской и Михайловско-Златоверхой. Та-же кладка и такіе-же точно кирпичи, какъ въ Васильевской. Стѣны Коложанской церкви имѣютъ 1 арш. 14 верш. толщины, ширина внутреннихъ проходовъ, ведущихъ на хоры и въ надалтарные тайники, $9\frac{1}{2}$ верш. Стѣны церкви убраны снаружи разноцвѣтными изразцами: синими, зелеными, желтыми и липючими (вѣроятно, красными), расположенными въ видѣ крестовъ; кромѣ того, какъ снаружи, такъ и изнутри, имѣются пилястры, закругленные ребра которыхъ сдѣланы изъ лекальнаго кирпича; пилястры эти переложены плитнякомъ. Церковь была въ древности покрыта черепицей, судя по найденнымъ въ срединѣ церкви, на глубинѣ одного метра, образчикамъ.

Внутреннее пространство церкви, безъ алтаря, около 310 кв. арш., ширина $15\frac{1}{2}$ арш.

Внутри церкви въ стѣнахъ множество голосниковъ, расположенныхъ горизонтальными рядами въ шахматномъ порядкѣ, на разстояніи одинъ отъ другаго на 7 верш., горизонтальные же ряды отстоятъ одинъ отъ другаго на 8 верш.

Столбовъ въ храмѣ четыре: два изъ нихъ четырехгранной формы находятся у алтаря и отчасти поддерживаютъ его своды; другіе два, по срединѣ храма, цилиндрической формы. На цилиндрической части столба находится толстая плита съ срѣзанными углами, въ видѣ неправильно-сторонняго многогранника, на плиту опирается четырехгранная часть столба, образующая пяту подпружныхъ арокъ. Діаметръ столбовъ $1\frac{3}{4}$ аршина; кладка изъ кирпича—„тычкомъ“. Стѣны были покрыты фресками, часть которыхъ, а именно два ангела, луна и солнце были случайно открыты въ 1870 годахъ.

На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ слѣдуетъ заклю-

чить, что Коложаьскій храмъ построенъ *не позже* XII столѣтія, а можетъ быть и ранѣе. Отъ XIII столѣтія не осталось ничего въ строительномъ отношеніи, если не считать башни вт Каменецъ-Литовскомъ, близъ города Берестья (Бреста), построенной Великомъ Княземъ Владиміромъ Васильковичемъ (1272—1283 годахъ Владим. Волынск.). Первая половина XIV вѣка счастливѣе в этомъ отношеніи. Въ г. Вильнѣ воздвигнуто было многъ кирпичныхъ церквей, первою изъ нихъ была церково *Пятницкая*. Изъ надписи на плитѣ, уцѣлѣвшей на стѣнѣь видно, что церковь построена въ 1345 году. По свидѣтельств, пословъ отъ крестоносцевъ, прибывшихъ къ Ольгерду ву 1587 году, она была сходна съ другими русскими церъ квами Кіевскими и Новгородскими и имѣла *палати* или хоры для помѣщенія женщинъ; въ то время она была придворною. Въ 1864 году отъ нея оставалась толькоодна стѣна. Способъ кладки Пятницкой церкви иной, нежели въ Коложанской, а именно: изъ одного только крупнаго кирпича, длиною каждый 9 верш., шириною $4^{1}/_{2}$ верш., а толщиною $1^{3}/_{4}$ верш., при толщинѣ швовъ въ $^{1}/_{3}$ верш. Планъ ея напоминаетъ планъ церкви св. Лазаря въ Новгородѣ.

Вторымъ каменнымъ храмомъ въ Вильнѣ былъ Успенскій соборъ, построенный въ 1348 году Ольгердомъ, былъ сооруженъ, по преданію, Кіевскими мастерами по образцу св. Софіи Кіевской. Храмъ этотъ былъ раскопанъ и возобновленъ въ 1864 году, причемъ оказалось, что планъ его представлялъ собою квадратъ 16 саж. 2 арш въ сторонѣ съ тремя алтарями, выступающими на 4 саж.; внутри его, немного ближе къ алтарю, помѣщались четыре громадныхъ крестообразныхъ въ планѣ пилона, поддерживавшіе средній куполъ. На юго-восточномъ углу зданія уцѣлѣла башня для хода на верхъ съ древними кирпичными узорами на фасадѣ.

Затѣмъ въ XIV вѣкѣ является новый видъ церквей. Храмы крѣпости: таковы, напр., Малосюжайновская церковь, которая представляетъ квадратъ въ планѣ, съ четырьмя пилонами по срединѣ и одной алтарной абгидой; по угламъ ея расположены четыре башни, по верху ея идетъ карнизъ съ бойницами, а входъ въ нее замыкался не только деревянными дверьми, но даже желѣзнымъ дернымъ щитомъ, который опускался на цѣпяхъ. Толщина стѣнъ отъ 2 арш. 12 верш. до 3 арш. 8 верш.

Наконецъ къ началу того-же XIV вѣка (1503 г.) относится храмъ Супральскаго монастыря, основаннаго митрополитомъ Іосифомъ Солтаномъ съ помощью князей Ходкевичей. Стѣны этой церкви, за исключеніемъ купола, гдѣ было видно изображеніе Іисуса Христа со славянскою надписью во кругъ, были заштукатурены. Изображеніе Христа въ куполѣ прямо указываетъ на то, что стѣны храма были нѣкогда расписаны фресками и развѣдки предпринятыя докладчикомъ подтвердили справедливость этого предположенія; имъ было открыто нѣсколько фресокъ византійскаго стиля и, между прочимъ. Вознесеніе Господне дословно сходное съ такимъ же изображеніемъ на миніатюрѣ Гелатскаго евангелія, изданнаго недавно г Покровскимъ.

Кромѣ того въ соборѣ уцѣлѣлъ еще рядъ старинныхъ образовъ, писанныхъ на мѣдныхъ доскахъ, изъ которыхъ нѣкоторыя достигаютъ до 3 аршинъ длины.

Что касается до щипцовъ на лицевомъ фасадѣ и вѣнчанія башенъ въ церквахъ-крѣпостяхъ, то все это позднѣйшія католическія передѣлки: одно древнее изображеніе показываетъ, что церкви эти имѣли по пяти куполовъ шлемообразной (не луковичной) формы, изъ коихъ одинъ былъ по рединѣ, а угловые—на башняхъ.

Въ заключеніе докладчикъ объяснилъ, почему, къ счастъю, наши православныя церкви дошли до насъ въ такомъ неизмѣненномъ видѣ, тогда какъ католическія недошли. Причиной этого является указъ, изданный въ XV вѣкѣ королемъ Казиміромъ Ягайловичемъ, воспрещавшій не только вновь строить, но даже поправлять и передѣлывать православные храмы безъ личнаго королевскаго разрѣшенія, а чтобы добиться этого разрѣшенія, надо было сперва уплатить канцлеру 200—300 червонцевъ, сумму не мыслимую для тогдашнихъ бѣдныхъ православныхъ храмовъ сѣверо-западнаго края.

Послѣ г. Грязнова, *А. А. Гатцукъ* читалъ рефератъ: „*Иконы св. Николая, Можайскаго типа*“. Указавъ, что въ Россіи существуетъ два типа изображеній св. Николая епископа Миръ-ликійскаго: типъ византійскій (корсунскій)—изображающій святителя по поясъ, съ Евангеліемъ въ лѣвой рукѣ и съ благословляющею правой рукой и типъ, такъ называемый, можайскій, совершенно отличный отъ перваго, референтъ выяснилъ отличитель-

ныя черты послѣдняго типа. Можайскій типъ изображаетъ Святителя во весь ростъ, въ простой фелони, или подрясникѣ, съ немногими признаками святительскаго одѣянія. Въ лицѣ—ни малѣйшаго сходства съ корсунскимъ: борода клинообразная, волосы подстрижены въ скобку. Въ правой рукѣ Святителя мечъ, въ лѣвой храмъ. Выраженіе лица строгое, даже суровое. По мнѣнію референта, типъ этотъ есть произведеніе чисто русскаго творчества, безъ всякаго вліянія Византіи. Такое изображеніе св. Николая появилось въ средней Россіи, въ странѣ древнихъ Вятичей, въ XII—XIII вѣкахъ, т. е. во время проникновенія сюда христіанства, значительно послѣ мученической кончины здѣсь апостола Вятичей преподобнаго Кукши съ ученикомъ. Изображенія этого типа почти одновременно появились во многихъ мѣстахъ средней Россіи, а не въ одномъ Можайскѣ; названіе же „Можайскій“ усвоено этому типу потому лишь, что съ такими изображеніями въ Можайскѣ раньше ознакомилась Москва, къ которой Можайское княжество присоединилось въ 1303 году.

Почитаніе иконы Можайскаго типа особенно распространено около Москвы и, вообще, всюду, гдѣ живо еще чувствуются начала древней Московской Руси, въ основаніе которой легло именно племя Вятичей.

Говоря вообще о степени почитанія въ средней Россіи св. Николая, референтъ сообщилъ признаки обожанія его и сдѣлалъ предположеніе что типъ Можайскаго Николая есть простое перерожденіе главнаго древнаго божества Вятичей, имя котораго осталось неизвѣстнымъ, но свойства котораго легко востановляются изъ остатковъ древняго народнаго эпоса. Это, вѣроятно, былъ тотъ же Сварожичъ балтійскихъ славянъ, или Дажьбогъ русскихъ, или неизвѣстный Макошь.

До-христіанскій типъ этого образа легко возстановить (даже, вѣроятно, можно еще найти почти цѣликомъ сохранившійся), равно какъ и прослѣдить перерожденія его подъ вліяніемъ корсунскаго типа и требованій христіанства.

Иконы св. Николая Можайскаго типа до конца XVII вѣка были исключительно рѣзныя изъ дерева, сначала *въ видѣ статуй*, потомъ въ видѣ высокихъ горельефовъ и простыхъ рельефовъ. Только съ XVIII вѣка начинаютъ появляться изображенія Можайскаго типа живописныя.

Реферат г. Гатцука вызвалъ замѣчанія Н. Д. Квашнина-Самарина, Н. В. Покровскаго и А. И. Кирпичникова, которые указали референту на то, что его утвержденія не находятъ достаточной опоры въ соотвѣтственныхъ историческихъ данныхъ, и что вообщевопросъ, поднятый референтомъ, не разработанъ имъ съ надлежащей полнотой.

Печатано съ разрѣшенія Предсѣдателя VII Археологическаго Съѣзда.

Ярославль. 1887 года. Въ Тип. Губ. Правл.

ИЗВѢСТІЯ

о занятіяхъ

СЕДЬМАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА

ВЪ ЯРОСЛАВЛѢ.

№ 11.

I.

Протоколъ засѣданія, 16 августа утромъ, по VIII отдѣленію *древностей восточныхъ*—подъ предсѣдательствомъ А. Л. Смирнова за отсутствіемъ почетнаго предсѣдателя—академика И. В. Ягича.

А. А. Титовъ, прибывшій въ Ярославль на весьма короткое время, съ согласія предсѣдателя отдѣленія Н. И. Веселовскаго, прочелъ рефератъ: „О раскопкѣ кургановъ въ Ростовскомъ уѣздѣ въ маѣ 1887 года“, не вошедшій въ програму засѣданія отдѣленія. Мѣстность, гдѣ производилась г. Титовымъ раскопка, находится около большихъ Любилковскихъ кургановъ, называемыхъ „Любилковскими городищами“, при дер. Колѣновѣ, Перовской волости, въ 8 вер. отъ г. Петровска. Референтомъ было разрыто 4 кургана, изъ коихъ въ двухъ находились костяки. Изъ вещей были найдены черепки отъ горшковъ, ножикъ, кольце, привѣска, наконечникъ копья и пр.

А. В. Селивановъ доложилъ: „О раскопкахъ внутри текій Шахъ-Али-Хана и Авганъ-Мухаммедъ-Султана въ г. Касимовѣ и о реставраціи означенныхъ памятниковъ“. Сообщивъ кратко о всѣхъ сохранившихся въ г. Касимовѣ магометанскихъ памятникахъ древности и упомянувъ о капитальномъ изслѣдованіи академика Вельяминова-Зернова

о Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ, докладчикъ сдѣлалъ подробное описаніе двухъ изъ этихъ памятниковъ: мавзолея Шахъ-Али-Хана, построеніе котораго относится къ 1555 году, и текія Авганъ-Мухаммедъ-Султана, построенной въ 1649 году. Въ первомъ изъ этихъ зданій находятся гробницы Касимовскаго царя Шахъ-Али-Хана и его семейства, а второе поставлено въ честь сына Ургенджскаго хана Арабъ-Мухаммеда, Авганъ-Мухаммедъ-Султана, прибывшаго въ 1622 году въ Москву и состоявшаго на службѣ у царя Михаила Өеодоровича.

Перейдя, затѣмъ, къ вопросу о предпринятой въ настоящее время реставраціи означенныхъ памятниковъ, на что по Высочайшему повелѣнію ассигновано 1803 руб., докладчикъ познакомилъ Съѣздъ съ исторіей этаго вопроса, возникшаго по ходатайству мѣстнаго Ахуна Касимовской соборной мечети Девлекамова въ 1883 году и при участіи Рязанской Ученой Архивной Коммиссіи.

Въ заключеніе своего реферата, докладчикъ сообщилъ о произведенныхъ имъ внутри текій Авгана и Шахъ-Алія раскопкахъ, которыя привели къ интереснымъ открытіямъ, а именно—въ первой изъ этихъ текій были найдены три надгробныхъ камня, покрытыхъ красивыми арабесками и надписями на татарскомъ языкѣ. Эти надписи, прочитанныя профессоромъ Московскаго Университета Ө. Е. Коршемъ, бросаютъ свѣтъ на генеологію лицъ, погребенныхъ внутри текіи и сообщаютъ интересныя указанія о времени построенія памятниковъ и стоимости ихъ. Что же касается текіи Шахъ-Али-Хана, то при раскопкахъ въ подвальномъ помѣщеніи ея найдены были кости, сложенныя въ одну яму, и значительное количество уцѣлѣвшихъ лоскутовъ разнаго рода тканей.

А. М. Павлиновъ, представивъ свои соображенія относительно реставраціи обоихъ памятниковъ, лично имъ виденныхъ года 4 тому назадъ, замѣтилъ, что эти татарскія постройки имѣютъ типъ русскій и напоминаютъ нижнюю часть церкви Николая Чудотворца въ Столпахъ.

Н. И. Веселовскій, указавъ на то, что по тѣсной связи Россіи съ востокомъ нѣкоторые изъ восточныхъ памятниковъ дороги намъ также, какъ свои родные, напоминая печальное, но благополучно пережитое время татарщины, выразилъ мысль о необходимости сохранить для потомства немногіе оставшіеся татарскіе памятники,

какъ, наприм., Касимовскіе. Лица, подавшія примѣръ этой заботливости, какъ А. В. Селивановъ, заслуживаютъ признательности. По мнѣнію Н. И. Веселовскаго, эти послѣдніе памятники имѣютъ особенное значеніе потому, что Касимовское царство является результатомъ мудрой политики Московскихъ царей, основавшихъ удѣльное татарское царство, чтобы привлечь къ себѣ на службу татарскихъ выходцевъ. Послѣдніе, отдѣленные отъ центра мусульманскаго фанатизма, принимали даже христіанство. И многіе, очень многіе изъ нашихъ вельможъ и бояръ прошли черезъ Касимовъ.

Въ заключеніе Н. И. Веселовскій предложилъ при реставраціи обоихъ памятниковъ оставить уцѣлѣвшую облицовку и не замѣнять недостающіе кирпичи новыми.

И. А. Износковъ предложилъ докладъ: „О болгарскихъ раскопкахъ". Сообщивъ, что о развалинахъ, находящихся близъ с. Болгаръ, Казанской губерніи, докладывалось уже на 1-мъ Археологическомъ Съѣздѣ, при разсмотрѣніи вопроса о сохраненіи памятниковъ древности въ Россіи, референтъ замѣтилъ, что подробное историческое описаніе ихъ находится въ сочиненіи С. М. Шпилевскаго „Древніе города и другіе булгаро-татарскіе памятники въ Казанской губерніи" и въ Трудахъ IV Археологическаго Съѣзда. На этомъ Съѣздѣ былъ выработанъ проектъ ходатайства о мѣрахъ къ сохраненію развалинъ и по ходатайству Съѣзда наиболѣе сохранившіяся развалины переданы въ 1880 году Казанскому Обществу Археологіи, Исторіи и Этнографіи, причемъ на Общество возложено охраненіе ихъ. Остальныя развалины, существовавшія еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія, были вполнѣ разрушены мѣстными крестьянами и искателями кладовъ. Осенью прошедшаго года въ мѣстахъ, гдѣ находились эти развалины, производилъ раскопки г. Растеряевъ. Узнавъ объ этихъ раскопкахъ, Казанское Общество въ нынѣшнемъ году поручило одному изъ своихъ членовъ вести наблюденіе за производимыми раскопками. Подъ руководствомъ этого члена Общества архитекторомъ Ващукомъ (довѣреннымъ г. Растеряева) расчищенъ былъ сохранившійся отъ одного изъ разрушеннаго памятника „Бѣлой Палаты" фундаментъ и подъ каменнымъ поломъ были обнаружены тѣ параллельные каналы, о которыхъ въ своемъ описаніи этой Палаты упоминаетъ Эрдманъ. Референтомъ, вмѣстѣ

сдѣлать описаніе его одному мѣстному учителю; изъ описанія видно, что стѣнъ въ городищѣ нѣтъ, но фундаментъ сохранился.

М. В. Никольскій доложилъ Съѣзду обозрѣніе и отзывъ о сдѣланныхъ въ недавнее время открытіяхъ французскаго консула въ Багдадѣ де Сарзека въ Телло, на мѣстѣ древней Халдеи, причемъ демонстрировалъ снимки найденныхъ памятниковъ, заключающіеся въ 3-хъ вышедшихъ въ свѣтъ выпускахъ французскаго изданія Decouvertes en Chaldee par Ernest de Sarzec. Описавъ подробно остатки найденнаго г. де-Сарзекомъ зданія, составляющаго дворецъ *патеси* или намѣстника города *Сирпурлы* по имени *Гудса*, референтъ остановился на вопросѣ о городѣ, заключавшемъ найденныя развалины, и о времени, когда жилъ Гудса, причемъ выразилъ мнѣніе, что найденный г. де-Сарзекомъ городъ былъ не *Сирпурла*, а другой упоминаемый въ надписяхъ, именно *Гирсу*, эпоху же его можно отнести къ 4-му тысячелѣтію до Р. Х.

Затѣмъ референтъ перешелъ къ произведеніямъ пластики и многочисленнымъ надписямъ, открытымъ де-Сарзекомъ. Нѣкоторыя изъ нихъ не менѣе чѣмъ на тысячелѣтіе древнѣе эпохи Гудса, судя по состоянію искусства и письменъ надписей; другія представляютъ переходную стадію къ эпохѣ Гудса. Послѣдняя представлена главнымъ образомъ 9 діоритовыми статуями безъ головъ и двумя отбитыми головами, принадлежавшими этимъ статуямъ; по мнѣнію референта, искусство находится здѣсь на такой высотѣ, до которой оно никогда не достигало ни въ Халдеи, ни въ Ассиріи Далѣе, референтъ охарактеризовалъ надписи, представилъ транскрипціи и переводъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, и указалъ на то значеніе, какое онѣ имѣютъ для исторіи языка и литературы Халдеевъ.

Въ заключеніе референтъ коснулся вопроса о томъ, къ какой народности принадлежатъ тѣ халдеи, которые представлены настоящими памятниками. Изложивъ коротко нынѣшнее положеніе вопроса о языкѣ древнихъ халдеевъ, онъ выразилъ свое мнѣніе, что древнѣйшіе изъ этихъ памятниковъ написаны на несемитскомъ языкѣ, такъ называемомъ сумеро-аккадійскомъ. Но послѣдній не принадлежитъ къ урало-алтайскимъ, къ семейству которыхъ его относили, а слѣдовательно и самый народъ халдеевъ нѣтъ основаній относить къ урало-алтайскимъ. Объ

этомъ свидѣтельствуютъ, по словамъ г. Никольскаго, кромѣ языка и изображенія ихъ на произведеніяхъ искусства, которыя представляютъ типы, не имѣющіе никакихъ характеристическихъ чертъ туранской расы. Точное рѣшеніе этого вопроса, по мнѣнію референта, принадлежитъ будущему.

Н. А. Толмачевъ представилъ алфавитный списокъ именъ некрещеныхъ чувашъ, составленный по ревизскимъ сказскамъ нѣкоторыхъ селеній Казанской губерніи конца сороковыхъ и начала пятидесятыхъ годовъ. По его мнѣнію, напечатаніе списка является достаточнымъ для выясненія какъ этнографическихъ особенностей чувашъ, такъ и мѣста, которое послѣдніе занимали среди народностей древняго болгарскаго царства.

II.

Протоколъ засѣданія 16 августа вечеромъ, по отдѣленію первобытныхъ древностей, подъ предсѣдательствомъ проф. А. А. Кочубинскаго.

Д. Н. Анучинъ представилъ нѣсколько замѣчаній объ устроенной при Съѣздѣ выставкѣ. Упомянувъ о коллекціяхъ книгъ и рисунковъ, референтъ обратилъ особенное вниманіе Съѣзда на коллекцію фотографическихъ снимковъ съ тверскихъ древностей, представленную А. К. Жазневскимъ, устроителемъ Тверскаго Музея и неутомимымъ изслѣдователемъ мѣстной старины, и на коллекцію фотографій И. Ѳ. Барщевскаго, заключающую въ себѣ около 1500 снимковъ съ памятниковъ древности въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи, и предложилъ Съѣзду выразить этимъ лицамъ искреннюю благодарность за ихъ труды на пользу русской археологіи. (Громкія рукоплесканія). Затѣмъ референтъ перешелъ къ обзору коллекцій по доисторической археологіи, не касаясь тѣхъ, которыя уже были предметомъ рефератовъ и тѣхъ, которыя были собраны для Съѣзда Московскимъ Археологическимъ Обществомъ. Прежде всего референтъ остановился на коллекціяхъ, доставленныхъ Императорскимъ Обществомъ Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, и именно на коллекціяхъ, собранныхъ г. Лыжинымъ (курганы Московскаго уѣзда), г. Горбачевымъ (курганы Бѣльскаго уѣзда, Смоленской губерніи), г. Нефедовымъ (кур-

ганы Владимірской губерніи, Муромскаго и др. уѣздовъ, издѣлья каменнаго вѣка Ветлужскаго уѣзда, Костромской губерніи, и курганы Тургайской области), и Гондатти (старинныя могилы вогуловъ Тобольской губерніи) и др. Далѣе г. Анучинъ указалъ на коллекцію графа А. С. Уварова (курганы Муромскаго уѣзда, Владимірской губерніи и Касимовскаго уѣзда, Рязанской губерніи), на коллекцію г. Теплоухова (чудскія древности Пермской губерніи) и остановился подробнѣе на коллекціи г. Мазараки (предметы изъ скиѳскихъ кургановъ Полтавской губерніи, Роменскаго уѣзда, по рр. Сулѣ и Ромнѣ), причемъ указалъ на нѣкоторыя черты сходства съ сибирскими чудскими издѣльями (изображенія горнаго козла, барса и т. д.). Въ заключеніе референтъ сообщилъ о коллекціяхъ, доставленныхъ г. Адріановымъ изъ древняго городища близь г. Томска и изъ Минусинскаго края, представилъ рисунки многихъ предметовъ и указалъ особенно на любопытныя гипсовыя, раскрашенныя маски изъ одного Минусинскаго кургана.

Рефератъ г. Анучина вызвалъ нѣсколько замѣчаній со стороны А. В. Селиванова, В. З. Завитневича и князя П. А. Путятина.

Я. А. Ушаковъ сообщилъ о произведенныхъ имъ близь г. Мышкина, въ концѣ іюля сего года, раскопкахъ кургановъ (до̀ 50), случайно открытыхъ въ дачѣ села Кривецъ, принадлежащей А. Д. Кожину. Всѣ курганы составляютъ четыре группы, расположенные на одной квадратной верстѣ. Изъ вещей найдены въ курганахъ слѣдующія: ножики, топорики, горшки, гвозди, бусы, кольца, браслеты, изображенія птицъ и разныя другія мѣдныя украшенія. По способу погребенія и по найденнымъ предметамъ курганы эти отнесены референтомъ къ X или XI вѣку.

А. С. Гацискій доложилъ о раскопкахъ, произведенныхъ имъ на р. Сити съ цѣлью опредѣленія мѣста битвы 4 марта 1238 года. Прежде, однако, чѣмъ приступить къ главному предмету своего сообщенія, референтъ вкратцѣ доложилъ о раскопанномъ имъ, въ маѣ мѣсяцѣ, Кольчовскомъ городищѣ на р. Сундовикѣ Макарьевскаго уѣзда, Нижегородской губерніи; раскопка эта была произведена, по желанію предсѣдателя Московскаго Археологическаго Общества графини П. С. Уваровой, и показала, что Кольчовскій холмъ на $^2/_3$ геологическаго происхожденія, а

затѣмъ насыпанъ рукою человѣческою и долженъ быть, по своему содержимому, причисленъ не къ курганамъ, а къ городищамъ. Обращаясь къ изложенію результатовъ поѣздки своей на р. Сить, предпринятой на счетъ Археологическаго Съѣзда, въ теченіе іюля мѣсяца, референтъ сначала представилъ внѣшній очеркъ своей поѣздки, съ упоминаніемъ важнѣйшихъ ея моментовъ и съ детальными, гдѣ это требовалось, географическими и топографическими указаніями. Курганныя раскопки, произведенныя референтомъ по р. Сити до линіи встрѣчи съ раскопками 1876 года профессора Л. К. Ивановскаго, у д. Лопатиной, противъ с. Краснаго, доказываютъ, что въ ситскихъ курганахъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ боевыхъ событій 1238 года, что они принадлежатъ къ числу кургановъ національныхъ, съ признаками, въ нѣкоторыхъ, трупосожженія. Никакихъ вещественныхъ, а тѣмъ болѣе письменныхъ, документальныхъ данныхъ о мѣстѣ битвы великаго князя Георгія Всеволодовича съ татарами референтъ не нашелъ, да и найти не надѣялся, такъ какъ найти ихъ невозможно, и не смотря на это, онъ вынесъ полную увѣренность, что мѣсто этой битвы должно быть пріурочено именно къ окрестностямъ села Баженки нынѣшняго Кашинскаго уѣзда, Тверской губерніи. Увѣренность эту референтъ черпаетъ, главнымъ образомъ, изъ слѣдующаго. Еще до сихъ поръ находятъ здѣсь боевые и бытовые остатки XIII вѣка, въ видѣ кольчугъ, шлемовъ, стрѣлъ, крестиковъ, монетъ (попадаются при раскопкѣ полей и вымываются въ берегахъ р. Сити предметы и другихъ эпохъ, но они принадлежатъ преимущественно и несомнѣнно временамъ Смуты, когда, какъ извѣстно, бродили въ предѣлахъ Кашина, Бѣжецка многочисленныя шайки разбушевавшихся элементовъ); если до сихъ поръ находятъ эти остатки XIII вѣка, если, по увѣреніямъ старожиловъ, находили ихъ въ несравненно большемъ количествѣ и разнообразіи лѣтъ 40—50 тому назадъ, то можно себѣ представить число ихъ 100, 300, наконецъ 648 лѣтъ тому назадъ. Откуда они могли попасть сюда, если не отъ битвы 4 марта? Кромѣ того народъ положительно указывалъ на село Боженку, какъ на мѣсто битвы и не только народъ въ Боженкѣ, но и во всѣхъ ближайшихъ и отдаленныхъ отъ нея окрестностей, всѣ въ одинъ голосъ указываютъ на Боженки, нигдѣ не

Прикамье изъ глубины Азіи во время такъ называамаго великаго переселенія. Говоря о мадьярахъ, референтъ приводилъ показаніе историковъ, утверждавшихъ, что они шли въ мѣста нынѣшняго обитанія отъ уральскихъ горъ чрезъ Суздаль, и что, слѣдовательно, путь ихъ могъ лежать чрезъ Прикамье. Въ предѣлахъ Казанской губерніи существуютъ селенія съ названіями Мадьяры, Чалли и названіемъ, кончающимся на „варъ". Названіе Мадьяры есть самое имя народа, о которомъ идетъ рѣчь. Названіе Чалли доселѣ не объяснено изъ мѣстныхъ языковъ, но ему аналогичныя названія встрѣчаются въ Венгріи. Слово „варъ" по венгерски означаетъ тоже, что по нѣмецки „Burg" и есть въ Венгріи городъ „Темешваръ". Филологамъ предстоитъ заняться обсужденіемъ вопроса, могутъ ли приведенныя обстоятельства быть приняты за слѣды, оставленные въ Казанской губерніи предполагаемымъ прохожденіемъ по Прикамью мадьяръ въ доисторическія времена. Говоря о скандинавахъ, референтъ указалъ на то обстоятельство, что нѣкоторыя изъ названій поселеній въ Россіи могутъ быть объясняемы изъ корней скандинавскихъ языковъ; напримѣръ, „Тверь" по датски—„поперечный", „Москва", или „Москаль"—„мшистый" и пр. Если бы приведенное было подтверждено филологами-спеціалистами, то могло бы быть приведено въ пользу гипотезы, что въ нѣкоторыя мѣстности теперешней Россіи, до переселенія въ нее славянъ, въ доисторическія времена приходили скандинавы и основывали поселенія для властвованія надъ обитавшими въ ней финнами. Если будетъ допущено, что скандинавскія женщины въ первой половинѣ желѣзнаго вѣка могли проникать до Суздаля, то нельзя считать невозможнымъ постановку и такого предположенія, что тѣже скандинавы могли проникать для временнаго господствованія надъ туземцами и въ Прикамье. Окончательное рѣшеніе вопроса о національности лицъ, погребенныхъ въ Ананьинскомъ могильникѣ, принадлежитъ, конечно, къ числу вопросовъ наитруднѣйшихъ въ области археологіи, и если разрѣшеніе его было бы возможнымъ когда-либо, то развѣ только путемъ сличенія найденныхъ въ могильникѣ вещей съ подобными вещами другихъ странъ, особенно найденныхъ въ курганахъ Скандинавіи, Венгріи, Осетіни, Алтая и т. д., и путемъ изученія извлеченныхъ изъ могильника

скелетовъ человѣческихъ, особенно череповъ. Такъ какъ изученіе подобное доселѣ было производимо не полно и требуются новыя находки, то референтъ заключилъ докладъ пожеланіемъ, чтобы были приняты мѣры къ охраненію кургановъ Ананьинскихъ отъ расхищенія для того, чтобы послѣдніе, можетъ быть, еще кроющіеся въ немъ человѣческіе скелеты, были извлечены людьми, вполнѣ знакомыми съ задачами и методами подобныхъ изслѣдованій.

Печатано съ разрѣшенія Предсѣдателя VII Археологическаго Съѣзда.

Ярославль. 1887 года. Въ Тип. Губ. Правл.

ИЗВѢСТІЯ

о занятіяхъ

СЕДЬМАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА

ВЪ ЯРОСЛАВЛѢ.

№ 11.

I.

Протоколъ засѣданія, 17 августа утромъ, по III отдѣленію русскихъ памятниковъ художествъ, подъ предсѣдательствомъ Н. В. Никитина.

Первый рефератъ подъ заглавіемъ: „Храмъ въ Кальдахварѣ“ былъ прочитанъ на этомъ засѣданіи почетнымъ предсѣдателемъ *Н. В. Никитинымъ.* Въ прошедшемъ году, по инціативѣ графини П. С Уваровой,-началъ свое сообщеніе г. Никитинъ,-Императорское Московское Археологическое Общество назначило экспедицію на восточный берегъ Чернаго моря для изслѣдованія древнихъ памятниковъ края. Въ этой экспедиціи принималъ участіе и референтъ, по изслѣдованію архитектурныхъ памятниковъ. Экспедиція прошла часть берега отъ Новороссійска до Кадора, поднимаясь въ горы по рѣкамъ и ущельямъ. Подъ непосредственнымъ руководствомъ Предсѣдателя Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества графини П. С. Уваровой экспедиціею изслѣдовано 30 памятниковъ, преимущественно церквей, принадлежащихъ ко времени отъ V до X вѣка, и нѣсколько замковъ и древнихъ крѣпостей.

Кальдахварскій храмъ, принадлежащій къ типичнымъ постройкамъ Абхазіи, находится на правомъ берегу Бзыби,

въ 15 верстахъ отъ ея устья. Храмъ этотъ принадлежитъ къ купольнымъ церквамъ съ тремя выступающими абсидами; въ немъ уцѣлѣли стѣны до карниза, своды алтаря и ризницы, пяты арокъ и остальныхъ сводовъ. Кладка его отличается правильностію и тщательностію, всѣ углы прямые, постели горизонтальныя, на помостѣ храма, между прочимъ, лежатъ огромные куски сферической кладки, которые могутъ принадлежать ничему другому, какъ парусамъ, поддерживавшимъ куполъ; въ нихъ видны слѣды задѣланныхъ некрупныхъ амфоръ. Существованіе купола подтверждается примѣрами въ другихъ церквахъ Абхазіи и рельефомъ найденныхъ въ одной изъ церквей Цебельды. Кальдахварскій храмъ сохранился болѣе чѣмъ другіе горные храмы, изъ которыхъ нѣкоторые, какъ напр., въ Учъ-Яре, лежатъ нынѣ на землѣ въ крупныхъ кускахъ стѣнъ. Разрушеніе храмовъ слѣдуетъ приписать землетрясеніямъ. Остатки ихъ сохранялись туземцами какъ святыня, теперь-же, по словамъ референта, при населеніи Кавказа различными инородцами, началось уничтоженіе этихъ древнѣйшихъ у насъ памятниковъ. Камни разбираются на постройку домовъ и хижинъ, а тѣ изъ нихъ, которые возобновляются для богослуженія, теряютъ при этомъ свой древній характеръ: возобновители, желая привести ихъ въ порядокъ, передѣлываютъ ихъ по современнымъ понятіямъ, искажаютъ ихъ древнія формы, а каменные престолы и иконостасы замѣняютъ деревянными. По мнѣнію Н. В. Никитина недостаточно записать существующій памятникъ и снять видъ его остатковъ, но слѣдуетъ, кромѣ того, сдѣлать его реставрацію, которая могла бы служить руководствомъ при возобновленіи остальныхъ памятниковъ церковнаго зодчества нынѣ изслѣдованнаго экспедиціею края.

А. М. Павлиновъ сдѣлалъ сообщеніе „О Ростовскихъ церквахъ“. Говоря о Ростовскихъ церквахъ, референтъ указалъ на связь церковныхъ сооруженій этого города съ военными, какъ на особенность Ростовскихъ построекъ. Эта связь рождаетъ совершенно особую комбинацію массъ, примѣромъ которой могутъ служить церкви Іоанна Богослова и постройки въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ. Всѣ церкви такого типа обыкновенно стоятъ на воротахъ; съ главнаго фасада, по сторонамъ воротъ, стоятъ военныя башни, которыми и оканчиваются кремлевскія стѣны. Подъ воротами между башнями обыкновенно идетъ гал-

лерея, состоящая изъ ряда оконъ или аркадъ. Оконныя перемычки дѣлаются одноцентровыми и трехцентровыми. Галлерея всегда имѣетъ съ внутренней стороны входную наружную лѣстницу и, вмѣстѣ съ тѣмъ, служитъ и входомъ въ самую церковь. Церковь имѣетъ массу кубическаго типа и, возвышаясь между высокими башнями, царитъ надъ всѣмъ сооруженіемъ, вѣнчаясь пятью главами. Далѣе референтъ указалъ на произведенное имъ изслѣдованіе чердаковъ церквей Іоанна Богослова и Воскресенія, а также и чердаковъ Ростовскаго Успенскаго собора. Изслѣдованіе это, произведенное самимъ референтомъ съ гг. В. В. Сусловымъ и Н. В. Никитинымъ, обнаружило, что покрытіе этихъ церквей первоначально было по сводамъ съ заостреннымъ подвышеніемъ (со щипцомъ) и что въ настоящее время крыша поднята и подъ ней на главахъ видны древнія украшенія. Вслѣдствіе поднятія, крыши главы съ фасада укоротились и пропорціи нарушились, а отъ этого явилась потребность удлинить главы. Это удлиненіе главъ, какъ показываютъ верхнія тяги главъ, вѣроятно и сдѣлано въ то время, когда была устроена эта новая желѣзная крыша--много лѣтъ тому назадъ.

Далѣе референтъ, перейдя къ Ростовскому собору, который обыкновенно относятъ къ XIII вѣку, выразилъ сомнѣніе въ такой его древности и въ справедливости того преданія, что онъ построенъ по типу Владимірскаго Успенскаго Собора, и для доказательства своего мнѣнія привелъ слѣдующія параллели:

1) Древнія церкви обыкновенно отличаются сравнительно малыми размѣрами, Ростовскій же соборъ напротивъ великъ по размѣрамъ;

2) Владиміро-Суздальскія церкви имѣютъ въ западной части каменные хоры, а въ Ростовскомъ соборѣ подобныхъ хоръ нѣтъ;

3) Ростовскій соборъ не имѣетъ тѣхъ украшеній, которыми такъ богаты почти всѣ Владимірско-Суздальскія церкви, и, наконецъ,

4) Детали собора и покрытіе его совершенно тождественны съ другими церквами Ростовскаго кремля, постройка коихъ относится не ранѣе XVII вѣка.

Далѣе референтъ указалъ на имѣющіяся въ стѣнахъ многихъ церквей Ростовскаго кремля особаго рода круглыя отверстія для голоса. Эти отверстія соединяются съ

довольно просторными помѣщеніями внутри стѣнъ, перекрытыми коробовыми сводами. Эти столь своеобразныя отверстія, цѣль устройства которыхъ состояла въ усиленіи голоса, референтъ назвалъ резонаторами чтобы отличить ихъ отъ обыкновенныхъ голосниковъ кувшинчатой формы.

Въ дополненіе къ реферату г. Павлинова академикъ *В. В. Сусловъ* далъ нѣкоторыя объясненія относительно устройства чердака и покрытія церкви Спаса на сѣняхъ въ Ростовскомъ кремлѣ.

На основаніи очертанія сводовъ и нѣкоторыхъ остатковъ особенностей покрытія послѣднихъ на чердакѣ Спасской церкви, В. В. Сусловъ пришелъ къ выводу, что вмѣсто существующей нынѣ четырехскатной крыши въ прежнія времена существовало на Спасской церкви покрытіе по-арочное. При этомъ покрытіи съ угловъ крыша шла по полудугамъ, а надъ средней частью, отвѣчая внутреннимъ располубкамъ, по полукругамъ въ видѣ креста. Фасадъ каждой стороны церкви представлялся трехлопастной аркой съ 4-мя пилястрами. Церкви такого типа, хотя и не сохранились, но, тѣмъ не менѣе, существованіе ихъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ подтверждается нѣкоторыми указаніями въ древнихъ рукописяхъ (житіе Зосима и Савватія, митрополита Алексѣя и др.) и существующими понынѣ остатками древнихъ храмовъ. Такое покрытіе ясно показано на образѣ св. Трифона въ церкви во имя этого святого въ Москвѣ. Кромѣ того верхнія очертанія стѣнъ церкви св. Трифона ясно показываютъ и теперь, что покрытіе ея было по трех-лопостнымъ аркамъ.

Далѣе г. Сусловъ указалъ на другіе слѣды такихъ покрытій въ предѣлахъ соборовъ Никитскаго монастыря въ г. Переяславлѣ Залѣсскомъ и Савво-Звенигородскаго Московской губерніи. Подобное покрытіе церквей, какъ сообщилъ референтъ, перешло даже на утварь (сіонъ въ патріаршей ризницѣ въ Москвѣ). Первоначальныя формы указанныхъ покрытій встрѣчаются въ Новгородско-Псковской архитектурѣ (церковь Успенія на Волотовомъ полѣ). Въ XVI же и XVII столѣтіяхъ эти покрытія только усложняются, т. е. боковыя закругленія вверху и внизу у основанія стали соединяться карнизами, а въ вертикальномъ направленіи раздѣляться пилястрами.

В. Е. Румянцевъ прочелъ свое сообщеніе по вопросу: „Что означаютъ выраженія въ нашихъ письменныхъ памятникахъ о церквахъ „древена" или „камена въ верхъ" и „древена" или „камена о *клѣтцѣ* и *клѣтцкой*". «Въ древнихъ сказаніяхъ о церквахъ эти выраженія встрѣчаются очень часто, особенно въ писцовыхъ книгахъ. Проф. Е. Е. Голубинскій въ своей Исторіи Русской церкви полагаетъ, что, „кромѣ способа устройства стѣнъ посредствомъ горизонтальной кладки бревенъ, что называется технически о *клѣтцѣ* и *клѣтцки*, въ старое время, въ приложеніи къ стройкѣ церквей, былъ у насъ еще другой способъ—черезъ поставленіе бревенъ стояками, какъ забираются остроги (ограды вокругъ тюремъ) и на подобіе остроговъ заборы, каковой способъ стройки технически называется „въ верхъ". Этотъ способъ былъ преимущественнымъ способомъ постройки церквей въ Скандинавіи, но у насъ, по крайней мѣрѣ въ Великой Руси,—не находится никакихъ остатковъ и слѣдовъ построекъ церквей по скандинавски изъ стояковъ; нѣтъ ни письменныхъ свидѣтельствъ, ни даже преданій о подобныхъ постройкахъ. Что касается выраженій—„о клѣтцѣ, клѣтцки", то они употребляются безразлично и о церквахъ деревянныхъ и о церквахъ каменныхъ. Еще преподобный Несторъ и Іаковъ черноризецъ (въ сказаніяхъ объ убіеніи Бориса и Глѣба) говорятъ, что при Ярославѣ построена была для помѣщенія мощей этихъ святыхъ церковь о клѣтцѣ съ 5-ю верхами или главами, причемъ на рисункѣ показана постройка четырехугольной деревянной церкви изъ горизонтально положенныхъ бревенъ или брусьевъ. Тоже самое выраженіе: *церковь создана клѣтцки* употребляетъ и игуменъ Даніилъ, путешествовавшій въ Палестину въ началѣ XII вѣка о каменной Виѳлеемской церкви Рождества Христова, показывая тѣмъ, что эта церковь есть продолговатый четырехугольникъ или базилика, уцѣлѣвшая и до нашего времени. Такимъ образомъ всѣ эти выраженія *о клѣтцѣ, клѣтцки*, т. е. на подобіе клѣтки, въ приложеніи къ церквамъ не только деревяннымъ, но и каменнымъ, означаютъ равносторонній или продолговатый четырехугольникъ въ окладѣ. Наконецъ, что означаютъ выраженія: церковь (камена или древена) въ верхъ?. Изъ описанія Н. В. Султанова о церкви въ селѣ Городкѣ видно, что церковь эта каменная, на подклѣтѣ, о восьми стѣнахъ и съ высокимъ восьми-

граннымъ верхомъ, съуживающимся въ высоту и завершающимся небольшею главкою. Храмъ этотъ построенъ по одному замыслу съ среднею главкою церкви Василія Блаженнаго. Въ писцовыхъ книгахъ 1577—1578 годахъ объ этой церкви значится: село Городня, а въ селѣ церковь Воскресенія Христова камена въ верхъ. На западной сторонѣ этой церкви колокольня и на южной придѣлъ, обѣ эти постройки—четырехугольныя, съ осмигранными верхомъ и обѣ могли бы быть названы: *клѣтцки въ верхъ*, какъ и названа въ книгѣ Неволина о Пятинахъ Новгородскихъ (деревянная церковь въ Посолотинѣ монастырѣ Николая Чудотворца). Подобная же церковь, деревянная „въ верхъ", представлена на одномъ рисункѣ (въ 31 № Нивы 1884 года) В. В. Сусловымъ. Это церковь Владимірской Божіей Матери (Сольвычегодскаго уѣзда, Вологодской губерніи), построенная въ 1642 году. Зданіе это, сооруженное на подобіе упомянутой выше Городненской церкви, замѣчательно по своимъ громаднымъ размѣрамъ и архитектурнымъ формамъ.

Профессоръ университета Св. Владиміра *Ю. А. Кулаковскій* прочелъ рефератъ: „О такъ называемой стѣнѣ Ромула на Палатинѣ". Преданіе о началѣ Рима свидѣтельствуетъ единогласно о томъ, что Римъ начался какъ *городъ* на Палатинскомъ холмѣ. Въ свидѣтельствѣ о чертѣ древнѣйшаго *померія* дана намъ предѣльная черта городской территоріи. Современное критическое изученіе римской исторіи признаетъ достовѣрность обоихъ свидѣтельствъ, но со времени Нибура эти два свидѣтельства признаны находящимися въ противорѣчіи. Историческая аналогія заставляетъ предположить, что древнѣйшій латинскій городъ на Палатинѣ долженъ былъ ограничиваться поверхностью холма, не простираясь на его скаты и окружающія холмъ низменности, между тѣмъ черта померія идетъ по этимъ послѣднимъ. Раскопки, произведенныя на Палатинѣ въ началѣ 60-хъ годовъ нашего столѣтія, обнаружили по скату холма въ нѣсколькихъ мѣстахъ остатки квадровыхъ сооруженій, которымъ было усвоено археологами и топографами Рима наименованіе—*стѣны Ромула*. Такимъ образомъ, вопросъ о предѣлахъ древнѣйшаго Рима считался рѣшеннымъ въ сторону гипотезы Нибура противъ Тацитова свидѣтельства о чертѣ *померія*. Въ современной литературѣ по археологіи, топогра-

фіи и исторіи древнѣйшаго Рима существованіе остатковъ Ромуловой стѣны на Палатинѣ является общепринятымъ и общепризнаннымъ актомъ Но ближайшее разсмотрѣніе и изслѣдованіе развалинъ, носящихъ имя Ромуловой стѣны, должно убѣдить всякаго, что, во 1-хъ) ошибочно принимать расположенные въ разныхъ мѣстахъ по склону Палатина остатки квадровыхъ сооруженій за остатки *одного цѣлаго* и во 2-хъ) техника этихъ сооруженій такова, что за ними можно признать въ крайнемъ случаѣ одновременность съ Сервіевой стѣной и никакимъ образомъ нельзя видѣть остатковъ сооруженія древнѣйшаго города Римской исторіи, когда въ Римѣ еще не знали этрусскаго зодчества. Остатковъ Ромуловой стѣны на Палатинѣ не найдено и они не могли быть найдены тамъ. Археологія не владѣетъ въ настоящее время матеріаломъ, который могъ бы разъяснить намъ противорѣчіе, которое представляютъ, при сопоставленіи, свидѣтельства Тацита о чертѣ померія и историческая аналогія. Отдѣльные остатки сооруженія, которые ложно именуются однимъ именемъ Ромуловой стѣны, могутъ быть— что до своего значенія— изъяснены весьма просто, какъ контрфорсы въ однихъ мѣстахъ и какъ квадровыя постройки въ бетанныхъ сооруженіяхъ—въ другихъ.

Въ заключеніе *Ф. Д. Нефедовъ* доложилъ Съѣзду о результатахъ совершенной имъ въ нынѣшнемъ году археологической экспедиціи на Уралъ. Г. Нефедовъ изслѣдовалъ на Уралѣ (т. е. въ Тургайской области, и въ губерніяхъ Оренбургской и Самарской) семьдесятъ шесть кургановъ и два городища. Между курганами безъименными, т. е. неизвѣстно какой народности принадлежащими, г. Нефедовъ обратилъ главное вниманіе Съѣзда на курганы чудскіе. Въ послѣднее время, какъ извѣстно, возбудилось сомнѣніе,—есть ли чудь особое племя или названіе, общее всѣмъ финскимъ племенамъ, жившимъ когда-то въ Россіи? На основаніи данныхъ, добытыхъ курганными раскопками въ 1878, 1884 и текущемъ году, г. Нефедовъ выяснилъ, что чудь была народъ малорослый, по черепу рѣзко отличный отъ другихъ курганныхъ народовъ, но что, однако, чудь была осѣдлою и еще въ древности умѣла добывать руду въ горахъ Урала, плавить металлы и дѣлать изъ нихъ разныя подѣлки; умѣла добывать каменную соль и занималась хлѣбопашествомъ;

однимъ словомъ, что ко времени сооруженія изслѣдованныхъ нынѣ кургановъ, племя это, по мнѣнію г. Нефедова, стояло въ культурномъ отношеніи довольно высоко.

II.

Протоколъ засѣданія, 17 августа вечеромъ, по II отдѣленію *древностей историческихъ, географическихъ и этнографическихъ*, подъ предсѣдательствомъ И. Е. Забѣлина.

А. С. Верещагинъ сообщилъ два реферата: 1) „Доказано-ли несомнѣнно, что Вятка заселена была новгородскими выходцами въ XII вѣкѣ?" и «2) Насколько достовѣрны вообще показанія Вятскаго лѣтописца, извѣстнаго подъ именемъ „Повѣсти о градѣ Вяткѣ?».

Референтъ началъ съ подробнаго и послѣдовательнаго указанія мнѣній о началѣ Вятки въ XII вѣкѣ русскихъ ученыхъ, писавшихъ по этому вопросу до настоящаго времени. Онъ привелъ мнѣнія Рычкова, Карамзина, Калайдовича, Погодина, Соловьева, Костомарова и Бестужева-Рюмина, присоединивъ сюда же мнѣніе церковнаго историка Филарета Черниговскаго. Обстоятельно разобравъ доводы всѣхъ этихъ ученыхъ, особенно Карамзина, референтъ пришелъ къ заключенію, что они всѣ основаны на свидѣтельствѣ Вятскаго лѣтописца, причемъ нѣкоторые позднѣйшіе писатели ссылаются не на рукописный оригиналъ этого лѣтописца, и на авторитетное заявленіе Карамзина. Между тѣмъ свидѣтельство Вятской лѣтописи является одинокимъ и не заключается въ другихъ русскихъ лѣтописяхъ, даже древнѣйшихъ Новгородскихъ, которыя, повидимому, не могли бы игнорировать столь немаловажнаго факта, совершившагося въ предѣлахъ бывшихъ владѣній Новгорода Великаго. Это всеобщее молчаніе о Вяткѣ нашихъ лѣтописей и другихъ источниковъ продолжается од 1374 года, въ которомъ году Воскресенская лѣтопись упоминаетъ, наконецъ, о Вяткѣ. Референтъ привелъ цѣликомъ изъ лѣтописи событіе 1374 года и сдѣлалъ къ нему комментарій. Соображенія референта сводятся къ тому, что до XIV вѣка на устьяхъ Камы и Вятки де-

жало сильное Болгарское царство, которое не могло допустить въ XII вѣкѣ образованія особаго государства почти на самой границѣ своихъ владѣній—тѣмъ болѣе, что время, къ которому принято пріурочивать начало Вятки (1174 года), было временемъ упорной борьбы русскихъ князей съ Болгарами, временемъ особенно сильной вражды между двумя народами. Имѣя въ виду это обстоятельство, нѣкоторые ученые изыскивали объясненія съ цѣлью примирить свидѣтельство Вятской лѣтописи объ основаніи города съ одновременными фактами, занесенными въ другія лѣтописи. Такъ, мѣстный Вятскій историкъ Вечтомовъ еще въ 1824 году высказалъ предположеніе, что Новгородцы сначала выдавали себя за купцовъ, которыхъ и пропустили Болгары чрезъ свои земли. С. М. Шпилевскій въ своей монографіи о Булгарѣ также высказываетъ, что новгородцы могли остановиться на Камѣ и Вяткѣ не иначе, какъ съ согласія Болгаръ. Но референтъ не соглашается съ этими предположеніями. Въ лѣтописи говорится, что основатели Вятки были устюжане, а Устюгъ основанъ послѣ XII вѣка. Какимъ же образомъ устюжане могли основать Вятку въ 1174 году? Референтъ утверждаетъ, что пришельцы на Вятку явились не съ юга, а съ сѣвера и не въ XII вѣкѣ, а въ XIV. Въ 1218 году Болгары взяли Устюгъ; если бы тогда существовала Вятка, то какимъ образомъ могли они двинуться на Устюгъ, оставивъ въ тылу Вятку? Сопоставивъ всѣ историческія данныя, референтъ пришелъ къ заключенію, что въ Вятской лѣтописи 1174 годъ поставленъ ошибочно вмѣсто 1374 года, откуда и произошла такая путаница въ исторіи Вятки. Изъ всего сказаннаго сами собой опредѣлись и достоинства Вятскаго лѣтописца, какъ историческаго источника, который возникъ не ранѣе второй половины XVI вѣка и дошелъ въ позднѣйшихъ спискахъ XVIII вѣка, гдѣ онъ въ большинствѣ случаевъ и называется не лѣтописцемъ, а „повѣстью“.

В. Ѳ. Миллеръ прочиталъ рефератъ: „Къ вопросу о происхожденіи Скиѳовъ“. Референтъ держится *иранской* гипотезы вмѣстѣ съ Цейсомъ, Мюлленгофомъ, Шпигелемъ, Эдуардомъ Мейеромъ и другими учеными. Среди скиѳовъ Геродота въ числѣ другихъ этническихъ элементовъ несомнѣнно есть элементъ иранскій. Разобравъ мнѣніе Кіевскаго ученаго Ѳ. Г. Мищенко, занимавшагося тѣмъ

же вопросомъ. г. Миллеръ обратился къ ученію текста Геродота и записанныхъ имъ двухъ легендъ о происхожденіи скиѳовъ, а потомъ разсмотрѣлъ этнологическій составъ дошедшихъ до насъ скиѳскихъ словъ. Отъ Геродота референтъ перешелъ къ тому времени, которое оставило намъ греческія надписи въ Ольвіи. Общее заключеніе, къ которому пришелъ г. Миллеръ изъ сопоставленія всѣхъ научныхъ данныхъ, какими онъ могъ располагать, сводится къ слѣдующему:

1) Въ противоположность тѣмъ, кои видятъ въ Геродотовыхъ скиѳахъ урало-алтайцевъ, и тѣмъ, кои считаютъ ихъ иранцами, онъ (вмѣстѣ съ г. Мищенко) предполагаетъ этническое различіе между скиѳами восточными - кочевниками и царскими,—и скиѳами западными—земледѣльцами.

2) Считая послѣднихъ болѣе древнимъ населеніемъ и болѣе культурнымъ, онъ считаетъ первыхъ болѣе поздними пришельцами изъ Азіи, болѣе дикими и воинственными, подчинившими себѣ *Древнюю* Скиѳію.

3) Сообщаемыя Геродотомъ двѣ легенды о происхожденіи скиѳовъ относятся къ скиѳамъ осѣдлымъ и пріурочиваются къ Приднѣпровью. Обѣ легенды содержатъ черты, напоминающія легенды и религіозныя представленія Ирана.

4) Нѣкоторыя названія скиѳскихъ божествъ, а также нѣкоторыя занесенныя Геродотомъ личныя и нарицательныя имена находятъ объясненіе въ иранскомъ.

5) Значительный процентъ личныхъ „варварскихъ“ именъ Ольвійскихъ надписей носитъ яркіе признаки иранской національности.

6) Въ виду того, что Ольвія была въ сосѣдствѣ и общеніи съ скиѳами земледѣльцами, можно, на основаніи „варварскихъ“ именъ въ надписяхъ этого города, съ вѣроятностью предположить, что среди сосѣднихъ скиѳовъ однимъ изъ этническихъ элементовъ (и вѣроятно господствующимъ) былъ иранскій.

Въ заключеніе засѣданія *Н. Д. Удальцовъ* прочиталъ краткій рефератъ, посвященный памяти патріарха Никона. Напомнивъ Собранію, что 17 августа—день кончины по-

именованнаго патріарха, умершаго въ Ярославлѣ (на пути изъ Кирилло-Бѣлозерскаго въ Воскресенскій монастырь) въ 1681 году, референтъ привелъ интересное описаніе обстоятельствъ этого печальнаго событія, оставленное очевидцемъ послѣдняго, Шушеринымъ. Затѣмъ, съ цѣлью показать, насколько память Никона должна быть драгоцѣнна для всѣхъ друзей русской старины, референтъ обратилъ вниманіе на то, что, если смотрѣть на Никона съ точки зрѣнія *древне*-русской (до-Петровской) жизни, то его взгляды и стремленія оказываются не инымъ чѣмъ, какъ послѣднимъ шагомъ развитія, завершеніемъ началъ церковно-государственной жизни древней Руси. Рядомъ нѣскольких, наиболѣе вѣскихъ доказательствъ референтъ старался утвердить то положеніе, что Никонъ бралъ свои идеалы изъ *прошлаго* и хотѣлъ, такъ сказать возвратить жизнь къ давно-минувшей старинѣ. Если широкія начинанія Никона не удались или повлекли за собой печальныя послѣдствія, то, по мнѣнію референта, это объясняется отчасти, можетъ быть, крутымъ и непреклоннымъ характеромъ патріарха, но главнымъ образомъ зависѣло отъ того, что стремленія Никона не соотвѣтствовали новымъ, устанавливавшимся въ то время въ жизни, началамъ, при которыхъ для церковно религіозной сферы не могло быть такой широты и такого положенія, какъ этого желалъ Никонъ. Въ заключеніе, въ виду имѣвшаго слѣдовать за засѣданіемъ концерта древнецерковнаго пѣнія, г. Удальцовъ сдѣлалъ замѣчаніе о томъ, что Никонъ особенно содѣйствовалъ улучшенію современнаго ему церковнаго пѣнія.

Послѣ чтенія г. Уральцова засѣданіе было закрыто и все собраніе перешло въ церковь Лицея, гдѣ было исполнено нѣсколько священныхъ пѣснопѣній древне-церковнаго напѣва, въ присутствіи Высокопреосвященнаго Іоанѳана, архіепископа Ярославскаго и Ростовскаго.

Печатано съ разрѣшенія Предсѣдателя VII Археологическаго Съѣзда.

Ярославль. 1887 года Въ Тип. Губ. Правл.

ИЗВѢСТІЯ

о занятіяхъ

СЕДЬМАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА ВЪ ЯРОСЛАВЛѢ.

№ 12.

Протоколъ засѣданія, 18 августа вечеромъ, по I отдѣленію *древностей первобытныхъ*, подъ предсѣдательствомъ Иліодора Александровича Износнова.

Открывая засѣданіе, И. А. Износковъ, избранный на это засѣданіе почетнымъ предсѣдателемъ, принесъ благодарность Ученому Комитету Съѣзда отъ имени Казанскаго Общества археологіи, исторіи и этнографіи, представителемъ коего онъ явился на Съѣздъ, и выразилъ пожеланіе, чтобы послѣдствіемъ VII Археологическаго Съѣзда было бы учрежденіе въ Ярославлѣ, какъ и въ Казани, Общества для изученія и изслѣдованія Ярославской старины.

Первымъ читалъ *Д. Н. Анучинъ*, именно отчетъ объ экспедиціи въ Приуральскій край, снаряженной нынѣшнимъ лѣтомъ Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ. Въ этой экспедиціи принимали участіе: 1) Н. Г. Первухинъ, занимавшійся археологическими изслѣдованіями въ Глазовскомъ уѣздѣ, Вятской губерніи, откуда имъ было доставлено на выставку при Съѣздѣ три ящика съ каменными и костяными издѣліями, подробный списокъ добытыхъ предметовъ и отчетъ о раскопкахъ. Кромѣ того г. Первухинымъ добыто при раскопкахъ еще нѣсколько серебряныхъ, мѣдныхъ, желѣзныхъ

предметовъ. и нѣсколько череповъ, 2) А. А. Спицынъ, объѣхавшій значительную часть Вятской губерніи, собравшій богатыя коллекціи вещей изъ костеносныхъ и другихъ городищъ этой губерніи и представившій обстоятельное обозрѣніе первобытныхъ древностей Вятскаго края; 3) Ф. Д. Нефедовъ, который раскопалъ 76 кургановъ въ Оренбургской губерніи, Тургайской области и Самарской губерніи и доставилъ на Съѣздъ найденныя при раскопкахъ вещи и черепа, а равно и предварительный отчетъ о своей поѣздкѣ; 4) Н. Л. Гондатти, занимавшійся изслѣдованіями въ Верхотурскомъ, Соликамскомъ и Чердынскомъ уѣздахъ, Пермской губерніи, причемъ имъ добыты разныя чудскія издѣлія и сняты фотографическіе снимки съ писаницъ по р. Тагилю и съ нѣсколькихъ сосудовъ въ частныхъ коллекціяхъ, и 5) Д. Н. Анучинъ, котораго сопровождалъ въ его поѣздкѣ графъ Ѳ. А. Уваровъ. Референтъ, осмотрѣвъ коллекціи по до-исторической археологіи въ Казани (коллекціи университета, Общества археологіи, Общества естествоиспытателей, гг. Лихачева, Высоцкаго, Заумилова, Толмачева), въ Екатеринбургѣ и въ с. Ильинскомъ (коллекція г. Теплоухова), произвелъ раскопки городищъ и древнихъ стоянокъ по р. Камѣ и за Ураломъ (въ округахъ Верхъ-Исетскаго, Нижне-Тагильскаго, Верхъ-Нейвинскаго, Сысертскихъ и Кыштымскихъ заводовъ), и собралъ коллекцію предметовъ изъ золотыхъ пріисковъ; графъ же Ѳ. А. Уваровъ занимался раскопкою кургановъ въ Шадринскомъ уѣздѣ.

Послѣ г. Анучина доцентъ Московской Духовной Академіи *А. В. Бѣляевъ* прочиталъ рефератъ: „Значеніе книги Бытія для археологіи“.

Сказавши предварительно о томъ, что археологія и исторія должны идти рука объ руку и помогать другъ другу, г. Бѣляевъ кратко охарактеризовалъ значеніе книги Бытія, какъ историческаго документа, для археологіи, въ особенности для археологіи до-исторической и при этомъ замѣтилъ, что русскіе археологи доселѣ обращали, по его мнѣнію, слишкомъ мало вниманія на книгу Бытія.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній г. Бѣляевъ указалъ археологическій матеріалъ, заключающійся въ книгѣ Бытія.

Прежде всего референтъ обратилъ вниманіе на разсказъ книги Бытія, о томъ, что Тувалъ-Каинъ былъ ко-

вачемъ всѣхъ орудій изъ мѣди и желѣза; выяснилъ достовѣрность разсказа, опредѣлилъ время жизни Тувалъ-Каина, на основаніи библейской хронологіи, сдѣлалъ предположенія о томъ, какъ нужно понимать это мѣсто въ связи съ данными до-исторической археологіи, и пришелъ къ двумъ результатамъ: 1) книга Бытія, согласно съ археологіей, молчаливо предполагаетъ существованіе каменной эпохи раньше бронзовой и желѣзной; 2) тоже книга возбраняетъ считать каменную эпому слишкомъ продолжительной.

Послѣ этого г. Бѣляевъ перешелъ къ анализу разсказа книги Бытія объ исполинахъ. Показавъ, что подтвержденіе этого разсказа можно находить въ миѳологіяхъ и эпосѣ, что въ пользу его молчаливо говорятъ дошедшія до насъ отъ древнихъ временъ огромныя сооруженія, архитектурныя и ваятельныя (пирамиды, Баміанская статуя, камни и плиты на островахъ Пасхи и Каролинскихъ и проч.), которыя едва-ли могли быть воздвигнуты людьми обыкновенными, причемъ особенное вниманіе референтъ обратилъ на ковчегъ Ноевъ и Вавилонскую башню, какъ на грандіозныя сооруженія, о которыхъ свидѣтельствуетъ книга Бытія, А. В. Бѣляевъ въ заключеніе высказалъ предположеніе, что, быть можетъ, и теперь уже есть въ музеяхъ черепа, крупнѣе обыкновенныхъ, или по крайней мѣрѣ подобные черепа будутъ найдены съ теченіемъ времени, когда произведены будутъ раскопки въ Азіи—колыбели человѣческаго рода.

Вторая часть реферата, въ которой были выяснены сказанія книги Бытія о первобытныхъ домашнихъ животныхъ, о жилищахъ и одеждахъ, объ утвари и украшеніяхъ, о музыкальныхъ и воинскихъ орудіяхъ, о мѣстахъ погребенія, объ идолахъ, о металлахъ, объ употребленіи огня, о кровавыхъ и безкровныхъ жертвахъ и проч., по недостатку времени, не была прочитана. Референтъ кратко сказалъ только, что заключающаяся въ этихъ сказаніяхъ характеристика культуры допотопнаго человѣка, культуры египетской, халдейско-вавилонской, ханаанской и еврейской, весьма важна какъ сама по себѣ, такъ и для уясненія вопросовъ о культурѣ первобытнаго индо-европейскаго племени, относительно котораго не дошло до насъ другихъ историческихъ свѣдѣній, кромѣ тѣхъ, которыя мы имѣемъ въ книгѣ Бытія относительно первобытнаго человѣчества и первобытныхъ семитовъ.

Референтъ г. Бѣляева вызвалъ оживленныя пренія. Референту возражали Д. Н. Анучинъ, Н. В. Султановъ и князь П. А. Путятинъ.

Печатано съ разрѣшенія Предсѣдателя VII Археологическаго Съѣзда.

Ярославль. 1887 года. Въ Тип. Губ. Правл.

ИЗВѢСТІЯ

о занятіяхъ

СЕДЬМАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА

ВЪ ЯРОСЛАВЛѢ.

№ 14.

I.

Протоколъ засѣданія, 19 августа утромъ, по III отдѣленію *русскихъ памятниковъ художествъ*, подъ предсѣдательствомъ Н. В. Султанова.

Первымъ рефератомъ на этомъ засѣданіи былъ рефератъ почетнаго предсѣдателя *Н. В. Султанова*: „Памятники древняго зодчества въ Толгскомъ монастырѣ“. Помимо своей главной задачи — служить показателемъ уровня археологической науки въ Россіи въ данное время, всякій Археологическій Съѣздъ, по мнѣнію референта, долженъ имѣть цѣлью научное освѣщеніе памятниковъ мѣстной старины. Вслѣдствіе этого Н. В. Султановъ представилъ въ своемъ докладѣ обзоръ памятниковъ Толгскаго монастыря, куда была предпринята Съѣздомъ поѣздка 8 августа. Толгскій монастырь, какъ извѣстно, основанъ въ началѣ XIV вѣка, но всѣ уцѣлѣвшіе въ немъ памятники относятся лишь къ XVII и къ слѣдующимъ столѣтіямъ. Соборъ монастыря построенъ на „подклѣтѣ“, т. е. нижнемъ сводчатомъ этажѣ; онъ имѣетъ обычный Ярославскій планъ, въ видѣ прямоугольника съ четырьмя столбами внутри и съ тремя абсидами съ востока; эту основ-

на краткую редакцію доказывается: 1) тѣмъ, что Законъ судный въ извѣстныхъ случаяхъ назначаетъ „отдачу въ постъ„, въ смыслѣ публичнаго церковнаго покаянія, проходимаго по степенямъ: 2) что Законъ судный предписываетъ содержаніе на хлѣбѣ и водѣ; 3) границей для богослужебнаго общенія кающихся съ вѣрными полагается пѣніе символа вѣры за литургіей; 4) что Законъ судный различаетъ и противополагаетъ наказаніе „по закону людскому", т. е. свѣтскому, наказанію „по закону Божіему" или церковному. Референтъ путемъ сравненія памятниковъ западнаго и восточнаго церковнаго права пришелъ къ тому убѣжденію, что указанныя черты Закона суднаго суть черты, заимствованныя изъ западнаго, а не изъ восточнаго церковнаго права. Что касается обширной редакціи Закона суднаго, то референтъ, объяснивъ предварительно почему нельзя считать ее болѣе раннею сравнительно съ краткою редакціей, а напротивъ, слѣдуетъ относить появленіе ея къ болѣе позднему времени, указалъ на нѣсколько статей, имѣющихъ свой источникъ въ латинскихъ пенитенціалахъ. Возможность вліянія латинскихъ пенитенціаловъ на русскій юридическій бытъ въ древнѣйшую эпоху существованія русскаго государства доказана референтомъ такъ, что для сомнѣній въ этомъ не должно оставаться мѣста: въ одномъ изъ древнѣйшихъ славянскихъ рукописныхъ сборниковъ Румянцевскаго Музеума оказался славянскій переводъ латинскаго пенитенціала, каковой переводъ до сихъ поръ считали то статьей болгарскаго происхожденія, то даже подлиннымъ произведеніемъ одного изъ древнѣйшихъ русскихъ митрополитовъ.

Кромѣ указанія на Законъ судный, референтъ указалъ еще и на нѣкоторые слѣды западно-католическаго вліянія на чисто русскіе источники права, какъ-то на церковные уставы, дошедшіе до насъ съ именами первыхъ христіанскихъ князей Владиміра и Ярослава. Таковые слѣды усматриваются, по мнѣнію г. Суворова, напримѣръ, въ предоставленіи церкви десятины, наблюденіе за мѣрами и вѣсами, въ такихъ судныхъ дѣлахъ, какъ по ограбленію мертвыхъ, а также въ томъ различеніи и противоположеніи «епитиміи по закону» и «казни княжеской», которое проведено въ нѣкоторыхъ статьяхъ Устава Ярослава о церковныхъ судахъ.

II.

Протоколъ засѣданія Совѣта Съѣзда 19 августа.

Засѣданіе происходило подъ предсѣдательствомъ И. Е. Забѣлина; присутствовали члены Совѣта: графиня П. С. Уварова, С. М. Шпилевскій, Н. В. Покровскій, Н. И. Веселовскій, В. Ѳ. Миллеръ, Л. С. Котляревскій, М. В. Никольскій, В. В. Сусловъ, Д. Н. Анучинъ, Д. А. Корсаковъ, Н. В. Султановъ, графъ Н. С. Ланской, А. А. Кочубинскій, И. А. Шляковъ, И. А. Износковъ, А. М. Павлиновъ, П. А. Висковатый, Н. В. Никитинъ, А. В. Селивановъ, А. А. Смирновъ, С. А. Бѣлокуровъ, А. Ѳ. Селивановъ и секретари Съѣзда Ѳ. А. Бычковъ и В. К. Трутовскій.

С. М. Шпилевскій доложилъ телеграмму, полученную имъ отъ Н. А. Толмачева изъ Нижняго-Новгорода, въ коей, напоминая Совѣту о своемъ докладѣ, въ которомъ онъ обратилъ особое вниманіе на уничтоженіе древнихъ булгарскихъ памятниковъ, Н. А. Толмачевъ проситъ Совѣтъ о выработкѣ правилъ и о возбужденіи ходатайства для возможнаго сохраненія этихъ цѣнныхъ и рѣдкихъ памятниковъ. *Постановлено:* принять къ свѣдѣнію.

Гр. П. С. Уварова, предложивъ гг. членамъ Совѣта избрать мѣсто и время для будущаго VIII Археологическаго Съѣзда, съ своей стороны, какъ Предсѣдательница Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, коему, по словамъ гр. Уваровой, принадлежитъ иниціатива и право (?) устройства Съѣздовъ въ Россіи, указала мѣстомъ для будущаго Съѣзда Москву. Указавъ на Москву, какъ на мѣсто для будущаго Археологическаго Съѣзда, гр. Уварова заявила, что въ 1889 году исполняется двадцатипятилѣтіе существованія Московскаго Археологическаго Общества, а потому, по ея мнѣнію, самымъ соотвѣтствующимъ мѣстомъ для слѣдующаго Съѣзда и является Москва, тѣмъ болѣе, что когда въ Петербургѣ праздновался 25-ти лѣтній юбилей Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, II-й Археологическій Съѣздъ былъ назначенъ, черезъ два года послѣ I-го Московскаго, въ Петербургѣ. Что же касается до времени будущаго Археологическаго Съѣзда, то въ виду того, что день перваго засѣданія Московскаго Археологическаго Общества 18 февраля и день утвержденія Устава этого Общества 19 сентября не удобны для засѣданій, графиня П. С. Уварова предложила назначить: на 4 января 1890 года открытіе Совѣта Съѣзда; на 7 открытіе самого

Съѣзда съ тѣмъ, чтобы засѣданія послѣдняго продолжались до 21 января.

Единогласно было постановлено: назначить VIII Археологическій Съѣздъ въ Москвѣ отъ 7 до 21 января 1890 года.

Затѣмъ послѣдовали выборы въ Редакціонный Комитетъ для изданія Трудовъ VII Археологическаго Съѣзда.

Избранными оказались: С. М. Шпилевскій, И. А. Вахромѣевъ и графиня П. С. Уварова, причемъ въ виду того, что Труды Съѣзда будутъ печататься въ Москвѣ, графинѣ П. С. Уваровой предоставлено право пригласить къ участію въ Редакціонномъ Комитетѣ тѣхъ лицъ изъ членовъ Московскаго Археологическаго Общества, коихъ просвѣщенное содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ окажется необходимымъ.

III.

Протоколъ общаго засѣданія, 19 августа вечеромъ, подъ предсѣдательствомъ С. М. Шпилевскаго.

С. М. Шпилевскій открылъ засѣданіе слѣдующими словами: «Въ рѣчи, сказанной мною при открытіи Съѣзда, я указалъ, что благодѣянія Съѣзда, по отношенію къ мѣстной археологіи и исторіи, какъ показываетъ исторія бывшихъ Археологическихъ Съѣздовъ, не оканчиваются вмѣстѣ съ Съѣздомъ, такъ какъ обыкновеннымъ послѣдствіемъ Съѣзда бываетъ оживленіе и новое, болѣе дѣятельное и полезное, направленіе въ изученіи мѣстныхъ памятниковъ древности и мѣстной исторіи. Я очень счастливъ, что наканунѣ закрытія настоящаго Съѣзда могу заявить, что сказанное мною уже замѣчается и по отношенію къ нашему краю. Среди насъ уже зародилась и обсуждалась мысль объ основаніи Ярославскаго Общества любителей археологіи и этнографіи, съ учрежденіемъ при этомъ Обществѣ музея. Предполагаемое Общество ставитъ своею задачею: сохраненіе, собираніе и изученіе мѣстныхъ памятниковъ древности, изученіе областной исторіи и этнографическое изученіе мѣстнаго населенія, особенно по отношенію къ архаизмамъ, и разнымъ формамъ переживанія, замѣчаемымъ въ быту настоящаго населенія нашего края. Въ настоящее время учредителями Общества записались: Е. Ив. Якушкинъ, Ив. Ал. Вахромѣевъ,

Ив. Ник. Соболевъ, А. В. Скульскій, Д. В. Волоцкой (Вологодскій губернскій Предводитель Дворянства), А. Л. Гурко, Я. А. Ушаковъ, Ѳ. А. Бычковъ, Л. Н. Трефолевъ, Ив. Ал. Шляковъ, Ив. Ѳ. Барщевскій и Вашъ покорный слуга. Нѣтъ сомнѣнія, что число заявившихъ желаніе быть учредителями предполагаемаго новаго Общества очень скоро увеличится новыми лицами, вполнѣ сочувствующими указаннымъ задачамъ Общества».

За заявленіемъ С. М. Шпилевскаго, *А. В. Селивановъ* представилъ вниманію Съѣзда докладъ «Объ ошибкѣ, вкравшейся въ Сводъ и полное собраніе законовъ, относительно находокъ древнихъ монетъ». Въ § 16 правилъ о находкахъ, изложенныхъ въ приложеніи къ ст. 539 Св. зак., т. X, ч. I (законъ 18 февраля 1841 года № 14280), сказано, что «монеты новѣйшаго времени, *начиная съ XIII столѣтія*, какъ не составляющія рѣдкость, не могутъ подходить подъ вышеизложенныя правила и находка ихъ подчиняется общему закону о кладахъ». Очевидно, здѣсь произошла ошибка, или опечатка, а именно въ римской цифрѣ XVIII, пропущена цифра V, и такимъ образомъ вышло XIII. По иниціативѣ докладчика въ Рязанской Ученой Архивной Коммисіи былъ, въ сентябрѣ 1884 года, возбужденъ вопросъ о разъясненіи недоумѣнія относительно смысла 16-го § прилож. къ 539 ст., чрезъ посредство Директора Археологическаго Института Н. В. Калачова. Въ декабрѣ того же года Н. В. Калачовъ увѣдомилъ Коммисію, что по поводу возбужденнаго вопроса въ Археологическомъ Институтѣ изготовляется записка для внесенія въ кодификаціонный отдѣлъ Государственнаго Совѣта. Не имѣя свѣдѣній о дальнѣйшемъ ходѣ этого дѣла, докладчикъ просилъ Съѣздъ ходатайствовать объ исправленіи вышеозначенной опечатки, благодаря которой исчезаютъ безслѣдно, ускользая отъ наблюденія и изученія людей науки, множество часто весьма драгоцѣнныхъ монетныхъ кладовъ. Въ виду того, что затронутый г. Селивановымъ вопросъ, есть вопросъ научный, собраніемъ постановлено было: отъ имени Съѣзда войти съ ходатайствомъ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія объ исправленіи въ возможно скорѣйшемъ времени указанной г. Селивановымъ ошибки.

Профессоръ Императорскаго Новороссійскаго Университета *А. И. Маркевичъ* прочиталъ рефератъ: «О Яро-

славскихъ князьяхъ въ Московскомъ государствѣ». Въ своемъ рефератѣ докладчикъ прежде всего коснулся исторіи Ярославскаго княженія въ XIII—XIV вѣкахъ и старался прослѣдить переходъ большаго Ярославскаго стола въ родѣ князей Ярославскихъ, причемъ доказывалъ, что въ общемъ переходъ этотъ до XV вѣка происходилъ на основаніи такъ называемаго лѣствичнаго происхожденія; затѣмъ референтъ нѣсколько остановился на опредѣленіи удѣловъ Ярославскихъ и времени, когда эти удѣлы вошли въ составъ Московскаго государства, а князья ихъ превратились въ служилыхъ людей Великаго князя Московскаго.

Перейдя къ вопросу о службѣ князей Ярославскихъ въ Московскомъ государствѣ, г. Маркевичъ указалъ на обиліе служилыхъ родовъ отъ князей Ярославскихъ, на разную величину этихъ родовъ и различное ихъ служилое значеніе и на возвышеніе и паденіе ихъ служебной чести. Сказавъ вкратцѣ о сочиненіяхъ о князяхъ Ярославскихъ и о сохранившихся родословіяхъ, докладчикъ отмѣтилъ, что служебное значеніе князей Ярославскихъ было въ XV—XVI вѣкахъ не изъ выдающихся и объяснилъ, это раннимъ поступленіемъ князей Ярославскихъ на Московскую службу и измельчаніемъ ихъ въ XVI вѣкѣ, почему они и захудали, а наиболѣе знатные изъ нихъ въ XVI вѣкѣ пресѣклись. Какъ на любопытный источникъ для сравнительнаго знакомства со служебнымъ значеніемъ князей Ярославскихъ, какъ и всякихъ иныхъ служебныхъ родовъ, референтомъ было указано на акты мѣстническаго характера и было объяснено какъ ими въ данномъ случаѣ надо пользоваться; вмѣстѣ съ тѣмъ было также указано и на то, какія фамиліи изъ князей Ярославскихъ мѣстничались особенно часто, какія рѣдко, и почему.

Важнѣйшую часть реферата, изложенную, впрочемъ, скорѣе въ видѣ конспекта, и то занявшаго много времени, составляла характеристика служебнаго значенія цѣлыхъ вѣтвей рода князей Ярославскихъ, съ указаніемъ на выдающуюся дѣятельность какихъ-либо отдѣльныхъ лицъ. Такъ референтомъ прослѣжена была дѣятельность князей Алабышевыхъ и Аленкиныхъ, Пеньковыхъ (причемъ объяснены были причины ихъ очень высокой чести), князей Курбскихъ и Кубенскихъ, Ушатыхъ съ Ушатыми Чул-

ками, Троекуровыхъ и Шестуновыхъ съ Великими, Сицкихъ и Хворостининыхъ; всѣ эти фамиліи были охарактеризованы и въ мѣстническомъ отношеніи. Затѣмъ было сказано о захуданіи иныхъ вѣтвей рода князей Ярославскихъ, небывшихъ даже въ Государевомъ родословцѣ, что обусловливало ихъ сравнительно низкую служебную честь. Послѣ князей Ярославскихъ, служившихъ въ Московскихъ разрядахъ до начала XVII вѣка, г. Маркевичъ указалъ еще на различныя группы князей Ярославскихъ, напр., служившихъ по удѣламъ, убѣжавшихъ изъ Москвы въ Тверь, Литву, Турцію, бывшихъ на помѣстьяхъ въ Великомъ Новгородѣ, служившихъ духовнымъ лицамъ, совсѣмъ неслужившихъ (напр., по болѣзни)—всѣ эти группы князей Ярославскихъ дали захудалыя впослѣдствіи линіи этого рода.

Отмѣтивъ дѣятельность нѣкоторыхъ изъ князей Ярославскихъ въ смутное время и въ XVII вѣкѣ и указавъ на возвышеніе на мѣсто убылыхъ прежнихъ—новыхъ фамилій князей Ярославскихъ: Львовыхъ, Прозоровскихъ и другихъ, ранѣе бывшихъ худородными, референтъ въ заключеніи остановилъ вниманіе Съѣзда еще на тѣхъ изъ князей Ярославскихъ, которые пали въ сраженіяхъ XV—XVII вѣковъ, даже поименно исчислилъ ихъ, также на бывшихъ иноками изъ этихъ князей, преимущественно жившихъ въ Ярославскихъ монастыряхъ, и на двухъ историкахъ XVII вѣка, тоже вышедшихъ изъ среды князей Ярославскихъ; все это референтъ сообщилъ, по его словамъ, собственно для того, чтобы напомнить въ г. Ярославлѣ о почтенной дѣятельности князей Ярославскихъ на пользу своей родинѣ—землѣ Русской.

Рефератъ г. Маркевича вызвалъ замѣчаніе со стороны секретаря Съѣзда *Ѳ. А. Бычкова*, который указалъ, что въ своемъ любопытномъ рефератѣ г. Маркевичъ, объясняя причины захуданія въ XVI вѣкѣ княжескихъ родовъ, происшедшихъ отъ владѣтельныхъ князей Ярославскихъ, упустилъ изъ вида очень важное обстоятельство, сильно вліявшее на захуданіе родовъ князей Ярославскихъ, именно на преслѣдованіе въ царствованіи Іоанна Грознаго представителей княжескихъ фамилій, происходившихъ отъ Ярославскихъ владѣтельныхъ князей, причемъ, какъ извѣстно, весьма многіе представители этихъ родовъ были

казнены Грознымъ, лишились такимъ образомъ чести, а роды ихъ сильно захудали.

Л. Н. Трефолевъ доложилъ собранію рефератъ: «Дворецъ царевича Димитрія въ Угличѣ». Начальная постройка этого дворца относится къ половинѣ XV столѣтія; затѣмъ, Угличскіе князья нѣсколько разъ его перестраивали. Судя по большимъ размѣрамъ его фундамента, можно думать, что онъ когда-то былъ весьма обширныхъ размѣровъ. Эту же мысль подтверждаетъ и то соображеніе, что не только владѣтельные князья, но и бояре въ прежнія времена, кромѣ одного помѣщенія, имѣли постоянно рядъ другихъ, наприм., сѣни, теремъ, опочивальни. По преданію, дворецъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ теперь находится, есть ничто иное, какъ опочивальня царевича Димитрія. Съ этимъ, по мнѣнію референта, трудно согласиться, такъ какъ помѣщеніе его для одной только опочивальни царевича слишкомъ велико. Вѣрнѣе предположить, что въ немъ были перегородки, которыя теперь уничтожены. Подъ помѣщеніемъ царевича Димитрія въ тѣхъ же четырехъ стѣнахъ находится нижній этажъ. Въ немъ двѣ двери и нѣсколько оконъ, причемъ незадѣланной осталась только дверь. Полы въ нижнемъ этажѣ рушились, и потому видны своды подваловъ, изъ которыхъ одинъ провалился и другому угрожаетъ таже участь. Внутрь втораго подвала ведетъ узенькая лѣсенка въ правомъ углу. Мѣстный историкъ Киссель опровергаетъ мнѣніе о существованіи якобы подземно-подвальнаго хода изъ дворца царевича Димитрія подъ Волгу, ибо маленькія отдушины, находящіяся въ стѣнахъ подваловъ дворца, не даютъ возможности пройти черезъ нихъ человѣку. Вѣрнѣе всего, по мнѣнію г. Трефолева, что въ названныхъ подвалахъ хранилась казна Угличскихъ князей и вообще дворцовыя сокровища. Въ первый разъ дворецъ Димитрія царевича былъ подновленъ царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, который по сосѣдству со дворцомъ построилъ и церковь «Св. Димитрія на крови». При Императрицѣ Елизаветѣ на дворецъ была положена новая крыша. Въ царствованіе императора Павла I-го дворецъ царевича пришелъ совсѣмъ въ ветхость: крыша провалилась внутрь, ни половъ, ни потолковъ не было, всюду замѣтны были трещины. Смерть императора не дозволила начать перестройку дворца въ его царствованіе, и только

при императорѣ Александрѣ I-мъ была произведена полная реставрація дворца. Этимъ дѣломъ занялся Угличскій купецъ Кожевниковъ. Одно печально, что призванные Кожевниковымъ художники *подновили* живопись на внутреннихъ стѣнахъ дворца; они уничтожили, старую стѣнопись, т. е. стерли или замазали ее, и на мѣсто прежнихъ рисунковъ изобразили другіе, совершенно не подходящіе.

Печатано съ разрѣшенія Предсѣдателя VII Археологическаго Съѣзда.

Ярославль. 1887 года. Въ Тип. Губ. Правл.

ИЗВѢСТІЯ

о занятіяхъ

СЕДЬМАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА

ВЪ ЯРОСЛАВЛѢ.

№ 15.

Протоколъ заключительнаго засѣданія VII Археологическаго Съѣзда, 20 августа утромъ, подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя Съѣзда Ив. Ег. Забѣлина, при секретаряхъ Съѣзда Ѳ. А. Бычковѣ и В. К. Трутовскомъ.

Засѣданіе началось рефератомъ Предсѣдателя Тамбовской губернской ученой архивной Коммиссіи *Ив. Ив. Дубасова* „О дѣятельности губернскихъ ученыхъ архивныхъ Коммиссій", прочитанномъ, за отсутствіемъ референта, по просьбѣ послѣдняго, *А. Ѳ. Селивановымъ*. Въ своемъ рефератѣ г. Дубасовъ прежде всего останавливается на важности учрежденія ученыхъ архивныхъ Коммиссій и указываетъ на необходимость на будущихъ Съѣздахъ имѣть особое археографическое отдѣленіе. По его мнѣнію, архивныя Коммиссіи, имѣя въ своемъ распоряженіи архивы, вмѣщающіе много важныхъ актовъ для исторіи, могутъ принести большую пользу. Свое мнѣніе референтъ подтверждаетъ указаніемъ на дѣятельность Тамбовской ученой архивной Коммиссіи, которая, несмотря на трехлѣтнее только свое существованіе, собрала и издала много важныхъ матеріаловъ для исторіи Тамбовскаго края. Указавъ за

тѣмъ на неблагопріятныя условія (отсутствіе матеріальныхъ средствъ), при которыхъ приходится дѣйствовать архивнымъ Коммиссіямъ, референтъ сообщилъ отрадный фактъ, что, несмотря, однако, на все это, названныя Коммиссіи не только успѣли разобрать нѣсколько тысячъ старыхъ дѣлъ, но и издать многое.

А. Ѳ. Селивановъ дополнилъ рефератъ И. И. Дубасова обзоромъ дѣятельности ученыхъ архивныхъ Коммиссій въ Твери, Орлѣ, Рязани и Костромѣ и указалъ на важность работъ И. И. Дубасова для исторіи Тамбовскаго края. Поддерживая мнѣніе г. Дубасова о необходимости учрежденія на будущихъ Съѣздахъ особаго археографическаго отдѣленія, г. Селивановъ, заканчивая сообщеніе, сказалъ слѣдующее: „Мнѣніе И. И. Дубасова объ археографическомъ отдѣленіи на Съѣздахъ имѣетъ свое основаніе въ томъ, что архивное дѣло входило въ составъ занятій первыхъ Археологическихъ Съѣздовъ и встрѣчало горячее сочувствіе со стороны многихъ представителей науки; особенно сильную опору находило оно въ лицѣ извѣстнаго ученаго Н. В. Калачова, которому принадлежитъ не только иниціатива обширной ученой разработки архивовъ, но отчасти и практическое осуществленіе этой завѣтной его мысли, именно учрежденіе Археологическаго Института и архивныхъ Коммиссій. Высокой важности дѣло уже начато; Археологическому Съѣзду предстоитъ поддержать и развить это уже начатое дѣло и своимъ участіемъ восполнить одинъ изъ случайныхъ пробѣловъ въ своихъ занятіяхъ“.

Д. А. Корсаковъ, въ дополненіе къ сказанному А. Ѳ. Селивановымъ, произнесъ нѣсколько прочувствованныхъ словъ, посвященныхъ также памяти Н. В. Калачова, имя котораго, по словамъ г. Корсакова, написано крупными буквами въ исторіи русской археографіи и русскаго права, и можетъ быть поставлено на ряду весьма высокихъ и почтенныхъ именъ среди небольшой семьи русскихъ научныхъ дѣятелей. Вслѣдъ за Д. А. Корсаковымъ Предсѣдатель Ученаго Комитета Съѣзда *С. М. Шпилевскій*, въ виду важныхъ заслугъ для науки академика Н. В. Калачова, предложилъ собранію почтить память почившаго академика вставаніемъ. Предложеніе это было сочувственно принято какъ членами Съѣзда, такъ и присутствовавшей на засѣданіи публикой.

Затѣмъ слѣдовало сообщеніе Предсѣдательницы Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества *графини П. С. Уваровой*: „Къ вопросу о провинціальныхъ Музеяхъ“. Изложивъ весьма подробно обзоръ всѣхъ существующихъ на Руси Музеевъ, а равно и исторію основанія и развитія этихъ послѣднихъ, графиня Уварова обратила вниманіе Съѣзда на то, что почти вездѣ эти Музеи обязаны своимъ существованіемъ частному труду отдѣльныхъ скромныхъ личностей. «Мощность частной инициативы, сказала графиня, въ дѣлѣ основанія Музеевъ, мнѣ кажется, уже довольно доказана тѣмъ перечнемъ Музеевъ, который приведенъ мною выше; оспаривать этого вопроса нѣтъ никакой возможности, если мы только воскресимъ въ нашей памяти выдающіяся единицы въ этомъ перечнѣ, какъ, напримѣръ, Минусинскій Музей на крайнемъ востокѣ, Таврическій на югѣ, Тверской—въ самомъ центрѣ Россіи и нашихъ двухъ богатырей-великановъ въ Москвѣ—Политехническій и Историческій Музеи». Переходя къ дальнѣйшимъ подробностямъ, графиня доказывала фактами, что частная инициатива, основывая и устраивая Музеи должна придти къ убѣжденію, что для дальнѣйшаго развитія этихъ Музеевъ, для сохраненія и закрѣпленія ихъ за тѣмъ обществомъ и государствомъ, для которыхъ они собраны, достояніемъ котораго должны считаться, необходима помощь Правительства, которое одно можетъ сохранить собранныя сокровища, оградить ихъ отъ гибели и разграбленія послѣдующими поколѣніями. «Пусть за частнымъ лицемъ остается, говорила графиня, его энергія, его сила воли, его созидающее и вызывающее къ жизни начало; пусть Правительство съ своей стороны явится ангеломъ хранителемъ этого частнаго лица, его достоянія, сокровищницы, собранной имъ на пользу русскаго дѣла, русскаго просвѣщенія; пусть Правительство будетъ для этого лица и его дѣятельности тѣмъ лучезарнымъ столбомъ, который велъ Іудеевъ среди невѣдомой, окружавшей ихъ пустыни.»

На основаніи всего вышесказаннаго графиня предложила обратить вниманіе Правительства на существующіе уже Музеи и ходатайствовать объ установленіи для нихъ нормальнаго устава или положенія, который сталъ бы мало по малу обязательнымъ для всѣхъ другихъ подобныхъ учрежденій.

тѣмъ на неблагопріятныя условія (отсутствіе матеріальныхъ средствъ), при которыхъ приходится дѣйствовать архивнымъ Коммиссіямъ, референтъ сообщилъ отрадный фактъ, что, несмотря, однако, на все это, названныя Коммиссіи не только успѣли разобрать нѣсколько тысячъ старыхъ дѣлъ, но и издать многое.

А. Ө. Селивановъ дополнилъ рефератъ И. И. Дубасова обзоромъ дѣятельности ученыхъ архивныхъ Коммиссій въ Твери, Орлѣ, Рязани и Костромѣ и указалъ на важность работъ И. И. Дубасова для исторіи Тамбовскаго края. Поддерживая мнѣніе г. Дубасова о необходимости учрежденія на будущихъ Съѣздахъ особаго археографическаго отдѣленія, г. Селивановъ, заканчивая сообщеніе, сказалъ слѣдующее: „Мнѣніе И. И. Дубасова объ археографическомъ отдѣленіи на Съѣздахъ имѣетъ свое основаніе въ томъ, что архивное дѣло входило въ составъ занятій первыхъ Археологическихъ Съѣздовъ и встрѣчало горячее сочувствіе со стороны многихъ представителей науки; особенно сильную опору находило оно въ лицѣ извѣстнаго ученаго Н. В. Калачова, которому принадлежитъ не только иниціатива обширной ученой разработки архивовъ, но отчасти и практическое осуществленіе этой завѣтной его мысли, именно учрежденіе Археологическаго Института и архивныхъ Коммиссій. Высокой важности дѣло уже начато; Археологическому Съѣзду предстоитъ поддержать и развить это уже начатое дѣло и своимъ участіемъ восполнить одинъ изъ случайныхъ пробѣловъ въ своихъ занятіяхъ“.

Д. А. Корсаковъ, въ дополненіе къ сказанному А. Ө. Селивановымъ, произнесъ нѣсколько прочувствованныхъ словъ, посвященныхъ также памяти Н. В. Калачова, имя котораго, по словамъ г. Корсакова, написано крупными буквами въ исторіи русской археографіи и русскаго права, и можетъ быть поставлено на ряду весьма высокихъ и почтенныхъ именъ среди небольшой семьи русскихъ научныхъ дѣятелей. Вслѣдъ за Д. А. Корсаковымъ Предсѣдатель Ученаго Комитета Съѣзда *С. М. Шпилевскій*, въ виду важныхъ заслугъ для науки академика Н. В. Калачова, предложилъ собранію почтить память почившаго академика вставаніемъ. Предложеніе это было сочувственно принято какъ членами Съѣзда, такъ и присутствовавшей на засѣданіи публикой.

Затѣмъ слѣдовало сообщеніе Предсѣдательницы Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества *графини П. С. Уваровой*: „Къ вопросу о провинціальныхъ Музеяхъ". Изложивъ весьма подробно обзоръ всѣхъ существующихъ на Руси Музеевъ, а равно и исторію основанія и развитія этихъ послѣднихъ, графиня Уварова обратила вниманіе Съѣзда на то, что почти вездѣ эти Музеи обязаны своимъ существованіемъ частному труду отдѣльныхъ скромныхъ личностей. «Мощность частной иниціативы, сказала графиня, въ дѣлѣ основанія Музеевъ, мнѣ кажется, уже довольно доказана тѣмъ перечнемъ Музеевъ, который приведенъ мною выше; оспаривать этого вопроса нѣтъ никакой возможности, если мы только воскресимъ въ нашей памяти выдающіяся единицы въ этомъ перечнѣ, какъ, напримѣръ, Минусинскій Музей на крайнемъ востокѣ, Таврическій на югѣ, Тверской—въ самомъ центрѣ Россіи и нашихъ двухъ богатырей-великановъ въ Москвѣ - Политехническій и Историческій Музеи». Переходя къ дальнѣйшимъ подробностямъ, графиня доказывала фактами, что частная иниціатива, основывая и устраивая Музеи должна придти къ убѣжденію, что для дальнѣйшаго развитія этихъ Музеевъ, для сохраненія и закрѣпленія ихъ за тѣмъ обществомъ и государствомъ, для которыхъ они собраны, достояніемъ котораго должны считаться, необходима помощь Правительства, которое одно можетъ сохранить собранныя сокровища, оградить ихъ отъ гибели и разграбленія послѣдующими поколѣніями. «Пусть за частнымъ лицемъ остается, говорила графиня, его энергія, его сила воли, его созидающее и вызывающее къ жизни начало; пусть Правительство съ своей стороны явится ангеломъ хранителемъ этого частнаго лица, его достоянія, сокровищницы, собранной имъ на пользу русскаго дѣла, русскаго просвѣщенія; пусть Правительство будетъ для этого лица и его дѣятельности тѣмъ лучезарнымъ столбомъ, который велъ Іудеевъ среди невѣдомой, окружавшей ихъ пустыни.»

На основаніи всего вышесказаннаго графиня предложила обратить вниманіе Правительства на существующіе уже Музеи и ходатайствовать объ установленіи для нихъ нормальнаго устава или положенія, который сталъ бы мало по малу обязательнымъ для всѣхъ другихъ подобныхъ учрежденій.

Предложеніе графини Уваровой и выработанный ею проектъ устава для провинціальныхъ Музеевъ вызвалъ оживленныя возраженія, особенно со стороны депутата отъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, профессора Императорскаго Новороссійскаго Университета *А. А. Кочубинскаго*, оспаривавшаго высказанный графиней Уваровою взглядъ на дѣло охраненія отъ гибели провинціальныхъ Музеевъ. Кромѣ того депутатъ Императорскаго Дерптскаго Университета профессоръ *П. А. Висковатовъ*, въ дополненіе къс ообщенію графини Уваровой, познакомилъ Съѣздъ съ исторіею возникновенія и дальнѣйшаго существованія Эстонскаго ученаго Общества. Общество это, по словамъ П. А. Висковатова, было основано 19 января 1838 года 19-ю лицами, которыя сошлись съ цѣлью заняться прошлымъ и настоящимъ эстскаго народа. Въ 50-хъ же годахъ число членовъ названнаго Общества доходило уже до 100 человѣкъ. Разнообразна была первая дѣятельность Общества, касаясь всѣхъ областей знанія. Явились изданія календарей, эстскихъ пѣсенъ и, наконецъ, сборникъ эпическихъ пѣсенъ эстонцевъ (трудъ Крейцвальда). Много сдѣлано было Эстонскимъ ученымъ Обществомъ для изученія древностей и исторіи эстскаго народа. Въ настоящее время при Обществѣ есть Музей, заслуживающій серьезнаго вниманія. Однимъ изъ членовъ Общества г. Гартманъ сдѣлано тщательное и полное описаніе находокъ, преимущественно бронзоваго періода, въ Эстляндіи; находки эти представляютъ много весьма рѣдкаго и поучительнаго. Собственно для доисторической археологіи много сдѣлано было Обществомъ въ послѣднее десятилѣтіе и душею этихъ трудовъ былъ проф. *Гревингкъ*, скончавшійся нынѣ, издавшій рядъ замѣчательныхъ работъ, между коими заслуживаетъ вниманія археологическая карта Прибалтійскаго края.

Надо удивляться дѣятельности этого мѣстнаго Общества, издавшаго уже XIII томовъ Извѣстій своихъ, не говоря о другихъ трудахъ, появившихся въ печати.

Эстонское ученое Общество обладаетъ также и хорошо организованной библіотекой, состоящей изъ 8000 томовъ книгъ и 500 рукописныхъ сочиненій; оно состоитъ также въ сношеніяхъ съ 155 учеными Обществами.

Послѣ продолжительныхъ преній, собраніемъ было постановлено: напечатать прочитанный графинею П. С. Уваровой докладъ и разослать его къ заинтересованнымъ въ этомъ дѣлѣ лицамъ, мнѣнія коихъ по настоящему вопросу поручить обработать Московскому Археологическому Обществу и затѣмъ уже дать дальнѣйшее движеніе возбужденному графиней Уваровою вопросу.

Послѣ графини Уваровой, профессоръ *Д. А. Корсаковъ* прочелъ рефератъ, который былъ посвященъ, во 1-хъ, выясненію значенія исторіи той территоріи, которую занимаетъ въ настоящее время Ярославская губернія въ общемъ ходѣ Русской исторіи, и, во 2-хъ, указанію на разработку Ростовско-Ярославской *старины и древности мѣстными учеными и любителями.*

По первому вопросу г. Корсаковъ обратилъ прежде всего вниманіе слушателей на то обстоятельство, что въ предѣлахъ Ярославской губерніи возникла и окрѣпла важнѣйшая отрасль Русскаго народа—племя великорусское, которое образовалось путемъ колонизаціи славянскихъ „находниковъ“ съ юга, отъ кривичей и изъ Новгорода—среди финскаго народа мери, оборигена этой мѣстности; затѣмъ, референтъ развивалъ слѣдующую мысль: великорусское племя—говорилъ онъ—проявило себя въ общей русской исторической жизни созданіемъ русскаго государства, выразивъ въ своей исторіи три основныя, самобытныя черты: 1) православно-благочестивую религіозность; 2) установленіе и развитіе единодержавнаго государственнаго порядка; 3) борьбу съ восточными инородческими племенами. Далѣе г. Корсаковъ припомнилъ выдающіяся черты изъ исторіи старѣйшихъ городовъ Ярославской губерніи -- Ростова-Великаго, Ярославля и Углечаполя (Углича), въ которыхъ были особыя удѣльныя княженія, жившія самостоятельною, независимою государственною жизнію почти въ теченіи трехъ столѣтій (съ начала XIII вѣка до исхода XV-го). Отмѣтивъ важнѣйшіе факты изъ этой жизни, г. Корсаковъ охарактеризовалъ историческую роль Ростова, Ярославля и Углича въ послѣдующей исторіи государства Московскаго и Россійской имперіи, въ теченіи XVI, XVII, XVIII и XIX вѣковъ--роль, въ которой продолжала проявляться самобытность этихъ городовъ.

Исходя изъ важнаго значенія мѣстной Ростовско-Ярославской исторіи въ общемъ ходѣ исторіи Россіи, г. Корсаковъ взглянулъ на изученіе мѣстной Ростовско-Ярославской древности и старины, какъ на изученіе существенныхъ вопросовъ древней Русской исторіи вообще, а потому вошелъ въ подробное разсмотрѣніе трудовъ по мѣстной Ростовско-Ярославской исторіи. Онъ разсмотрѣлъ сначала изученіе *источниковъ* этой исторіи по тремъ главнѣйшимъ родамъ ихъ: вещественнымъ, устнымъ и письменнымъ, а затѣмъ перешелъ къ историческимъ изслѣдованіямъ.

При обзорѣ *вещественныхъ* источниковъ мѣстной исторіи, г. Корсаковъ остановился преимущественно на изслѣдованіи Мерянскихъ кургановъ графомъ Уваровымъ, на изученіи церковныхъ древностей Ярославля, Ростова и Романова—Борисоглѣбска во время VII Археологическаго Съѣзда и на реставраціи Ростовскаго кремля и учрежденіи Музея въ старинныхъ Ростовскихъ митрополичьихъ палатахъ.

Изъ *устныхъ* источниковъ г. Корсаковъ обратилъ вниманіе на важность изученія мѣстныхъ названій населенныхъ мѣстъ, рѣкъ, озеръ и урочищъ и историческихъ преданій, доселѣ въ обиліи обращающихся среди низшихъ слоевъ мѣстнаго населенія, указавъ на то, что уже сдѣлано для этого изученія и что предстоитъ еще сдѣлать въ будущемъ.

Болѣе подробно остановился г. Корсаковъ на источникахъ *письменныхъ*. Указавъ на обиліе вообще древнихъ и старинныхъ письменныхъ памятниковъ въ церквахъ и монастыряхъ Ярославской губерніи и во многихъ частныхъ собраніяхъ въ Ярославлѣ (И. А. Вахромѣева и В. И. Лѣствицына) и въ Ростовѣ (А. А. Титова), на остатки *мѣстныхъ* лѣтописей Ярославскихъ, Ростовскихъ и Угличскихъ, г. Корсаковъ представилъ подробный обзоръ письменныхъ источниковъ мѣстной исторіи, доставленныхъ къ Съѣзду: изъ С.-Петербурга академикомъ, Директоромъ Императорской Публичной Библіотеки, Товарищемъ Предсѣдателя Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества А. Ѳ. Бычковымъ и изъ Москвы—почетнымъ членомъ Императорской Академіи Наукъ, Директоромъ Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ Мо-

сквѣ—барономъ Ѳ. А. Бюлеромъ. Коллекція рукописей, доставленная А. Ѳ. Бычковымъ, взятая изъ богатаго государственнаго книгохранилища, находящагося подъ его управленіемъ, представляла собою весьма цѣнные источники для Ярославско-Ростовской исторіи и снабжена была прекраснымъ ученымъ описаніемъ, составленнымъ по распоряженію А. Ѳ. Бычкова и напечатаннымъ въ Ярославлѣ особой брошюрой. Большинство рукописей этой коллекціи составлены или написаны въ предѣлахъ теперешней Ярославской губерніи. Не менѣе интереса представляла коллекція государственныхъ и юридическихъ актовъ и плановъ городовъ Ярославской губерніи, доставленная барономъ Бюлеромъ изъ Главнаго Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Труды по изученію мѣстной Ростовско-Ярославской исторіи были разсмотрѣны г. Корсаковымъ по слѣдующимъ рубрикамъ: 1) труды профессоровъ Демидовскаго Юридическаго Лицея и секретаря онаго К. Д. Головщикова; 2) заслуги для разработки мѣстной исторіи Высокопреосвященнаго Іонаѳана, архіепископа Ярославскаго и Ростовскаго и лицъ духовнаго вѣдомства въ Ярославской епархіи. Ярославскія Епархіальныя Вѣдомости, старѣйшія въ Россіи (выходятъ вмѣстѣ съ Херсонскими Епархіальными Вѣдомостями съ 1860 года), житія мѣстныхъ святыхъ и описанія монастырей и церквей; 3) Ярославскія Губернскія Вѣдомости, особенно усердно разработывающія мѣстную исторію подъ редакціею теперешняго ихъ редактора—Ѳед. Аѳ. Бычкова; 4) труды членовъ Ярославскаго Статистическаго Комитета и, наконецъ, 5) труды частныхъ лицъ (графъ М. В. Толстой, В. И. Лѣствицынъ, А. А. Титовъ, И. А. Вахромѣевъ, И. А. Шляковъ, Л. Н. Трефолевъ).

Изъ обзора источниковъ Ростовско-Ярославской исторіи и ея разработки мѣстными учеными и любителями г. Корсаковъ пришелъ къ заключенію, что эта исторія богата какъ матеріаломъ, такъ и изслѣдованіями въ такой мѣрѣ, какъ это рѣдко встрѣчается въ другихъ русскихъ областяхъ. Въ этомъ отрадномъ фактѣ референтъ усмотрѣлъ вполнѣ подготовленную почву для проектированнаго въ Ярославлѣ Общества любителей мѣстной археологіи и этнографіи. Въ заключеніе г. Корсаковъ привѣт-

ствовалъ это вновь зарождающееся ученое Общество отъ лица Казанскаго Общества археологіи, исторіи и этнографіи, коего онъ является на XII Съѣздѣ однимъ изъ представителей, а затѣмъ лично отъ себя, такъ какъ его первая ученая работа (магистерская диссертація, изданная 15 лѣтъ тому назадъ), была посвящена исторіи Ростова и Ярославля.

Рефератомъ Д. А. Корсакова закончились ученыя сообщенія на VII Археологическомъ Съѣздѣ въ Ярославлѣ. На каѳедру, послѣ г. Корсакова, взошелъ представитель Министерства Народнаго Просвѣщенія на Съѣздѣ, Директоръ Демидовскаго Юридическаго Лицея С. М. Шпилевскій и въ слѣдующихъ выраженіямъ объявилъ VII Археологическій Съѣздъ закрытымъ: „Гг. члены VII Археологическаго Съѣзда и почтенные представители Ярославскаго общества!—обратился С. М. Шпилевскій къ присутствовавшимъ—съ искреннимъ сожалѣніемъ вхожу я на каѳедру для исполненія своей обязанности объявить VII Археологическій Съѣздъ закрытымъ. Оканчивается нашъ праздникъ науки, который привлекъ къ намъ такое многочисленное собраніе знаменитыхъ гостей. Многіе изъ насъ въ первый разъ видѣли и слышали тѣхъ, имена которыхъ, какъ высокихъ представителей русской археологической и исторической науки, хорошо извѣстны во всей Россіи; вмѣстѣ съ этими свѣтилами науки мы познакомились и съ пріѣхавшими къ намъ изъ многихъ провинціальныхъ городовъ, скромными и высокодобросовѣстными дѣятелями по изученію мѣстной исторіи своихъ областей. Это соединеніе ученыхъ силъ и составляетъ главное значеніе Съѣзда. Въ продолженіе двухъ недѣль передъ нашими глазами было богатѣйшее собраніе предметовъ первобытной древности, сотни фотографій и рисунковъ разныхъ церковныхъ древностей, древнѣйшія рукописи, акты, старинные планы и карты разныхъ мѣстностей. Кромѣ рефератовъ, имѣющихъ важное общенаучное значеніе, мы услыхали многое, прямо и спеціально относящееся къ объясненію нашихъ мѣстныхъ памятниковъ древности и нашей областной исторіи; подъ руководствомъ вполнѣ авторитетныхъ спеціалистовъ мы осмотрѣли древніе церковные памятники въ Ярославлѣ, Ростовѣ, въ Толгскомъ монастырѣ и въ Романовѣ-Борисоглѣбскѣ. Зала засѣданій Съѣзда была постоянно полна, выставка посѣщалась мѣстными

жителями очень усердно. Очевидно, что Съѣздъ произвелъ свое дѣйствіе на мѣстныхъ жителей. Онъ оживилъ насъ, поднялъ нашъ духъ, воодушевилъ и направилъ насъ къ дальнѣйшему изученію нашей родной старины. Съѣхавшіеся со всей Россіи члены Съѣзда всѣ дружно соединялись вмѣстѣ, этимъ исполнилась важнѣйшая задача Съѣзда—взаимное ознакомленіе и сближеніе братьевъ по оружію, въ разныхъ мѣстахъ обширнаго нашего отечества служащихъ одной цѣли, занятыхъ одинаковыми научными вопросами и интересами. И, вотъ, эта дружина, сплотившаяся воедино въ интересахъ науки, опять расходится по всей Россіи; замолкаютъ голоса, объяснявшіе намъ нашу родную старину; пустѣютъ залы выставки. Съѣздъ окончился! Приносимъ искреннюю, сердечную благодарность всѣмъ такъ или иначе содѣйствовавшимъ успѣхамъ VII Археологическаго Съѣзда. Ярославскіе и Ростовскіе граждане встрѣчали своихъ гостей съ искреннею, неподдѣльною радостью и съ полнымъ уваженіемъ, что, по возможности, старались выразить на дѣлѣ. Просимъ нашихъ гостей не поминать насъ лихомъ! Приносимъ Съѣзду глубокую благодарность и за то, что подъ его вліяніемъ зародилась у насъ близкая къ осуществленію мысль объ открытіи Ярославскаго Общества любителей археологіи и этнографіи съ Музеемъ при немъ. Мнѣ представляется, что задуманное нами новое дѣло встрѣтитъ благопріятныя для себя условія.

Прощайте, наши дорогіе гости!— Объявляю VII Археологическій Съѣздъ закрытымъ.“

По закрытіи Съѣзда, Предсѣдатель послѣдняго И. Е. Забѣлинъ произнесъ нижепомѣщаемую рѣчь: „Послѣ всѣхъ рефератовъ столько интересныхъ, поучительныхъ и столько серьезныхъ—началъ г. ораторъ—позвольте мнѣ сказать нѣсколько словъ. Наши работы и труды окончились, страдная наша пора минуется. Обозрѣвая пройденный путь напряженнаго вниманія и безпрестанно работавшей мысли, что мы можемъ сказать о собранной нами жатвѣ, о достоинствѣ и характерѣ собранныхъ зеренъ. Наши полосы не были равно обильны. Мы, какъ подобаетъ въ историческихъ работахъ, обозрѣвали русскую землю въ ея доисторическихъ преданіяхъ, касались, словомъ, доисторическаго времени. Здѣсь мы ничего не могли уразумѣть вѣрнаго и яснаго, все осталось по преж-

нему, въ прежнемъ сумракѣ. Задача науки—собрать фактическіе матеріалы, что мы исполнили усерднѣйшимъ образомъ, собравши превосходную выставку, собравши превосходныя коллекціи изслѣдованій кургановъ къ настоящему Съѣзду. Мы выслушали превосходнѣйшіе доклады и сообщенія, разсказавшіе намъ много любопытнаго и указавшіе еще больше совсѣмъ неразгаданнаго. Весь собранный матеріалъ, въ общей его сложности, до сихъ поръ лежитъ совсѣмъ непонятной грудой предъ нашимъ сознаніемъ, мы ничего объяснить не могли. Очень многіе предметы, представленные изслѣдователями кургановъ, остаются для насъ нѣмыми, мы не понимаемъ, гдѣ они находились, когда живой человѣкъ ихъ употреблялъ. Очень немногіе предметы, сами собой указываютъ на ихъ назначеніе, но я повторяю опять, собранный нами матеріалъ мы не съумѣли разъяснить и онъ на половину, или еще болѣе, остается только еще матеріаломъ для будущихъ работъ. Зато, переходя съ этихъ облаковъ туманныхъ, въ которыхъ носилось наше воображеніе, опускаясь на землю, т. е. переходя къ дѣламъ точныхъ письменъ, мы не можемъ не радоваться такимъ изслѣдованіямъ, какія были разсказаны намъ, напр., О Сильвестрѣ Медвѣдевѣ первомъ библіографѣ, о лѣтописцѣ Витекомъ и о сказаніяхъ его, о попѣ Богомилѣ или Еремѣѣ. Подобные образцовые труды, конечно, составляютъ нашу жатву. Переходя, затѣмъ, въ область искусства, которое съ особой яркостью изобразилось предъ нашими глазами, область искусства тоже самое представляетъ весьма обильную жатву и благотворную. Мы останавливались на русскомъ искусствѣ, гдѣ блистательные рефераты показали намъ, что очень пріятно заявить, за Ярославское зодчество. Черта самобытности русскаго искусства утвердила мысль и склонила вниманіе, что существуютъ въ Ярославлѣ памятники, существуетъ русскій стиль, который только нужно умѣть воссоздать при особомъ трудѣ и при особомъ талантѣ. Этотъ фактъ теперь уже несомнѣненъ. Весной въ Москвѣ происходили пренія между представителями зодчества, есть ли русскій стиль. Мы можемъ, обозрѣвая Ярославскіе памятники и при помощи блестящихъ результатовъ, быть въ твердой увѣренности, что существуетъ этотъ стиль въ каждой Ярославской церкви, надо только имѣть глаза. Но не одно русское искусство насъ

занимало, насъ занимало и искусство Европейское, такъ мы выслушали блестящій рефератъ о стѣнахъ древняго Рима, рефератъ, который, хотя былъ чрезвычайно удаленъ отъ нашихъ ближайшихъ сосѣдей въ искусствѣ, тѣмъ не менѣе можетъ служить образцомъ для изслѣдованія и объясненія нашихъ собственныхъ памятниковъ и надо желать, чтобы въ той же мѣрѣ происходило изученіе каждаго нашего памятника зодчества. Я не буду обозрѣвать его научнаго значенія для западнаго искусства, я беру его. какъ образецъ изслѣдованія подобныхъ памятниковъ для насъ. Мы не оставили въ сторонѣ и дальняго востока и блестящіе рефераты послѣдовали по поводу вопроса о большемъ изученіи древностей востока, не нашего востока, но культурнаго древняго востока, и мы опять раскрыли предъ своими глазами цѣлую область, на которую доселѣ мало обращали вниманія, даже не думали, что это наша обязанность изучать далекій востокъ. Я замѣчу, что во многихъ сторонахъ мы, по крайней мѣрѣ, такъ сказать, приподняли завѣсу, скрывавшую различные углы знаній археологическихъ. Горизонтъ нашъ вслѣдствіе того расширился, мы теперь больше видимъ, а многое яснѣе видимъ, чѣмъ тогда, когда только собирались на Съѣздъ. Наши труды и работы окончились, но не утомилась наша жажда къ знаніямъ, напротивъ, она болѣе распалилась отъ новыхъ открытій, отъ новыхъ изслѣдованій съ указаніемъ на новые факты, новые свѣточи для разслѣдованія значенія темныхъ предметовъ. Мы ожидаемъ новаго Съѣзда и уже назначили ему время и мѣсто, ожидаемъ новаго Съѣзда, чтобы договорить недосказанное на этомъ Съѣздѣ, чтобы полнѣе высказать блеснувшую неожиданно мысль, чтобы полнѣе выработать мимоходомъ сдѣланный намекъ, словомъ, мы остаемся опять съ жаждой изслѣдованій. Оканчивая наши труды и работы, мы должны просить благословенія преосвященнѣйшаго Іонаѳана на обратный путь домой, вмѣстѣ съ тѣмъ мы должны поклониться гостепріимному и столь радушному городу Ярославлю, который отнесся съ такимъ расположеніемъ къ дѣламъ науки, для насъ, въ нашихъ работахъ, облегчившему нашу дѣятельность. Поэтому отъ лица всѣхъ членовъ Съѣзда мы покланяемся городу, древнему Ярославлю, и сердечно приносимъ благодарность за все ока-

занное вниманіе, за все радушіе, которое испытывалъ каждый и на каждомъ мѣстѣ въ этомъ городѣ.»

По окончаніи заключительнаго собранія Съѣзда, на которомъ присутствовали: Высокопреосвященный Іонаѳанъ Архіепископъ Ярославскій и Ростовскій, г. Ярославскій Вице-Губернаторъ П. К. Рекъ, Управляющій Ярославскою Контрольною Палатою А. Л. Ромейко-Гурко и другіе представители губернской администраціи, всѣ присутствовавшіе члены Съѣзда перешли изъ актовой залы, гдѣ происходили засѣданія Съѣзда, въ домовую церковь Лицея. Здѣсь Высокопреосвященнымъ Архіепископомъ, въ сослуженіи архимандрита Владиміра и 3-хъ представителей мѣстнаго духовенства, было совершено благодарственное молебствіе по случаю окончанія занятій VII Археологическаго Съѣзда. За молебствіемъ были возглашены многолѣтія: Государю Императору, Государынѣ Императрицѣ, Наслѣднику Цесаревичу и всему Царствующему Дому, Св. Синоду, Высокопреосвященнѣйшему Іонаѳану съ его паствою и, въ заключеніе, всѣмъ участникамъ въ трудахъ VII Археологическаго Съѣзда. По окончаніи молебствія Владыка обратился къ представителямъ науки съ слѣдующею рѣчью: „Достопочтенные изслѣдователи русской старины!—началъ свое заключительное слово архипастырь—воздавъ благодареніе Господу Богу, Благодѣтелю нашему и Споспѣшнику во всѣхъ добрыхъ начинаніяхъ и дѣлахъ нашихъ, долгомъ считаю, разставаясь съ Вами, Мм. Гг., изъявить и Вамъ сердечную благодарность за ваши усердные занятія и труды по изслѣдованію церковныхъ древностей въ Ростовско-Ярославской области. Думаю, что вы, какъ истые любители почтенной древности, съ утѣшеніемъ посмотрѣли на наши древніе православные храмы Божіи, полюбовались красотою древней архитектуры и внутреннимъ благолѣпіемъ ихъ, а можетъ быть нѣкоторые изъ васъ и поскорбѣли, что не все дорогое древнее сохранено здѣсь въ надлежащей цѣлости, и что иное, напротивъ, замѣнено новыми произведеніями зодчества и искусства. Не судите за сіе строго кого бы то ни было. Время сему виною, ибо время всякой вещи подъ небесемъ. Время и самыя прочныя сооруженія человѣческія постепенно видоизмѣняетъ и приводитъ къ разрушенію. Время не щадитъ и насъ самихъ. Какъ бы мы не старались въ преклонныхъ лѣтахъ реста-

врировать себя, все же мы не сдѣлаемъ себя молодыми и мужественными, какими многимъ хотѣлось бы быть. Такъ и всѣ видимые нами предметы, подлежащіе скорому или продолжительному видоизмѣненію, не могутъ быть приведены нами въ тотъ самый видъ, въ какомъ они были за нѣсколько столѣтій.

Возобновивъ нашъ древній Ростовскій кремль, мы врядъ ли достигли того, чѣмъ онъ былъ за 200 слишкомъ лѣтъ назадъ. Мы закрыли только его руины и безобразіе и сѣдую его древность украсили въ древнемъ вкусѣ современными матеріалами и красками, но дали-ли ему первобытную прочность и вѣковую живучесть? Сказать не рѣшаюсь. Мы отжили то время, сказалъ одинъ изъ современныхъ археологовъ *), когда храмы наши создавалъ часто простой мастеръ. То было творчество народное, продуктъ физіологически сложившихся элементовъ національной жизни. Во всѣхъ формахъ былъ свой языкъ, своя духовная идея. Съ тѣхъ поръ, какъ затмило насъ вліяніе запада, мы сбились съ дороги и забыли наше искусство. Только въ настоящее время, во имя самопознанія, наступила желанная пора возрожденія русскаго искусства. Мы только недавно обратились къ изученію дошедшихъ до насъ памятниковъ роднаго искусства. И потому неудивительно, что нѣкоторые древніе храмы въ здѣшней епархіи видоизмѣнены. За нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ мало заботились о сохраненіи древнихъ церквей и памятниковъ старины, и они видоизмѣнялись или по современнымъ архитекторскимъ соображеніямъ и планамъ, или по вкусу и настойчивымъ требованіямъ богатыхъ средствами строителей и благотворителей церквей въ бѣднѣйшихъ приходахъ,—или, наконецъ, потому, что небыло ни какой возможности пріискать искусныхъ мастеровъ и иконописцевъ, которые могли бы разрушающуюся древнюю церковь реставрировать въ томъ видѣ и обликѣ, въ какомъ она прежде существовала. Если и въ настоящее время, при всей заботливости Правительства о сохраненіи памятниковъ старины, мало людей искусныхъ и непогрѣшительныхъ въ археологіи и реставраціи: то что можно сказать о временахъ давноминувшихъ?

*) В. В. Сусловъ.

Поэтому желательно было бы мнѣ, чтобы вы, достопочтенные изслѣдователи старины, были снисходительны по отношенію къ тѣмъ недостаткамъ въ сохраненіи и реставраціи церковныхъ памятниковъ древности, которые вами нынѣ усмотрѣны, и погрѣшности неискусныхъ въ археологіи дѣятелей исправили потребными указаніями и наставленіями. Вы, какъ истинные труженики археологической науки, болѣе другихъ проникающіе въ тайны научной мудрости, должны быть вѣрны той премудрости небесной, о которой сказано, что она чиста, мирна, скромна, послушна, полна милосердія и добрыхъ плодовъ (Іаков. III, 17). Да пребудетъ сія премудрость съ вами навсегда, а съ нею да пребудутъ надъ всѣми вами и благословеніе Божіе и покровительство Ярославскихъ и Ростовскихъ чудотворцевъ. Аминь."

Печатано съ разрѣшенія Предсѣдателя VII Археологическаго Съѣзда.

Ярославль. 1887 года. Въ тип. Губ. Правл.

СПИСОКЪ ЧЛЕНОВЪ VII АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА *).

1 Авдулинъ Михаилъ Петровичъ Ярославль.
2 Алексѣевъ Георгій Петровичъ. С.-Петербургъ.
3 Амиторовъ Николай Александровичъ. Даниловъ.
4 Андреевъ Василій Ипполитовичъ.
5 Анучинъ Дмитрій Николаевичъ. Москва.
6 Арсеньевъ Сергѣй Васильевичъ. Берлинъ.
7 Артыновъ Александръ Яковлевичъ. Ростовъ Великій.
8 Архангельскій Александръ Семеновичъ.
9 Бабіевскій Иванъ Григорьевичъ. Ярославль.
10 Багалѣй Дмитрій Ивановичъ. Харьковъ.
11 Барсовъ Елпидифоръ Васильевичъ. Москва.
12 Барсовъ Николай Ивановичъ. С.-Петербургъ.
13 Барщевскій Иванъ Ѳеодоровичъ. Ярославль.
14 Бензенгеръ Василій Николаевичъ.
15 Бережковъ Михаилъ Николаевичъ. Нѣжинъ.
16 Березникова Марія Петровна. Ярославль.
17 Бестужевъ-Рюминъ Константинъ Николаевичъ. С.-Петербургъ.
18 Благовѣщенскій Александръ Аѳанасьевичъ. С.-Петербургъ.
19 Благовѣщенскій Николай Михайловичъ. С.-Петербургъ.
20 Графиня Бобринская Надежда Александровна. С.-Петербургъ.
21 Графъ Бобринскій Алексѣй Александровичъ. С.-Петербургъ.

---

*) Въ этотъ списокъ внесены лица, получившія членскіе билеты отъ Имп. Московскаго Археологическаго Общества, отъ Имп. Русскаго Археологическаго Общества въ Петербургѣ и отъ Предварительнаго Комитета Съѣзда въ Ярославлѣ.

22 Богословскій Василій Ивановичъ. Нижній-Новгородъ.
23 Бранденбургъ Николай Евфимовичъ. С.-Петербургъ.
24 Булатовъ Дмитрій Александровичъ. Ростовъ-Великій.
25 Бычковъ Аѳанасій Ѳеодоровичъ. С.-Петербургъ.
26 Бычковъ Ѳеодоръ Аѳанасьевичъ. Ярославль.
27 Бѣлогрицъ-Котляревскій Леонидъ Сергѣевичъ. Ярославль.
28 Бѣлокуровъ Сергѣй Алексѣевичъ. Москва.
29 Бѣляевъ Андрей Дмитріевичъ.
30 Вакуловскій Николай Николаевичъ. Кронштадтъ.
31 Васильевъ Иванъ Ивановичъ. С.-Петербургъ.
32 Васильевскій Павелъ Григорьевичъ. Джаркентъ (Семирѣченская обл.).
33 Вахромѣева Елизавета Семеновна. Ярославль.
34 Вахромѣевъ Иванъ Александровичъ. Ярославль.
35 Ващукъ Иванъ Ивановичъ.
36 Введенскій Павелъ Аполлоновичъ. Ярославль.
37 Верещагинъ Александръ Степановичъ. Вятка.
38 Веселовская Варвара Васильевна. С.-Петербургъ.
39 Веселовскій Николай Ивановичъ. С.-Петербургъ.
40 Висковатова Марія Павловна. Дерптъ.
41 Висковатовъ Павелъ Александровичъ. Дерптъ.
42 Владычинскій Николай Михайловичъ. Ярославль.
43 Войтенковъ Николай Николаевичъ. Ярославль.
44 Вологодскій Владиміръ Аполлоновичъ.
45 Волоцкой Дмитрій Владиміровичъ. Вологда.
46 Гаркави Авраамъ Яковлевичъ. С.-Петербургъ.
47 Гаршинъ Евгеній Михайловичъ. С.-Петербургъ.
48 Гатцукъ Алексѣй Алексѣевичъ. Москва.
49 Гацискій Александръ Серафимовичъ. Нижній-Новгородъ.
50 Гиль Христіанъ Христіановичъ. С.-Петербургъ.
51 Голенищевъ Владиміръ Семеновичъ. С.-Петербургъ.
52 Головацкій Яковъ Ѳеодоровичъ. Вильна.
53 Головщиковъ Константинъ Дмитріевичъ. Ярославль.
54 Голубцовъ Владиміръ Владиміровичъ. Красноуфимскъ.
55 Голышевъ Иванъ Александровичъ. Мстера.
56 Градусовъ Николай Михайловичъ. Ярославль.
57 Градусовъ Павелъ Андреевичъ. Ярославль.
58 Григорьевъ Николай Илларіоновичъ.
59 Грязновъ Василій Васильевичъ. Вильна.
60 Гуковскій Константинъ Павловичъ. Ковно.

61 Гурко-Ромейко Александръ Леонтьевичъ. Ярославль.
62 Дестунисъ Гаврило Спиридоновичъ. С.-Петербургъ.
63 Дитятинъ Иванъ Ивановичъ. Москва.
64 Дмитріева Анна Ивановна. Ярославль.
65 Дмитріева Вѣра Ивановна. Ярославль.
66 Дмитріева Вѣра Николаевна. Ярославль.
67 Дмитріевъ Александръ Алексѣевичъ. Пермь.
68 Добролюбовъ Иванъ Васильевичъ (священникъ). Рязань.
69 Долговъ Семенъ Осиповичъ.
70 Домелунксенъ Антонина Ѳеодоровна. С.-Петербургъ.
71 Достоевскій Андрей Андреевичъ. С.-Петербургъ.
72 Достоевскій Андрей Михайловичъ. Ярославль.
73 Дружининъ Василій Григорьевичъ. С.-Петербургъ.
74 Дубасовъ Иванъ Ивановичъ. Тамбовъ.
75 Жизневскій Августъ Казиміровичъ. Тверь.
76 Забѣлинъ Иванъ Егоровичъ. Москва.
77 Завитневичъ Владиміръ Зеноновичъ. Кіевъ.
78 Зачинскій Адамъ Францовичъ. Ярославль.
79 Зенгеръ Григорій Эдуардовичъ. Варшава.
80 Ивановскій Левъ Константиновичъ. С.-Петербургъ.
81 Иверсенъ Юлій Богдановичъ. С.-Петербургъ.
82 Износковъ Иліодоръ Александровичъ. Казань.
83 Иловайскій Дмитрій Ивановичъ. Москва.
84 Карповъ Геннадій Ѳеодоровичъ. Москва.
85 Кирпичниковъ Александръ Ивановичъ. Одесса.
86 Кобеко Дмитрій Ѳомичъ. С.-Петербургъ.
87 Колмогоровъ Яковъ Степановичъ. Угличъ.
88 Колчинъ Михаилъ Андреевичъ. Холмогоры.
89 Корзинкинъ Александръ Александровичъ. Москва.
90 Корсаковъ Дмитрій Александровичъ. Казань.
91 Корсунскій Николай Николаевичъ. Ярославль.
92 Коцаурова Марія Дмитріевна. Ярославль.
93 Коцауровъ Иванъ Николаевичъ. Ярославль.
94 Кочубинскій Александръ Александровичъ. Одесса.
95 Красносельцевъ Николай Ѳомичъ. Казань.
96 Кузнецовъ Василій Яковлевичъ. Ярославль.
97 Кузнецовъ Степанъ Кировичъ. Томскъ.
98 Кулаковскій Юліанъ Андреевичъ. Кіевъ.
99 Курловъ Павелъ Григорьевичъ. С.-Петербургъ.
100 Лавровъ Иванъ Николаевичъ. Ярославль.
101 Лаконте Михаилъ Алексѣевичъ. Иваново-Вознесенскъ.

102 Ламанскій Владиміръ Ивановичъ. С.-Петербургъ.
103 Графъ Ланской Николай Степановичъ. С.-Петербургъ.
104 Лаппо-Данилевскій Александръ Сергѣевичъ.
105 Ласковскій Василій Павловичъ. Новгородъ.
106 Латышевъ Василій Васильевичъ. С.-Петербургъ.
107 Липинскій Маріанъ Александровичъ. Ярославль.
108 Литовъ Михаилъ Михайловичъ. Ярославль.
109 Лихачевъ Андрей Өеодоровичъ. Казань.
110 Лихачевъ Иванъ Өеодоровичъ. Парижъ.
111 Лихачевъ Николай Петровичъ. Казань.
112 Лопатинъ Сергѣй Егоровичъ. Ярославль.
113 Лѣствицынъ Вадимъ Ивановичъ. Ярославль.
114 Майковъ Владиміръ Владиміровичъ. С.-Петербургъ.
115 Майковъ Леонидъ Николаевичъ С.-Петербургъ.
116 Марковичъ Алексѣй Ивановичъ. Одесса.
117 Мартыновъ Алексѣй Александровичъ. Москва.
118 Миллеръ Всеволодъ Өеодоровичъ. Москва.
119 Миллеръ Орестъ Өеодоровичъ. С.-Петербургъ.
120 Милонидовъ Иванъ Васильевичъ. Кострома.
121 Минервинъ Александръ Евграфовичъ. Ярославль.
122 Мордвиновъ Владиміръ Павловичъ. С.-Петербургъ.
123 Мосоловъ Александръ Николаевичъ. Новгородъ.
124 Муратовъ Сергѣй Михайловичъ. Ярославль.
125 Мурко (докторъ филологіи). Вѣна.
126 Невскій Дмитрій Александровичъ. Ярославль.
127 Нефедовъ Филиппъ Діомидовичъ. Москва.
128 Никитинъ Николай Васильевичъ Москва.
129 Никифоровъ Василій Николаевичъ (священникъ).
130 Никольскій Павелъ Өеодоровичъ (протоіерей).
131 Никольскій Константинъ Тимоѳеевичъ (протоіерей). С.-Петербургъ.
132 Никольскій Михаилъ Васильевичъ. Москва.
133 Никольскій Николай Константиновичъ. С.-Петербургъ.
134 Новиковъ Андрей Николаевичъ. Ярославль.
135 Овчинниковъ Валерій Павловичъ. С.-Петербургъ.
136 Овчинниковъ Михаилъ Васильевичъ. Нижній-Новгородъ.
137 [illegible] Иванъ Ивановичъ. Ярославль.
138 [illegible] Николай Егоровичъ. [illegible]
139 Орѣшниковъ Алексѣй Васильевичъ. Москва.
140 Павлиновъ Андрей Михайловичъ. Москва.

141 Пантусовъ Николай Николаевичъ. Вѣрный.
142 Папоновъ Михаилъ Павловичъ. Ярославль.
143 Пастернекъ (докторъ филологіи). Вѣна.
144 Пастуховъ Леонидъ Николаевичъ. Ярославль.
145 Петровъ Петръ Николаевичъ. С.Петербургъ.
146 Пироговъ Василій Геннадіевичъ. Кострома.
147 Пирожковъ Никита Васильевичъ. Ярославль.
148 Платоновъ Сергѣй Ѳеодоровичъ. С.-Петербургъ.
149 Плецъ Вильгельмина Михайловна.
150 Подшиваловъ Алексѣй Михайловичъ. Москва.
151 Поздѣевъ Николай Ивановичъ. Ярославль.
152 Покровскій Николай Васильевичъ. С.-Петербургъ.
153 Покровскій Ѳеодоръ Васильевичъ. Тверь.
154 Полевой Петръ Николаевичъ. С.-Петербургъ.
155 Поливановъ Владиміръ Николаевичъ. С. Акшуатъ, Симбирской губерніи.
156 Помяловскій Иванъ Васильевичъ. С.-Петербургъ.
157 Поповъ Нилъ Александровичъ. Москва.
158 Постниковъ Дмитрій Андреевичъ.
159 Постниковъ Николай Михайловичъ.
160 Князь Путятинъ Павелъ Арсеньевичъ. С. Бологое, Новгородской губерніи.
161 Рамзевичъ Николай Кирилловичъ. Тотьма.
162 Рейхельтъ Николай Николаевичъ. С.-Петербургъ.
163 Румянцовъ Василій Егоровичъ. Москва.
164 Савваитовъ Павелъ Ивановичъ. С.-Петербургъ.
165 Савельевъ Александръ Александровичъ. Нижній-Новгородъ.
166 Самоквасовъ Дмитрій Яковлевичъ. Варшава.
167 Свѣшниковъ Петръ Николаевичъ.
168 Селивановъ Александръ Ѳеодоровичъ. С.-Петербургъ.
169 Селивановъ Алексѣй Васильевичъ. Рязань.
170 Селифонтовъ Николай Николаевичъ. С.-Петербургъ.
171 Середонинъ Сергѣй Михайловичъ. С.-Петербургъ.
172 Скульскій Аркадій Васильевичъ. Ярославль.
173 Смирновъ Алексѣй Логгиновичъ. С.-Петербургъ.
174 Смирновъ Иванъ Кузьмичъ.
175 Смирновъ Иванъ Николаевичъ. Казань.
176 Соболевскій Александръ Ивановичъ. Кіевъ.
177 Соболевъ Иванъ Николаевичъ. Ярославль.
178 Соколовъ Владиміръ Дмитріевичъ.
179 Соколовъ Иванъ Ивановичъ. С.-Петербургъ.

180 [illegible] Матвѣй Ивановичъ. [illegible]
181 [illegible] Александръ Андреевичъ. [illegible]
182 [illegible] Евграфъ [illegible] Москва.
183 Суворовъ Иванъ Николаевичъ. Вологда.
184 Суворовъ Николай Ивановичъ. Вологда.
185 Суворовъ Николай Семеновичъ. Ярославль.
186 Султанова Екатерина Павловна. С.-Петербургъ.
187 Султановъ Николай Владиміровичъ. С.-Петербургъ.
188 Сургучевъ Иванъ Васильевичъ. [illegible]
189 [illegible] Владиміръ Васильевичъ. С.-Петербургъ.
190 [illegible] Илья Андреевичъ. С.-Петербургъ.
191 Т[illegible] Иванъ Григорьевичъ. Ярославль.
192 Т[illegible] Іосифъ Игнатьевичъ. Ярославль.
193 Баронъ Тизенгаузенъ Владиміръ Густавовичъ. С.-Петербургъ.
194 Тилле Августъ Васильевичъ. Ярославль.
195 Тимошевскій Григорій Ивановичъ. Ставрополь.
196 Титова Глафира Андреевна. Ростовъ-Великій.
197 Титовъ Андрей Александровичъ. Ростовъ-Великій.
198 Т[illegible] Николай Александровичъ. Казань.
199 Графъ Толстой Иванъ Ивановичъ. С.-Петербургъ.
200 Графъ Толстой Михаилъ Константиновичъ. Севастополь.
201 Третьяковъ Алексѣй Антоновичъ. Москва.
202 Тр[illegible] Леонидъ Николаевичъ. Ярославль.
203 Троицкій Иванъ Егоровичъ. С.-Петербургъ.
204 Троицкій Николай Ивановичъ. Тула.
205 Трутовскій Владиміръ Константиновичъ. Москва.
206 Тр[illegible] Николай Матвѣевичъ.
207 Графиня Уварова Екатерина Алексѣевна. Москва.
208 Графиня Уварова Прасковья Алексѣевна. Москва.
209 Графиня Уварова Прасковья Сергѣевна. Москва.
210 Ульяновъ Николай Дмитріевичъ. С.-Петербургъ.
211 Ушаковъ Егоръ Аѳанасьевичъ. Мышкинъ.
212 Фортунскій Ѳеодоръ Яковлевичъ. Кіевъ.
213 Херсонскій Иванъ [illegible]. Кострома.
214 Холщевниковъ Василій Николаевичъ. Ярославль.
215 Холщевниковъ Павелъ Васильевичъ. Ярославль.
216 Хор[illegible] Елиодоръ Николаевичъ. Ярославль.
217 Хрущовъ Иванъ Петровичъ. С.-Петербургъ.
218 Хрущовъ Михаилъ Ивановичъ. Ярославль.
219 [illegible] Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ. Кузнецкъ.

220 Чечулинъ Николай Дмитріевичъ. С.-Петербургъ.
221 Чижовъ Николай Евфимовичъ. Одесса.
222 Чуйко (нотаріусъ) Николай Ильичъ. Городня.
223 Шевелевъ Николай Николаевичъ. Ярославль.
224 Шиллингъ Михаилъ Аѳанасьевичъ. Ярославль.
225 Шиповъ Иванъ Павловичъ.
226 Шишонко Василій Николаевичъ. Пермь.
227 Шляковъ Иванъ Александровичъ. Ростовъ-Великій.
228 Шляпкинъ Илья Александровичъ. С.-Петербургъ.
229 Шокросъ Елисей Елисеевичъ. Ярославль.
230 Шпилевская Анна Николаевна. Ярославль.
231 Шпилевскій Сергѣй Михайловичъ. Ярославль.
232 Штида Людвигъ Христіановичъ (профессоръ). Кенигсбергъ.
233 Щегловъ Владиміръ Георгіевичъ. Ярославль.
234 Эварницкій Дмитрій Ивановичъ. Харьковъ.
235 Ягичъ Игнатій Викентьевичъ. Вѣна.
236 Яковлевъ Николай Александровичъ. Ярославль.
237 Якушкинъ Вячеславъ Евгеньевичъ. С.-Петербургъ.
238 Якушкинъ Евгеній Евгеніевичъ. Москва.
239 Якушкинъ Евгеній Ивановичъ. Ярославль.
240 Ящуржинскій Христофоръ Петровичъ. Симферополь.

Печатано съ разрѣшенія Предсѣдателя VII Археологическаго Съѣзда.

Ярославль. 1887 года. Въ тип. Губ Правл.

занное вниманіе, за все радушіе, которое испытывалъ каждый и на каждомъ мѣстѣ въ этомъ городѣ.»

По окончаніи заключительнаго собранія Съѣзда, на которомъ присутствовали: Высокопреосвященный Іонаѳанъ Архіепископъ Ярославскій и Ростовскій, г. Ярославскій Вице-Губернаторъ П. К. Рекъ, Управляющій Ярославскою Контрольною Палатою А. Л. Ромейко-Гурко и другіе представители губернской администраціи, всѣ присутствовавшіе члены Съѣзда перешли изъ актовой залы, гдѣ происходили засѣданія Съѣзда, въ домовую церковь Лицея. Здѣсь Высокопреосвященнымъ Архіепископомъ, въ сослуженіи архимандрита Владиміра и 3-хъ представителей мѣстнаго духовенства, было совершено благодарственное молебствіе по случаю окончанія занятій VII Археологическаго Съѣзда. За молебствіемъ были возглашены многолѣтія: Государю Императору, Государынѣ Императрицѣ, Наслѣднику Цесаревичу и всему Царствующему Дому, Св. Синоду, Высокопреосвященнѣйшему Іонаѳану съ его паствою и, въ заключеніе, всѣмъ участникамъ въ трудахъ VII Археологическаго Съѣзда. По окончаніи молебствія Владыка обратился къ представителямъ науки съ слѣдующею рѣчью: „Достопочтенные изслѣдователи русской старины!—началъ свое заключительное слово архипастырь—воздавъ благодареніе Господу Богу, Благодѣтелю нашему и Споспѣшнику во всѣхъ добрыхъ начинаніяхъ и дѣлахъ нашихъ, долгомъ считаю, разставаясь съ Вами, Мм. Гг., изъявить и Вамъ сердечную благодарность за ваши усердные занятія и труды по изслѣдованію церковныхъ древностей въ Ростовско-Ярославской области. Думаю, что вы, какъ истые любители почтенной древности, съ утѣшеніемъ посмотрѣли на наши древніе православные храмы Божіи, полюбовались красотою древней архитектуры и внутреннимъ благолѣпіемъ ихъ, а можетъ быть нѣкоторые изъ васъ и поскорбѣли, что не все дорогое древнее сохранено здѣсь въ надлежащей цѣлости, и что иное, напротивъ, замѣнено новыми произведеніями зодчества и искусства. Не судите за сіе строго кого бы то ни было. Время сему виною, ибо время всякой вещи подъ небесемъ. Время и самыя прочныя сооруженія человѣческія постепенно видоизмѣняетъ и приводитъ къ разрушенію. Время не щадитъ и насъ самихъ. Какъ бы мы не старались въ преклонныхъ лѣтахъ реста-

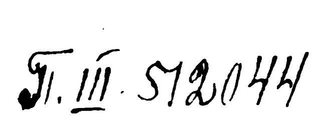
врировать себя, все же мы не сдѣлаемъ себя молодыми и мужественными, какими многимъ хотѣлось бы быть. Такъ и всѣ видимые нами предметы, подлежащіе скорому или продолжительному видоизмѣненію, не могутъ быть приведены нами въ тотъ самый видъ, въ какомъ они были за нѣсколько столѣтій.

Возобновивъ нашъ древній Ростовскій кремль, мы врядъ ли достигли того, чѣмъ онъ былъ за 200 слишкомъ лѣтъ назадъ. Мы закрыли только его руины и безобразіе и сѣдую его древность украсили въ древнемъ вкусѣ современными матеріалами и красками, но дали-ли ему первобытную прочность и вѣковую живучесть? Сказать не рѣшаюсь. Мы отжили то время, сказалъ одинъ изъ современныхъ археологовъ *), когда храмы наши создавалъ часто простой мастеръ. То было творчество народное, продуктъ физіологически сложившихся элементовъ національной жизни. Во всѣхъ формахъ былъ свой языкъ, своя духовная идея. Съ тѣхъ поръ, какъ затмило насъ вліяніе запада, мы сбились съ дороги и забыли наше искусство. Только въ настоящее время, во имя самопознанія, наступила желанная пора возрожденія русскаго искусства. Мы только недавно обратились къ изученію дошедшихъ до насъ памятниковъ роднаго искусства. И потому неудивительно, что нѣкоторые древніе храмы въ здѣшней епархіи видоизмѣнены. За нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ мало заботились о сохраненіи древнихъ церквей и памятниковъ старины, и они видоизмѣнялись или по современнымъ архитекторскимъ соображеніямъ и планамъ, или по вкусу и настойчивымъ требованіямъ богатыхъ средствами строителей и благотворителей церквей въ бѣднѣйшихъ приходахъ,—или, наконецъ, потому, что небыло ни какой возможности пріискать искусныхъ мастеровъ и иконописцевъ, которые могли бы разрушающуюся древнюю церковь реставрировать въ томъ видѣ и обликѣ, въ какомъ она прежде существовала. Если и въ настоящее время, при всей заботливости Правительства о сохраненіи памятниковъ старины, мало людей искусныхъ и непогрѣшительныхъ въ археологіи и реставраціи: то что можно сказать о временахъ давноминувшихъ?

---

*) В. В. Сусловъ.

Поэтому желательно было бы мнѣ, чтобы вы, достопочтенные изслѣдователи старины, были снисходительны по отношенію къ тѣмъ недостаткамъ въ сохраненіи и реставраціи церковныхъ памятниковъ древности, которые вами нынѣ усмотрѣны, и погрѣшности неискуссныхъ въ археологіи дѣятелей исправили потребными указаніями и наставленіями. Вы, какъ истинные труженики археологической науки, болѣе другихъ проникающіе въ тайны научной мудрости, должны быть вѣрны той премудрости небесной, о которой сказано, что она чиста, мирна, скромна, послушна, полна милосердія и добрыхъ плодовъ (Іаков. III, 17). Да пребудетъ сія премудрость съ вами навсегда, а съ нею да пребудутъ надъ всѣми вами и благословеніе Божіе и покровительство Ярославскихъ и Ростовскихъ чудотворцевъ. Аминь."

Печатано съ разрѣшенія Предсѣдателя VII Археологическаго Съѣзда.

Ярославль. 1887 года. Въ тип. Губ. Правл.